

В.СТАРИКОВ

Память
моих
солдаты

В. СТАРИКОВ

**Память
моя
- солдаты**

Записки о войне

**Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1971**

Добровольцам Уральского
танкового корпуса
— живым и мертвым —
посвящаю.

• Память моя — солдаты...

Однажды мне приснилось, что я убит. Я еще бежал, и передо мною вставали от разрывов мин черные конусы земли, но это были мои последние шаги. Я знал, что жизнь оборвется, как только я упаду на землю... В другом сне я стоял в строю пленных и ждал расстрела. Вызванный, я отделился от шеренги и прислонился спиной к высокой кирпичной стене и посмотрел в черные зрачки винтовок, нацеленных в меня. Я закрыл глаза, не будучи в силах встретить смерть, как хотелось. Стоял и отсчитывал последние секунды жизни... А потом просыпался с бьющимся сердцем и долго не мог заснуть.

Жизнь журналиста, занятого текущими делами и подчиненного ежедневно круто набегающим событиям, приучила редко оглядываться назад. Двадцать четыре года пролежали мои пожелтевшие записные книжки военных лет. Я даже не подозревал, забыл, что в них хранятся десятки фамилий и портретов солдат и офицеров Уральского добровольческого танкового корпуса, с которыми я прошел фронтовыми дорогами от первых боев на Орловско-Курской дуге до завершающих — на улицах Берлина и Праги.

С Урала мы уезжали вместе многими эшелонами, домой вернулись в разное время и не все.

У развернутых знамен добровольцы клялись не щадить своей жизни ради счастья советского народа. Эту клятву они сдержали...

По карте от Орла до Берлина по прямой — полторы тысячи километров. Но мы к этому городу пробивались не по прямой: на войне прямых не бывает. Не будет преувеличением сказать, что для нас путь к столице фашистского государства — Берлину оказался вдвое, а может, и втрое длиннее, чем по карте. Эти тысячи километров уральские добровольцы одолевали с боями долгие семьсот дней и ночей.

И я прошагал этот путь вместе с ними по землям России, Украины, Польши и Германии.

Земля везде разного цвета и разной вязкости, но везде она — земля, на которой наливаются зерном колосья и плодоносят фруктовые сады, стоят города и села. И вся она полита кровью наших людей.

• *Начало*

Старая записная книжка открывалась датой:

„18—19 июля 1943 года.

Корпус формировался на Урале, а боевую подготовку танкисты проходили под Москвой.

Дни боевой учебы закончены. Сегодня мы уезжаем на фронт.

Ночь... «Тридцатьчетверки» стоят на темной опушке в два ряда, поблескивая металлом под лунным светом...”

Я хорошо помню ту давнюю ночь.

Танкисты лежали, вытянувшись, тесно прижавшись один к другому на широком брезентовом полотнище, пахнущем маслом, с минуты на минуту ожидая начала ночной погрузки машин на железнодорожные платформы. Сильный лунный свет делал зримыми самые отдаленные предметы. На башнях танков отчетливо белели трехзначные номера. Машины, с длинными зачехленными стволами, походили на больших зверей, чутко дремлющих в тишине перед началом трудного перехода. Резкими линиями рисовались на фоне летнего неба геометрические фигуры электромачт. Маленькие домики пристанционного поселка, окруженные палисадниками с густыми кустами, отражали стеклами лунный свет. Пахло какими-то ночными цветами — жасмином или табачком. Мирная, тихая ночь...

В той стороне, где была Москва, в небе вспыхивали яркими точками разрывы зенитных снарядов — звук их сюда не долетал. Воздушные бои с немецкими самолетами шли на самых близких подступах к столице, а может, и над ее улицами и площадями. По силе огня мы могли судить об интенсивности очередного воздушного налета врага.

Уже полтора года, как немцев отогнали от столицы. Однако передний край все же оставался близко, и немцы продолжали, хотя и реже и только по ночам, тревожить Москву.

В оперативной сводке Советского информбюро в эти дни сообщалось:

«На днях наши войска, расположенные севернее и восточнее города Орла, после ряда контратак перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось с двух направлений: из района севернее города Орла на юг и из района восточнее города Орла на запад.

Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяжением 40 километров и за три дня непрерывных боев продвинулись вперед на 45 километров. Разгромлены многочисленные узлы сопротивления и опорные пункты противника».

Всех нас волновало: на каком фронте встретимся мы с врагом и получим первое огневое крещение?

У парней со всего рабочего Урала, надевших полгода назад армейские шинели, обрывалась одна полоса жизни и начиналась другая. Наверное, каждый из нас в ту ночь мысленно оглядывался на прожитое и старался всмотреться в неведомую даль. Взволнованность находила выход в песнях. Сколько же их спели в те самые последние часы! Пели вполголоса, словно старались не тревожить тихого сна поселка. Слова самые обыкновенные приобрели особенный смысл, бередили сердце и душу. Потом за всю войну я не слышал столько песен, как в ту ночь.

Я знал многих, кто лежал сейчас на брезенте, и размышлял о том, что выпадет на долю каждого, когда мы вступим в бои.

Сняв шлемофон, подперев русую голову, задумался о чем-то своем механик-водитель Федор Черноусов. Впер-

вые я увидел его на заседании «треугольника» в цехе танкового завода. В небольшой комнате тогда шло обсуждение кандидатур добровольцев в танковый корпус. На каждое место претендовало человек десять. Так велик был порыв! Сквозь тонкие фанерные стенки кабинета доносились цеховые шумы: шипение электросварки, грохот молотов, скрежет металла.

— У нас четыре наладчика,— говорил сердито начальник цеха, пожилой инженер,— и все четверо просятся в армию. Что же нам, отпустить их, прекратить производство танков? У нас не фронт? Может, и я хотел бы воевать, а вот сижу в тылу. Недодадим завтра хоть одну машину — позор! Сколько сегодня моторов опробовали?

Федор Черноусов ответил. Он стоял у стены, высокий, худой, в глухом комбинезоне. В больших глазах сверкало злое упрямство.

— Обещали больше...— упрекнул начальник цеха.

— Завтра перекроем,— заверил Федор.

— Завтра — это завтра. Мне и сегодня лишние моторы не помешают.

— Надо решать,— напомнил ему парторг, подсовывая заявления.

— Не могу дать согласия!— буркнул начальник цеха и даже отвернулся, не выдержав настойчивого взгляда Федора.— Слышал: сегодня четверо не справились с обещанием, а завтра, когда трое наладчиков останутся, как жить прикажете?

— Найдутся ребята — заменят,— сказал Федор.

— Одного придется отпустить,— поддержал Черноусова парторг.— Сами затеяли создать добровольческий корпус. Нужны ему хорошие водители? Нужны. Надо решать...— тоскливо повторил он.

Начальник цеха молчал.

— У меня два брата от немцев погибли,— глухо произнес Федор.— О втором матери вчера «похоронку» принесли. Мне их смерть приказывает на фронт идти. А в цехе у меня руки опускаются.

— Ты комсомолец...— начал было начальник цеха, но, встретившись со взглядом Федора, снова замолчал.

— Одного наладчика отпустим,— сказал парторг.— Кого — пусть сами ребята решат. Так? Ты ведь на участке комсомольскими делами занимаешься? — обратился он к

Федору.— Вот и подумайте коллективно... Вам там виднее, кто больше цеху нужен. Так?

— Я-то знаю, как они решат,— буркнул начальник цеха.

Федор кинул на него недружелюбный взгляд и вышел.

Спустя неделю я встретил Федора Черноусова в батальонном машинном парке в шинели: он принимал свою «тридцатьчетверку».

В Уральском корпусе кадровыми военными были только офицеры, командовали экипажами машин, в большинстве еще необстреленные восемнадцати-двадцатилетние юноши, недавние выпускники танкового офицерского училища. Все же рядовые и сержанты-добровольцы — люди рабочих профессий, колхозники.

Где-то на линии Горького и Ярославля в те дни кончалась граница затемнения. Чем дальше на восток, тем все сильнее и ярче по ночам полыхали зарева заводов. Здесь, на востоке, на Урале и дальше в Сибири готовили оружие для фронта. Тут был прочный тыл нашей армии. Пушки, танки, самолеты, минометы, «катюши», снаряды, которые эшелонами ежедневно уходили на фронт, делались руками этих парней. Теперь уральские добровольцы-бойцы многомиллионной трудовой армии взяли в руки оружие, которое они сами готовили.

Я надел шинель еще в декабре 1941 года. В отличие от уральских ребят, которые знали войну по газетам и кадрам кинохроники, я уже побывал на фронтах. Видел разрушенные и сожженные города Пудмосковья, выгоревшие и просто сметенные с лица земли русские деревни и села. Запомнил зимние дороги Западного фронта, после разгрома немцев под Москвой, устланные трупами гитлеровских вояк. Испытал не раз страх смерти. Знал, как неуютно бывает лежать под авиационным налетом, уткнувшись лицом в снег или землю, вслушиваясь в режущий свист летящих бомб, и дышать смрадным пороховым дымом.

Первую половину холодного 1942 года я пробыл на Северо-Западном фронте в частях под Старой Руссой, весенние полтора месяца, в том числе и майские праздники, прожил у партизан Псковщины, ходил с ними в ночные налеты на немецкие гарнизоны.

Я видел, как сражаются и умирают люди. Писать об этом было тяжело и трудно.

Я смотрел сейчас на танкистов и понимал, что после первых боев, наверное, увижу не всех. И старался запомнить все лица и голоса.

... Ночь уходила, трава задымилась росой, лунное сияние уступило место утренней заре. К воинской площадке медленно, почти бесшумно, только позвякивая при толчках тарелками буферов, подтягивался длинный состав платформ.

Раздалась команда. Разом взревели многосильные моторы «тридцатьчетверок». Их тяжелый гул сразу задавил тишину поселка, смрад выхлопных газов наполнил окрестность, подавив запах цветов. Темной массой одна за другой машины отрывались от стены леса и шли к платформе.

Вот уже первая осторожно, с торцовой стороны, подмала под себя дрогнувшую от тяжести платформу и медленно, перебирая сверкающими траками гусениц, расчетливо, не уклоняясь ни вправо, ни влево, чтобы не соскользнуть с узкой дорожки, поползла в голову к паровозу. За ней тронулись вторая машина, третья... Они двигались и двигались друг за другом. На редкость внушительно выглядело это шествие грузных машин.

Вдруг одна из них, шедшая третьей и почти уже занявшая свое место, неловко дернулась и, качнув платформу, рухнула под крутой откос. Она жалко перевернулась несколько раз, но все-таки встала на гусеницы у подножия насыпи. Танкисты со всех сторон побежали к ней.

Что с машиной? Что с механиком?

Откинулась крышка люка, и оттуда высунулся сконфуженный водитель. Живой и невредимый.

— Черте-что!..— громко выругался он, растерянно оглядываясь на товарищей.

— В порядке?— крикнул перепуганный командир машины.

— Конечно!..— бодро отозвался водитель.— Сейчас выберусь...

Он скрылся в башне, захлопнул люк. Взревел мотор, машина окуталась синим туманом выхлопного газа, шевельнулись гусеницы, и танк, раздирая слабый торфяной покров, развернулся, пошел вдоль насыпи и пристроился к хвосту колонны.

Тут же, как на грех, еще одна машина, неосторожно выправляя ход, рухнула под откос. Но менее удачно.

Грузно перевернувшись несколько раз, она всей башней крепко вдавилась в болото, словно большой жук, плоским брюхом к небу и беспомощно шевеля гусеницами.

С этой ребяткам пришлось повозиться. Два танка зацепили неудачника канатами и, дружно потянув, поставили гусеницами на землю. Танк тут же бодро фыркнул и резко побежал грузиться.

До чего же, однако, хороши, надежны «тридцатьчетверки»!

Из-за леса поднялось ясное солнце, когда наш длинный эшелон, ведомый двумя локомотивами, вышел на магистральную линию Киевской железной дороги. Мы не знали направления, только гадали о возможном фронте. Состав начал набирать скорость. Мелькнуло Голицыно, пошли ближние к Москве дачные пестрые платформы. Значит, в Москву. А куда потом?

От Москвы нас резко повернули на юг. Значит, туда, где сейчас разворачиваются летние бои — к Орлу и Курску. Эти города повторяются в ежедневных сведках Советского информбюро.

Последняя сообщила:

«В течение 19 июля наши войска на Орловском участке фронта продолжали наступление и, преодолевая контратаки противника, продвинулись вперед на 4—6 километров».

Словно подхваченный вихрем, наш длинный состав «зеленой улицей», нигде не задерживаясь, стремительно катит на юг. Знойный ветер свистит и бьет в глаза, обжигает лицо. Разгар лета, свежа и ярка зелень лесов, в самом цвету высокие травы. Мелькают телеграфные столбы, деревья, домики железнодорожников, станции... Всюду в Подмоскovie видны огороды, картофельные участки. Под посевы заняты все удобные и неудобные клочки земли, даже железнодорожные откосы. Ведь с продуктами трудно, очень трудно.

На всем пути женщины, устало выпрямляя спины, поднимаются от земли и вглядываются в эшелон долгим взглядом. Мальчишки выскакивают из реки на берег и, заслонясь рукой от солнца, дружно машут. А мы катим и катим, без остановок, на юг, на юг...

Садится солнце, вечерние сумерки падают на землю. Давно ушло Подмоскovie, с деревнями, разбросанными по пригоркам и в низинках у тихих, с кувшинками, речек,

с белыми церквушками на холмах, пошли просторные могучие дубняки, пахучие липовые рощи, обширные поля.

Ночью эшелон прибыл в Сухиничи.

Немцы не дали нам разгрузиться. Словно ждали нас. Загудели тревожно паровозы, забежали в небе лучи прожекторов, над путями повисли вражеские яркие осветительные бомбы, истекая светящимися багровыми каплями.

Состав поспешно оттянули от станции километров на пятнадцать и поставили в глубокой выемке. Танкисты набросали помости из шпал, машины сошли на землю и до утра укрылись в ближнем лесу.

С этого дня мы поступили в подчинение Брянского фронта и вошли в состав действующей армии.

• Первые бои

Грязная, после ливневого ночного дождя, проселочная дорога ныряет в заросший ольховый глубокий овраг и выбирается на крутогор к крайним избам отбитой накануне у немцев деревни. Третий по порядку дом, с разваленной взрывом снаряда передней бревенчатой стеной, со сброшенной в сторону железной крыши и обнаженным неприглядным нутром, словно кричит от боли. Две ветлы по углам усадьбы обезглавлены, их еще недавно пышные зеленые вершины втоптаны колесами проходящих машин в черную землю.

На самой улице, изрезанной колеями вдоль и поперек, следы недавнего боя: разбитые санитарные повозки, две мертвые лошади, немецкие каски, искореженный немецкий пулемет, обрывки желтых и красных телефонных проводов, всякий бумажный мусор, куча пустых снарядных гильз и окровавленные бинты.

У разбитого дома под моросящим дождем сидит на бревне в ситцевой ветхой кофточке, в грязной юбке, босая крестьянка, прижимая к себе детишек. Их трое: две девочки и мальчик, лохматые, давно нечесанные. Старшей — лет десять, младшей — годика четыре. Смотреть на них больно — худенькие, личики в струпьях, глаза

гноятся. Они, как перепуганные зверьки, прижимаются к матери, недоверчиво и настороженно глядят на суетящихся вокруг них солдат. Сюда подтягиваются части второго эшелона. За домом спешно устанавливаются огневые позиции батареи 76-миллиметровых орудий, связисты тянут во все стороны от штабов, разместившихся в уцелевших избах, провода. Уже дымит полевая кухня.

И тут же, за стеной сарая, на огороде среди высокой конопли, роют могилу. Трое мертвых молодых солдат, враспояску и без сапог, лежат рядом на сочной зеленой траве. Дождь падает в их открытые глаза.

Посередине улицы тянутся и тянутся войска: проползают танки, грузовики волокут тяжелые орудия, минометы, сбоку топают неторопливая пехота. Все это движется в ту сторону, откуда доносится несмолкающий гром недалекого боя. Отчетливо слышна артиллерийская стрельба, сухой треск автоматов. Да и сама деревня, за которую сейчас идет бой, виднеется на пригорке в дождевой легкой сетке столбами дыма горящих домов. Три наших истребителя, с режущим ухо ревом, проносятся низко над деревней, едва не срезая краснотелыми плоскостями макушки деревьев.

Измученная женщина застыла в отчаянии, в глазах — безмерная усталость и отупление, она ничего не видит вокруг себя и не слышит, только судорожно прижимает к себе детишек.

Я присаживаюсь рядом.

— Ваш дом?

Она кивает.

— Муж где?

— Кто ж его знает — убит или воюет... — Голос у нее хриплый, отвечает она равнодушно, без всякого чувства тревоги за близкого. — В сорок первом ушел, на второй день. В армию. С тех пор одна... Одна с тремя... Как только выжили — не знаю... Спасибо — наши пришли.

Некоторое время она отрешенно молчит, потом что-то разом в ее душе ломается, и все скрытые до того чувства выливаются бурным потоком слов, бессвязным рассказом. Ее надорванный голос привлекает внимание нескольких солдат, и они молча слушают женщину.

Она рассказывает обо всем, что они тут, в этой, теперь освобожденной деревне терпели под немцами два года.

Всяким поборам конца и краю не было — все давай: молоко, мед, масло, яйца, лен, коноплю, курей. Всех раздели, всю теплую одежду позабирали. Всего лишили их немцы, в постоянном страхе держали. Грозили казнями за помощь партизанам, которые воевали тут неподалеку, на Брянщине. Двенадцать мужиков деревни гитлеровцы расстреляли и повесили. Больше двадцати подростков — девчушек и мальчишек — отправили насильно на работы в Германию.

Перед отступлением немцы согнали всех жителей, заставили собрать оставшийся скот и двигаться на запад. Еще ранней весной они строго приказали каждому дому посеять коноплю. В этих местах она славится урожаями. Конопля поднялась высокая, густая. Женщина и схоронилась в ней с детишками, пересидела сутки до прихода своих. А коровы лишилась... Вот и дом разбит...

К концу ее рассказа кто-то из солдат дал детишкам по куску сахара, кто-то к ногам женщины положил банку американской тушенки и буханку ржаного хлеба.

А войска все движутся и движутся мимо нас, размешивая грязь, туда, где не стихает бой.

За сараем слышен сухой треск винтовочного залпа — воинский салют над могилой трех молодых ребят, погибших в бою за эту орловскую деревню.

Прерывается на улице движение колонны колесных машин. Впереди какой-то затор. Из кабины «скорой технической помощи», крытой фанерным ящиком грузовой машины «студебеккер», кто-то окликает меня и машет приглашающе рукой.

— Поехали! Наши форсировали Орел!.. Все уральцы теперь за рекой, — кричит техник Андрей Федоров.

Я бегу к машине и забираюсь в фанерный ящик. Там в тесноте вокруг верстака с тисками и наковальней сидят полевые ремонтники. Усаживаюсь на ребристую откидную скамейку и тут же спохватываюсь, что надо же было записать фамилию крестьянки, имена ее детей. Ведь, возможно, буду писать о ней в газете. Но уже сдвинулась с места вся колонна машин, и остановить «летучку» — задержать общее движение.

А нужна ли фамилия этой крестьянки? Таких русских разоренных семей — тысячи. Эта — дóма, хоть и разбита изба, но она на своей земле. Для нее война кончилась, все страшное теперь позади, кончилась жизнь в вечном

страхе. А сколько наших людей впереди за линией фронта ждет своего освобождения от фашистского рабства!

Такая запись о первом километре далекого пути на запад к Берлину сохранилась на пожелтевших страничках записной книжки 1943 года.

На предельной скорости «тридцатьчетверка» с цифрой на башне «232» проносится по пустынной деревне, выбрасывая траками ошметки жирной грязи, и резко останавливается у низкого каменного скотного двора, где расположен бригадный медсанбат. На броне танка, распластавшись, в крови, лежат двое. В борту машины зияют рваные пробоины. Видны длинные царапины по металлу.

Санитары, волоча носилки, бегут к машине.

Первым они снимают с брони и укладывают на носилки заряжающего Володю Калачева, потом стрелка-радиста Петра Симакова. Тот все щупает залитое кровью лицо и шепчет:

— Неужели глаза вырвало?

Распахивается люк башни, и оттуда кричит механик-водитель старшина Васнецов:

— Санитары! Лейтенанта возьмите. Ногу ему перебило... Скорее!..

Из башни появляется черноволосая голова лейтенанта Шаповалова. Ругаясь, он на руках пытается выбраться из узкого лаза башни. Но сил не хватает. Туловище его, перетянутое ремнем с пистолетом, ломается, и он беспомощно склоняется вперед. Подбежавшие санитары с трудом выволакивают его из башни, потом по броне спускают к носилкам. Правая нога Шаповалова болтается, словно она перерублена пополам и только держится в штанине. Лицо лейтенанта бледно и все в каплях пота.

Подкатывает «виллис», из которого выходит полковник Троценко — командир Свердловской бригады. Он наклоняется к лежащему на носилках лейтенанту и с досадой спрашивает:

— Что у тебя?

— Три бортовых пробоины, — говорит Шаповалов.

— Машина боеспособна?

— Так точно! Но экипаж из строя выбыл. Только механик уцелел... Может, ему часок отдохнуть? Жарко пришлось...

Крупное тело танкиста содрогается от боли, но возбуждение боем не прошло, и он горячебно говорит, говорит...

— А что там? — Троценко кивает в ту сторону, откуда доносится нестихающий гром орудий.

— Крепкая оборона... Никак не подойти. На холм вылезешь — весь на виду... Он и бьет.. Орудия кругом натыканы... — Голос лейтенанта от напряжения хрипит. — Берега круты, танками их вброд не одолеть... Подходы надо строить...

— Ладно!.. — смягченно говорит полковник. — Спасибо, лейтенант, за службу!

Троценко наклоняется, целует Шаповалова в лоб и направляется в штабной крытый автобус, с радиомачтой на крыше.

— Сережка! — шепчет сухими губами Шаповалов. — Дай ты мне закурить...

Механик, черный, закопченный пороховым дымом, грязными, в кровавых ссадинах, пальцами, торопливо вытаскивает из пачки папиросу, сует ее в рот лейтенанту, чиркает зажигалкой и дает прикурить. Тот жадно, глубоко затягивается дымом, но тут же роняет папиросу и больше не вспоминает о ней.

— Товарищ лейтенант, — говорит механик. — Возвращайтесь поскорее из госпиталя.

— А ты что думал? — с трудом разжимает губы лейтенант. — Вернусь... Мало еще повоевал... Не рассчитался с гадом за наших ребят... Дай нашу флягу, — жалобно по-детски просил он. — Из стеклянной не могу напиться... А где же небо?..

Начинается бред... Санитары уносят лейтенанта в медсанбат.

Сегодня я тоже не записываю, просто запоминаю фамилии всех этих людей, не ведая, что нельзя полагаться на память, что будет великое множество встреч с разными людьми.

Сюда в деревню, где расположился штаб Свердловской танковой бригады и наспех развернутый медсанбат, я восемь километров добирался пешком.

Моя «летучка», на которую я подсел в деревне, безнадежно застряла в колонне автомашин на первой же переправе через узкую речушку с гнилыми и обрывистыми берегами. Немцы заметили «пробку» на дороге, и тройка их бомбардировщиков не замедлила этим воспользоваться.

Все побежали через старое пахотное поле, заросшее желтой сурепкой, полевым выюнком и васильками, в сторону леса. Издали я видел, как возле самой колонны высоко поднялись черные конусы вырванной взрывами авиабомб земли. В двух местах полыхнуло белым пламенем: начали гореть машины.

Машины штаба, накрытые зелеными маскировочными сетками, притаились под деревьями фруктового сада. Штабники нервничают. Танковая бригада не может добиться видимого успеха, несет тяжелые потери. К 18.00 она должна овладеть населенными пунктами в пятнадцати километрах отсюда. А немцы упорно держатся на своем рубеже обороны, прочно закрепились на высоком берегу речушки. В такие трудные часы штабных офицеров, по опыту знаю, лучше не трогать: они угрюмы и молчаливы. И совсем иное дело, когда успех налицо — веселы и разговорчивы, охотно делятся подробностями боя.

Вечером я должен отправить в редакцию газеты «Доброволец» корреспонденцию о первом бое уральцев-танкистов, о нашем ударе по врагу. Там ее нетерпеливо ждут. В этом смысл моего здесь пребывания. Мне же не о чем пока писать, хотя сражение идет в двух-трех километрах отсюда, и я нахожусь в зоне артиллерийского и минометного огня.

Мне надо поговорить с участниками боев, расспросить, как действовали они, их товарищи, какой урон нанесли противнику.

Я же пока могу видеть только наши потери...

Прибывают и прибывают раненые танкисты, автоматчики, минометчики. Тяжелых вывозят с поля боя на танках. Тот, кто может двигаться, наспех перевязавшись бинтом индивидуального пакета, бредет сюда сам. Почти всякий раз, когда слышится рев мотора подходящей «тридцатьчетверки» у медсанбата, из штабного автобуса появляется с хмурым лицом полковник Троценко. Будто он хочет видеть каждого своего выбывающего из строя танкиста, хочет знать, кого еще он потерял.

Можно ли, вынув блокнот, начать беседу с ними, страдающими сейчас от физической боли? Спрашивать: как действовал? сколько убил немцев? какие поразил цели? До того ли им сейчас?

К одному солдату, который шел, поддерживая правой рукой перебитую левую, я сунулся с расспросами. Он мельком взглянул на меня и буркнул:

— Поди туда и сам посмотри...

Подъезжает еще одна «тридцатьчетверка», но останавливается не у медсанбата, а метрах в сорока, у дома с колодцем. В ту самую минуту, когда немцы начинают очередной густой минометный обстрел деревни. Слышен свист, потом глухой разрыв, опять свист-разрыв, опять и опять... К счастью, все мины ложатся на задах деревни, на огородах, где никого и ничего нет. Молчаливый стоит танк. Наконец обстрел закончился, из башни на броню вылезает старшина-механик Григоренко, нагибается, подхватывает странно беспомощного человека под мышки, с трудом вытаскивает и укладывает навзничь на броне машины. Из танка вылезают еще двое. Втроем они берут товарища, несут к избе и осторожно кладут на сырую землю.

Санитары с носилками торопятся к ним.

— Не нужно! — машет безнадежно старшина и встает перед ними так, словно хочет заслонить от санитаров лежащего. — Все...

Члены экипажа неподвижно стоят возле своего мертвого командира. Субботин лежит, вытянув вдоль туловища руки. На гимнастерке, сплошь залитой бурым пятном крови, словно отверстие раны, краснеет орден Красной Звезды. Подходит полковник Троценко, на ходу снимает фуражку.

— Из башни вылез, хотел лучше цель увидеть, — виновато рассказывает старшина. — Его и срезали пулеметом... Подавили мы расчет... Прошлись по окопам, поутюжили... Боеприпасы кончились, потому и из боя вышли...

— Машина в порядке?

— Только горючим надо подзаправиться, да боекомплект получить.

— Кто Субботина заменил?

— Я, товарищ полковник.

— Продолжай командовать. Нет у меня сейчас резервных офицеров, действуйте быстрее! Не теряйте времени. Надо нам сбивать немцев. Ясно?

— Так точно! Разрешите выполнять?

— Выполняйте...

Танкисты побежали к машине.

Троценко в одиночестве постоял над мертвым Субботиным, прощаясь с ним, вглядываясь в его бледное лицо с упрямо сжатыми губами, и медленно пошел к своей штабной летучке.

Идет бой... Близкий артиллерийский грохот не стихает.

Появляется девятка немецких бомбардировщиков. Они выстраиваются в «карусель», образуя замкнутый круг, готовясь бомбить наши позиции. Сверху на них стремительно кидается тройка подвижных истребителей. Бомбардировщики разрывают стройный круг и беспорядочно сбрасывают бомбы. Они срываются черными каплями из-под крыльев с черной свастикой и стремительно летят к земле. Один из бомбардировщиков вдруг задымил и, гудя, оставляя длинный темный след, с нарастающей скоростью несется к земле. В том месте, где он ударяется о землю, раздается взрыв и взметывается густое черное облако. Остальные бомбардировщики отворачивают обратно к своим. Истребители, сделав плавный и широкий круг над полем боя, стремительно набирают высоту и устремляются в погоню за удирающим противником.

Лейтенант Субботин лежит в одиночестве, словно всеми забытый... Отвоевался... В первый день нашей встречи с противником. По его желтоватой, смертно затвердевшей щеке ползут два черных мураша.

Тогда я ничего не написал в газету о лежавшем у дома в орловской деревне мертвом лейтенанте Субботине, первом погибшем из нашего Уральского корпуса, которого я увидел в первый день боя. На страницах небольшой двухполосной газеты «Доброволец» для него, как и для многих и многих павших в тот день, не нашлось бы свободных строчек. Более удачливые действия других экипажей заслонили смерть Субботина. Хотя в этот день лейтенант Субботин вместе со своим экипажем сумел разбить несколько орудий противника, раздавил полтора десятка автоматчиков, просочившихся к нам в тыл.

А ведь я мог бы написать о лейтенанте Субботине. О том, как кареглазый и шустрый школьник кубанской станицы, мечтавший стать географом и путешественни-

ком, по призыву попал в военное училище и через полгода вышел восемнадцатилетним офицером-танкистом и сразу оказался на войне.

За неделю до этих боев на Орловщине, вечером, сидя у костра, Костя Субботин весело рассказывал товарищам, как однажды шестерка станичных подростков спустилась на украденной лодке в Азовское море и его берегами прошла в Черное, исчезнув почти на два месяца из дому. Сколько они тогда наделали тревоги своим домашним! Но сколько сами пережили: попадали несколько раз в штормы, блуждали в тумане, едва не потопил их ночью теплоход.

Костя Субботин был небольшого росточка, крепкий, ладный, с лукавой искринкой в карих глазах. Щеки его еще были по-детски округлы, с пушком на подбородке и верхней губе. Свои рассказы он пересыпал солью юморка и умел захватить внимание слушателей.

В тот вечер Костя Субботин поведал историю своей первой любви.

С девушкой они расставались поздно. И каждую ночь ему предстояла неизбежная встреча на мосту через степную речушку. Там его ожидали трое парней. Издали он видел их темные фигуры. Можно было, конечно, миновать мост, обойти его стороной и вплавь перебраться на другой берег — гордость не позволяла.

Костю спрашивали:

— Будешь к Зойке ходить?

— А то? Запретите?

Силы складывались явно неравные — один против троих дружков, страдавших за отвергнутого Зойкой товарища. Каждую ночь Костя возвращался домой изрядно помятый в драке. Но вечером опять торопился на свидание к ничего не подозревавшей Зойке. Потом опять шагал к дому, готовый ради нее к драке. И она повторялась с жестоким постоянством.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не война. Костя Субботин встретился с теми тремя парнями в военкомате. Всех призывников остригли наголо. Но и тут ребята не примирились.

— Ладно! — пообещали ему «недруги». — Еще встретимся после войны. Рассчитаемся!..

— Конечно, встретимся! — подтвердил Костя.

Солдаты-добровольцы да и офицеры-танкисты, моло-

же Кости Субботина на каких-нибудь год-два, смотрели на него, как на бывалого и опытного воина. Еще бы: воевал, получил орден Красной Звезды. Опытный офицер! Поэтому на всех учениях его экипаж выходил на первое место и получал благодарности от командования.

Я знал о нем и другое. В Косте жила душа поэта. Он рвался увидеть мир и писал стихи, втихомолку, стесняясь товарищей. Ими была заполнена толстая тетрадь в черном коленкоровом переплете. Не военные, нет, о войне ни единой строки, только любовные. Все они посвящались девушке, обозначенной одной буквой — З.

Прости! — так суждено
Расстаться было нам, —
Свободно сердце вновь твоё...
Я волю дам слезам.

Из медсанбата вышел полковник Троценко и увидел меня.

— Там лейтенант Пронин лежит. Знаешь его? — сказал он. — Их самоходка «фердинанда» подбила. Поговори с ним... Пусть танкисты знают, что «фердинандов» и «тигров» можно бить.

Раненые вповалку лежали вдоль длинных стен коровника на соломенных подстилках и брезентовых полотнищах. Пахло навозом, лекарствами, кровью и потом. Дальняя часть помещения была наглухо отгорожена простынями: там работали врачи. Из оконных и дверных проемов падало достаточно света, и все было хорошо видно. Все эти лежавшие в повязках люди казались сейчас на одно лицо, и узнать среди них знакомых было просто невозможно. Я дважды прошел коровник из конца в конец и не нашел лейтенанта Пронина.

Навстречу двигалась сестра с большим чайником воды. Со всех сторон к ней протягивали кружки, котелки.

Я тронул ее за руку.

— Где лейтенант Пронин?

— Ищите... — нелюбезно сказала уставшая сестра. — Вон их сколько! Да еще в соседних домах. Не упомнишь... Лейтенант Пронин! — громко позвала она.

— Тут! — послышался дискант из затененного угла. — Кто спрашивает?

Я пошел на голос в глубину коровника. Вытянутое, похудевшее лицо Пронина, с заострившимися скулами и провалившимися щеками почернело от густо проступившей щетины и было неузнаваемым. Он лежал на брезенте, подложив под голову туго набитую полевую сумку, одна нога у него была в штанине, вторая — в толстой марлевой повязке. Ему недавно исполнилось двадцать два года, почти ровесник погибшего Кости Субботина.

— Осколок? — спросил я, присаживаясь.

— Ага! Снарядный... «Фердинанд» угостил. В мякоть, кость не тронута, еще воевать буду, — ответил он. — Закурить имеешь?

Я вынул кисет с махоркой, газету для завертки, и мы закурили.

— А экипаж? — спросил я.

— Воюет... У всех мелкие ранения. Серьезно только у меня. Выскочил посмотреть, что с катком. Тут и садануло.

— Правда, что «фердинанда» подбили?

— Двух! — воскликнул он, и лицо его оживилось удовольствием.

— Хорошо у нас получилось! Понимаешь, — заговорил он возбужденно. — Была задача — поддерживать самоходкой танки, конкретнее — обстрелять противника, подавить его огнем. Вылезли на высоту, дали несколько выстрелов и скорее назад в ложину. Подождали, противник молчит, и мы опять на бугор. Видим, прямо на нас, метрах так в тысячу пятьсот-шестьсот ползет незнакомая машина. Прется на нас лбом — широкая, низкая, серая, как жаба. Что еще за черт! Кричу ребятам:

— Что за машина?

— Никто не знает. Тут вторая такая же вылезла. Расстояние порядочное, но надо бить. Мы саданули первую в лоб. А ее, сам знаешь, так не пробьешь. Давай снаряд за снарядом... Туда и сюда крутимся. Зато одиннадцатым шарахнули! Ловко угодили! Задымил, гад! Видим: экипаж бежит ко второй. Только пятки сверкают. Мы и за нее принялись. И в нас снаряды летят. На дуэль вышли. Забыли про все. Кто кого? И вторую подбили — тоже задымила. А сбоку и третья... Мы и не заметили сначала ее... Первым же снарядом она нас по броне. Все ребята от осколков в крови. Вторым в каток. Я выскочил из машины взглянуть на него, тут мне и врезало. А ребята сообрази-

ли, уже дымовую завесу поставили и отходят. Да и снарядов у нас для хорошего боя не осталось. Вот так!.. Наводчик у меня классный, сообразительный. Обязательно напиши о нем. Сержант Обложкин Степан. Сделаешь? С последним снарядом отходили...

Пронин замолчал. По проходу к операционной на носилках пронесли двух раненых.

— Кого это еще? — приподнялся на локте Пронин. — Много наших сегодня выбило, — добавил он. — Слышал, майора Филимонова убило?

О гибели командира танкового батальона Филимонова я уже знал. Бывалый, опытный офицер, награжденный орденами за бои на Западном и Волховском фронтах. Он так увлекательно проводил занятия с молодыми офицерами, не знающими войны, что на них приходили и из других батальонов. Это была тяжелая потеря для бригады.

Напротив нас лежал очень длинный танкист. Обе руки его, все лицо были в марлевых плотных повязках, только щелочки для глаз, рта и носа. Он глубоко и трудно дышал, слегка постанывая. Вдруг что-то быстро забормотал, потом закричал дурным голосом, приподнялся и начал белыми кульями бить себя по лицу, стараясь сорвать повязку. Соседи кинулись к нему, схватили за руки.

— Водитель, — пояснил мне Пронин. — Из горящей машины выскочил. Только он и уцелел в экипаже, остальные, бедняги, сгорели.

Около обожженного танкиста сбились сестры, врачи, соседи.

— Стали мы отползать с одним снарядом, — опять заговорил полушепотом Пронин. — А тут вдруг «тигр» из кустарников вылез, словно караулил нас. С перепугу последним снарядом ударили по нему и давай ходу. «Змейкой» уходили. Он бьет в нашу сторону, а мы туда-сюда, не даемся ему в прицел. Так и утеккли!

Полукруглая поляна в глубине оврага среди стройных молодых дубков и густых зарослей орешника поразила меня неправдоподобной тишиной и уютом. Тут были поставлены две палатки с продуктами и имуществом, полевая кухня.

Попал я сюда в густеющих сумерках, подавленный и оглушенный впечатлениями длинного летнего дня.

Небольшой кучкой сидели на траве легко раненные танкисты и ужинали. С ними был и старшина батальона, резко выделявшийся среди солдат, замызганных и пыльных. Старшина словно хотел подчеркнуть своим внешним видом, что и на войне он должен подавать всем в батальоне пример. Гимнастерка на нем была аккуратно заправлена, белый подворотничок так свеж, будто пришит минут пятнадцать назад, сапоги сверкают глянцем.

Война, с доносившимся сюда грохотом орудий, казалась просто шумовым фоном.

Фамилии старшины не оказалось в моей записной книжке, но он, как живой, стоит перед моими глазами: крутолобая голова, с оттопыренными ушами, нос картошкой, маленькие, глубоко сидящие зеленые глаза. Он, среди других старшин, отличался особой скупостью и недружелюбием ко всем офицерам «сверху», которые по делам службы попадали в батальон и имели право сесть за обеденный стол. Так он относился и ко мне, когда под Москвой я попадал в это подразделение. Я ведь тоже был офицером «сверху», меня тоже надо было кормить.

Увидев меня, старшина поднялся с земли.

— Держи котелок,— сказал он неожиданно радушно,— подкрепись. И мы с ним пошли к кухне.

Открыв крышку котла, он наложил без всякой меры почти полный котелок круто сваренной рисовой каши, к тому же заправленной тушенкой. Такой вкусной еды и в таком обилии я давно не видел. А за весь этот день, мотаясь среди разных подразделений, я вообще ничего не ел. Проявленная старшиной щедрость была для него необычна. До этого мы состояли на тыловой, достаточно скудной продовольственной норме. Бывало, старшина тщательно делил на равные «пайки» буханки хлеба, резал на аккуратные дольки селедку, сахар насыпал выверенными мерками. С сегодняшнего дня мы перешли на повышенную фронтową норму питания. Но не может быть она такой обильной!

Однако это было еще не все.

Щелкнув замком канистры, старшина налил в кружку на глазок... водки.

— Хватит? Или еще добавить?— спросил он великодушно.

— Достаточно,— сказал я, вконец потрясенный такой необыкновенной щедростью.— Чего ты разошелся?

— Пользуйся...— горько сказал он.— Кашу на весь батальон готовили. А сколько наших выбыло — знаешь? Вчера я на три дня на полный состав продукты и водку получил. А что теперь с продуктами буду делать? Мы для всех кашу варили... и для мертвых. Их водку пьем.

Он плеснул немного в кружку и себе.

— Выпьем за тех, кто сегодня свою голову сложил! Каких ребят потеряли...

На фронте старшина поразительно переменился. Потом я не раз встречал его. Танкистам этого батальона ни в чем не было отказа, выполнялись их любые, порой даже неожиданные просьбы. Лучшая баня устраивалась в этом батальоне, разнообразнее и вкуснее всего кормили здесь.

Выпитая водка не подействовала на меня. Очевидно, велика была сила нервного напряжения.

К ночи бой начал затихать...

В овраг поодиночке, по двое и трое сходились танкисты. Старшина торопился всех накормить, он радовался каждому, кто появлялся на поляне в овраге. У него молча принимали котелки с кашей, кружки с водкой. Молча выпивали водку, молча ужинали.

В темноте я услышал голос лейтенанта Мариновского — командира взвода.

— Ничего не хочу,— грубо сказал он.— У меня из трех машин две погибли. Все ребята вышли из строя. Какая водка? С кем я завтра буду немцев бить?

В разговорах с танкистами выяснялись подробности минувшего боевого дня. Ребята называли имена погибших и раненых, рассказывали детали танковых схваток. Сейчас не было нужды кого-то расспрашивать. Оставалось только слушать и запоминать. Подкрепившись, танкисты тотчас уходили к машинам, которые надо было проверить, отремонтировать, залить горючим и заправить боеприпасами. Утром снова в бой. На сон удастся, может, выкроить часа полтора, не больше.

Позже всех в овраге появился командир батальона Никонов. Он только что был на совещании у командира бригады.

Все притихли.

— Что? Трудно пришлось?— дружелюбно спросил Никонов.— Война — тяжелая работа. Всем сейчас трудно.

Мне, думаете, легче?.. Дрались вы хорошо. Но и от немцев пришлось хлебнуть. Пусть нам сегодняшний день злости для завтрашнего боя прибавит. За своих товарищей отомстим...

Вокруг него собрались командиры машин.

— Экипажи ведут себя храбро,— сказал Никонов.— А общие действия у нас получаются нерешительными. Как же это так? Ведь мы сейчас сильнее немца. Почувствовали это? Он привязался к обороне. На ответные атаки не решается. В воздухе нет его господства. Наши летчики гонят фашистов и хорошо прикрывают нас с неба. Наша задача завтра — сбить его оборону, раздавить...

Тон его разговора самый дружеский, почти семейный. Главная черта в характере Никонова — доброта. Он ровен со всеми, в батальоне у него нет любимчиков, которых он выделял бы среди других. Любит общество своих офицеров, всегда с ними. Самыми хорошими минутами в батальоне под Москвой бывали обеденные и за ужином. Комбат обязательно появлялся за столом, без него не начинали обедов и ужинов. Тогда и решались все батальонные дела.

Сейчас идет такой же спокойный разбор боевого дня.

— Есть ко мне вопросы?— спрашивает Никонов.— Всем ясна на завтра боевая задача? Тогда — по экипажам.

Овраг пустеет.

Никонов забирается в палатку, зажигает небольшую лампочку от танкового аккумулятора и, просматривая штабные бумаги, быстро подписывает их. У него широкий красивый лоб, мягкие русые волосы, движения неторопливы и спокойны. Мне нравятся его руки, небольшие, женственные. Покончив с бумагами, отдыхая, Никонов задумчиво смотрит на меня.

— Трудный денек...— вслух размышляет он.— Самый, наверное, трудный. С запахом пороха ребята знакомятся. К нему привыкнуть надо. Пойдем посмотрим, что у нас там делается.

Мы тихонько пробираемся темным оврагом. Сзади шагают трое автоматчиков охраны. Тропа под ногами становится все круче.

Фронт тоже должен спать. Но как тревожен и зыбок этот сон! Выбравшись из оврага, мы останавливаемся у черной громады «тридцатьчетверки». От мотора еще

струится тепло, пахнущее отработанной соляркой. Автоматчики-десантники, сбившись в тесную кучу, спят на земле. Так же кучно они и храпят. Двое часовых стерегут тяжкий сон.

Мы всматриваемся в черноту ночи, вслушиваемся в ее звуки. Впереди по горизонту зарева горящих сел и деревень сливаются в извилистую багровую линию. Изредка стреляют наши и немецкие одиночные орудия. В отдалении то в одном, то в другом месте взлетает ракета — красная, зеленая, белая.

Опишет крутую траекторию, повисит мгновение и падает, угасая. словно кто забавляется.

— Разве для такого боя корпус готовили, — с горечью говорит мне Никонов. — Нам надо действовать в оперативной глубине противника, а мы сегодня воевали против огневых точек по всему фронту обороны. Вот и несем потери. Знаете, сколько мы сегодня потеряли? Так нас может и на три дня боев не хватить...

...Я лежу на брезенте возле штабной палатки в овраге и никак не могу уснуть. Только задремлю, встают перед глазами картины минувшего дня.

На мгновение погружаюсь в сон и пробуждаюсь от возбужденных голосов, урчания тяжелых грузовых машин.

Зыбкий серый рассвет.

— Разведка донесла, — громко говорит незнакомый офицер, — немцы ночью по всему фронту отошли на двенадцать километров. Там у них еще линии обороны — по рекам Оус и Нугрь. А всю эту оставленную полосу они выжгли. Ни одной целой деревни не оставили. Наши танкисты уже снялись, преследуют немцев. Вам теперь их догонять. Тылы приказано передислоцировать в деревню.

• Мы наступаем

Второй день боев.

В пыль перемешаны колесами и гусеницами все орловские дороги, по которым движутся и движутся к переднему краю, грохочущему артиллерийским непрерывным гулом, длинные колонны всех родов войск. Пыль густо покрывает

вает траву, кустики. Все былинки и все листочки и даже ярко-синие васильки стали серыми. Поля и перелески перекрашены в этот мертвенный цвет. Взмешенная пыль плотно висит в воздухе, и сквозь нее солнце обжигает зноем июльского дня. Пыль горячая, словно зола в костре. Трудно дышать, запеклись губы, язык сухой, шершавый... Очень хочется пить.

Пыль прикрыла и черное деревенское пепелище. По обе стороны проезжей улицы среди холмов головешек и угля стоят трубы печей, словно остатки древнего поселения. В центре торчат особо высокие трубы, штук десять, одна возле другой. Видимо, тут спалили здание двухэтажной школы или клуба. Кое-где среди пыли и золы, прикрывшей головешки, еще пробиваются синие язычки огня и потрескивают угли. Остро пахнет гарью. От деревьев остались только черные скелеты. Каким-то чудом сохранился единственный на всю большую деревню колодезжуравель, у которого толпятся солдаты проходящих колонн.

Такой хотят видеть гитлеровцы русскую землю.

Это не первая мертвая деревня на пути наступления — без единого жителя, без единого свидетеля того, что тут происходило в последние часы перед приходом наших войск. Потрудились немцы ночью основательно. Мы, действительно, вступили в созданную ими зону пустыни, которой они нас страшили. Так гитлеровцы сейчас мстят русскому народу за наше наступление и свой вынужденный отход.

Из проулка в деревню, вздымая сапогами пыль, входит, нет, вваливается колонна человек в двести пленных немцев. Ее сопровождают пятеро автоматчиков — по двое с боков колонны и один замыкает ее сзади. Молодые рослые немцы, ровесники наших танкистов, в вольно растегнутых мундирах, все почему-то без головных уборов, шагают бодро, словно даже довольны, что так сложилась их военная судьба. С веселым любопытством они всматриваются в уничтоженную ими деревню — два печных ряда, переглядываются понимающе, перебрасываются короткими фразами.

— Стой! — раздается команда автоматчиков.

Колонна покорно останавливается.

Автоматчики, посоветовавшись, отводят пленных в сторону от дороги, и немцы садятся прямо в мягкую пыль

под солнцепеком. Откуда-то появляется ведро, и наши солдаты, незлобно препираясь, все же пропускают вне очереди конвойного к колодцу. Ведро идет по рукам, и немцы, оберегая каждую каплю влаги, разливают по кружкам воду.

Два солдата, несущие на плечах длинное противотанковое ружье, останавливаются против пленных. Тот, что помоложе, вытирая подкладкой пилотки красное взмокшее лицо, кричит на немцев:

— Хенде хох? Рус капут? У, гады! — и выразительно грозит им внушительным кулаком.

Немцы сидят, согнув спины, словно не слышат, не поднимают голов, не решаются встретиться глазами с нашими солдатами.

Вдруг один из автоматчиков охраны стремительно бросается в гущу немцев, наступая им на ноги, и зло кричит на одного из пленных. Тот вскакивает и покорно протягивает конвоиру маленький плоский пистолет. Автоматчик тычет в лицо пленному автомат, но не ударяет его. Побледневший немец вытаскивает из кармана горсть мелких сверкающих патронов и высыпает их в ладонь конвоиру.

Проходящий пехотинец, ставший свидетелем этой короткой сцены, советует на ходу:

— Дай ты немцу по морде!.. Ишь, гад, в плен попал, а пистолет заховал.

Но конвойный солдат, не обратив внимания на этот совет, только грозит пленному еще раз автоматом и отходит от него.

Пленные пытаются что-то объяснить нашим автоматчикам. Те не сразу могут их понять, потом по выразительным жестам догадываются о смысле просьбы и дают свое согласие.

По очереди, по одному немцы отходят за холм пепелища и там оправляются.

Два солдата наблюдают за этим потоком, а один из конвойных проходит между сидящими на земле пленными и что-то отбирает у каждого. Я не могу понять что. Потом вижу: это медали, ордена и всяческие воинские знаки, с черными пятнами отвратительной паучьей свастики.

Знаков набирается много — целая куча. Немцы исподлобья наблюдают, как с ними поступят.

Солдат снимает с плеч тощий «сидор» и всю грудку блестяшек ссыпает в него.

— Да брось ты с таким дерьмом возиться,— советуют ему товарищи.— Охота тебе на себе тащить? Высыпь в канаву, и всех-то делов.

— Зачем? Металл...— рассудительно говорит солдат, завязывая лямки «сидора».— Из него пули для них отлить можно.

Возле пленных то и дело задерживаются наши солдаты, разглядывают их с любопытством, бросают ядовитые реплики и торопятся дальше к своим колоннам.

— Что вы с ними цацкаетесь!— громко укоряет артиллерист конвойных.— Ишь, как расселись... Устали, гады! Я бы их задницами на головешки посадил. Пусть поджариваются. Дал бы им почувствовать... Что с русской землей, сволочи, делают!...

Раздается команда. Немцы торопливо поднимаются и не забывают отряхнуть с себя пыль.

Колонна пленных трогается в путь. На восток!.. Этих вывели из войны, обезвредили, выбили из рук оружие. Но сколько таких же еще стоит впереди нас!

Мне все тогда понравилось, все отчетливо сохранилось в памяти. Очень хотелось написать эту сценку. Но в газете появилось лишь пять строчек моей информации о том, что уральцы-добровольцы в этот день захватили пленных, кроме тех, которых я увидел в сожженной деревне, еще больше двух тысяч. Где уж тут расписывать подробности.

Готовился танковый десант в деревню за рекой. В низине стояли три машины лейтенанта Вертелецкого. Возле «тридцатьчетверок» толпились автоматчики-десантники.

У каждого сбоку на поясном ремне в черном футляре нож-финка для рукопашных схваток, по несколько гранат.

Тут нет пыли. Откуда ей! Передний край — рукой подать. Земля не тронута, посевы ничем не примяты.

Я попал сюда в самые последние минуты перед броском танкового десанта.

— Москаленко!— позвал Вертелецкий командира десантников.— У тебя все в сборе? Выступаем?

— Отдавай команду,— подтвердил свою готовность Москаленко.

Лейтенант Москаленко небольшого роста. Вразвалочку, неторопливо он пересекает полянку и встает рядом с высоким лейтенантом Вертелецким.

— Все по машинам разобрались?— обращается к солдатам Вертелецкий.— Смотрите, плотнее прижимайтесь к броне,— отдает он последние наставления.— Держитесь крепче! На большой скорости пойдем. Надо огонь немцев с ходу преодолевать. Как ворвемся в деревню — сразу сбавим ход. А вы с брони долой и рассыпайтесь по сторонам, начинайте немцев бить. Поняли? Прикрывайте нас своим огнем, не давайте им против танков гранаты пускать.

Автоматчики молчаливо полезли на танки, заполнили всю броню, устраиваются поплотнее, чтобы не сорваться на ходу.

Вертелецкий и Москаленко оглядели еще раз придирчиво машины с автоматчиками и отправились на свой командирский танк.

— Смелее, ребята!— крикнул уже из башни Вертелецкий.— Огня, главное, больше огня!..

Заработали моторы, и танки цепочкой стали выбираться по зеленому склону.

Тут же, в ложине, позиция тяжелых минометов, осевших широкими стальными тарелками в песок. Артиллеристы, враспояску, с расстегнутыми гимнастерками, бегом таскают с лотков гладкие грузные мины. Гимнастерки на солдатских спинах, подмышках в черных пятнах пота. Даже жаркое солнце не может их подсушить. Мины, с хорканьем, непрерывно вылетают из устьев труб и летят в сторону противника. Батарея ведет беглый огонь.

Повыше, в кустах, спят солдаты, их, кажется, ничто сейчас не в состоянии пробудить от сна. Это саперы, которые с вечера пробрались в расположение противника, ночью проделали для танков проходы в минных полях. Потеряв почти половину состава, они только недавно вернулись в свое расположение и теперь спят тяжким солдатским сном.

— Воздух!..— раздается чей-то тонкий крик.

В самом деле, прямо над нашими головами, посверкивая при разворотах обшивкой, выстраиваются в черто-

ву «карусель» бомбардировщики и начинают свою работу. Поздно искать укрытия. Да и где тут укроешься! Только прижимаешься плашмя к горько пахнущей горячей пыли и лихорадочно думаешь: «Пронеси мимо... Пусть не в этот раз...» А свист вонзается в уши, сильнее придавливает к земле голову. Свист второй бомбы, словно торопится догнать первую, свистит и третья... Бомбы падают где-то сбоку и сзади.

Все так же суетятся, подгоняемые лейтенантом, артиллеристы. Батарея продолжает вести беглый огонь. Спящие саперы даже не шевелятся.

Ободренные поддержкой с воздуха, немцы усиливают минометный обстрел. По счастью, и мины тоже ложатся где-то чуть в стороне, слышны только их гулкие разрывы, да воздушными толчками в ложину нагоняет пороховой дымок.

Нервы до крайности напряжены. Думаешь, что любой осколок может укоротить твою и без того короткую жизнь. Каждая следующая секунда может стать последней. Может, потому так и обострены все чувства. Вот эта зеленая ложина, эти все проворно бегающие от снарядных ящиков к минометным трубам артиллеристы, спящие саперы, чистое летнее небо, на котором все еще вращается «карусель», может, последнее, что тебе дано увидеть на земле.

Сюда я попал, подчиняясь журналистскому желанию, обычному во всех случаях, даже в мирной обстановке — быть как можно ближе к местам активных действий, видеть людей в бою. Мне, чтобы попасть сюда, пришлось преодолеть большое паханое поле, отделяющее дубовую рощу от переднего края. Короткими перебежками под минометным обстрелом его пересекали пехотинцы. Поле все было в черных ожогах минометных разрывов. Выждав мгновение, я тоже побежал, падая в траву, когда слышался близкий свист снаряда; приподнимался и бежал дальше. Точно такое поле в черных ожогах минометных разрывов я и увидел много лет спустя во сне. Вот оно откуда!

В ложине под двойным огнем — авиационным и минометным — я думал, что мое поведение не больше, чем простое сумасбродство. Спрашивал себя: что это тебе дает? Ты видел танковый десант с автоматчиками? Наблюдал работу минометчиков? Что ты об этом напишешь? Ничего, кроме сухих строчек информации. Если

же сюда ударят снарядом или накроет авиабомбой, для солдата это будет смерть в бою. А что скажут о твоей смерти? Вел себя неосторожно. Твое присутствие здесь не вызывалось необходимостью.

...Вот опять — близкий разрыв мины. Сюда в лощину даже комья земли долетели.

Кто-то из саперов приподнял голову, прислушался и снова уронил ее на траву.

И вдруг сюда по крутому склону словно скатился Сережа Александров. Я обрадовался ему, как самому дорогому для меня на всем белом свете человеку. Наверное, потом я никогда не испытывал прилива такой нежности к мужчине, как тогда к Сереже Александрову. Мне казалось, что мы не виделись вечность, хотя расстались всего три дня назад.

Он присел рядышком, нескладный, в великоватых для него кирзовых сапогах, с расслабленным ремнем, близоруко щурясь сквозь запыленные очки, с милой улыбкой на толстых губах. Нас теперь было двое в этом пекле, я перестал быть одиноким. Рядом был друг. Он был сотоварищем по войне и профессии, у нас с ним были тут свои дела, важные обязанности.

Сережа быстро огляделся и тоже, как и я, кажется, облегченно вздохнул:

— Живой? Вот и хорошо!

Сережа Александров начал рассказывать о тех подразделениях, где он успел побывать вчера и сегодня. Я слушал его, и мне казалось, что он видел несравненно больше, чем я, был ближе к боям, у него есть что рассказать читателям газеты «Доброволец».

Всегда энергичный газетчик, он и тут не стал тратить понапрасну времени.

Действовал он решительно.

Спустился к минометчикам, и у них, занятых боем, нашлось время перекинуться с ним несколькими словечками. Потом ненадолго подсел к саперам, оторвал ото сна и тоже что-то записал в блокнот. Отыскал автоматчика из батальона капитана Фирсова, притащил его с собой для более обстоятельной беседы.

И вот, сидя уже около меня, Сережа Александров раскрыл блокнот, посмотрел в небо, где еще кружили бомбардировщики, и сказал автоматчику Михаилу Старкову:

— Рассказывай, как действовали в бою, а я буду записывать. Только больше подробностей. И не забывай назвать фамилии.

Я сидел рядом с ними и слушал рассказ о ночном бое автоматчиков-десантников.

Запыленный, с густо проступившей светлой щетиной на лице, боец Михаил Старков оказался родом из Сухоложского района Свердловской области. До ухода в Уральский танковый корпус работал председателем сельского Совета.

Этому обстоятельству Сережа Александров особенно обрадовался.

— У меня в Сухоложье редактор знакомый, — сказал он, с приятною вглядываясь в усталое, тронутое резкими морщинами крупное лицо солдата. — Я о тебе и в районную газету напишу. Пусть земляки знают, как ты немца бьешь.

Рассказ Михаила Старкова в лаконичной записи сохранился в моей старой записной книжке. Ночью их отделение просочилось в деревню, за которую сейчас и шел бой, вышибло немецких солдат из траншеи и захватило ее. Отделение держалось стойко до рассвета, не давая противнику пробиться к реке и помешать подготовке переправы наших войск. Несколько раз доходило дело не только до гранат, но и до рукопашной, когда пускались в ход и «черные ножи», финки в черных ножнах, которыми был вооружен весь личный состав уральского корпуса. В бою тяжело ранило командира их отделения сержанта Козьмина. При выходе уцелевших людей из боя Михаил Старков под огнем выносил сержанта на себе. Да еще прихватил чье-то противотанковое ружье. А это груз немалый — ружье тянет двадцать килограммов, да и не очень удобно тащить его одному.

Рассказ возбудил самого Михаила Старкова. Он заново переживал все перипетии трудного ночного боя. Ведь впервые видел он так близко врага, впервые дрался с ним.

— Одного, знаю точно, убил... Гранатой его в лоб гробанул. А еще сколько — разве узнаешь? Один на меня сверху кинулся, я его ножом ударил, да попал в пряжку на ремне. Еще кто-то из наших прикладом по черепку... Нож свой так и не нашел... Да и не искал — какой тут нож, когда надо ноги уносить.

Он подождал, пока Сережа записывал, и продолжал:

— Вроде драки у нас вышло... Только тут посерьезнее. На смерть бились... Они — нас, мы — их... Почти всех ребят потеряли. Двое только невредимыми вышли. Хорошо, что наши подоспели, а то и всем бы и раненым — каюк от немца... Так они на нас утром поперли...

Он порылся в кармане и достал плоскую никелированную немецкую зажигалку.

— Трофей с моего немца... Хотите — возьмите, — протянул он ее Сереже.

— Оставь, не надо, — отказался Сережа, бросив на зажигалку беглый взгляд. — Самому пригодится, а я некурящий.

Сережа записал фамилии всех, кто принял участие в этом ночном бою, особо — погибших.

Теперь я не могу вспомнить, выполнил ли Сережа свое обещание, написал ли о Михаиле Старкове и его товарищах.

— Спасибо, — сказал он Михаилу Старкову, — иди отдыхай...

Сережа проводил глазами удалявшегося бойца, взглянул в небо, где последний бомбардировщик высыпал свой груз на наши головы, и прислушался к гулу недалекого боя.

— Нам тут делать нечего, — сказал он. — Здесь ничего не напишешь. Надо отсюда убираться.

И мы потянулись из ложины.

Часа четыре спустя мы оказались километрах в пяти от переднего края в относительно спокойном месте. Под прикрытием дубового леса стояли тяжелые гаубицы и вели методический огонь по дальним позициям противника.

На обширном картофельном поле дымили многочисленные маленькие костерки, на которых солдаты, сбившись в небольшие кучки, варили в котелках молодую картошку.

— Подножный корм нашли, — весело рассмеялся Сережа. — Наголодались на тыловой норме... Вчера я офицерский паек салом получил. Давай и мы пристроимся?

Мы предложили солдатам кусок сала, и за это они готовно уступили нам котелок, да еще и дров одолжили. А ложки мы уже привыкли таскать за голенищами сапог.

Скоро среди многих костерков на этом картофельном поле среди высоких кустов ботвы, с цветущими созвездиями, задымил и наш. Мы ели картошку, обильно сдобренную пайковым свиным салом, необычайно вкусную, смотрели, как садится раскаленное солнце июльского дня в той стороне, где противник пытался сдержать наше наступление, делились впечатлениями и соображали, где нам лучше провести эту ночь, в какие части пробираться.

Возле алтаря, в боковых притворах, в высоких подсвечниках горят толстые церковные свечи, от которых тянет мирным восковым запахом. На стенах — росписи. Темные и суровые лики святых, большие иконы в позолоченных рамах. Гулко звучат голоса, шаги, стоны.

Центральную часть церкви занимают спящие на каменных плитах солдаты, ближе к выходу, вдоль стен, на соломе, шинелях, всяком тряпье лежат раненые. Возле них хлопочут медработники. Трех девушек я знаю. Это военфельдшер Нина Смирнова, жена капитана Нагирняка, начальника штаба третьего батальона, добровольно пошедшая за мужем в корпус, медсестра из Сысертской больницы Дуся Бородина, машинистка танковой бригады Валя Козлова.

Штабы нескольких частей тесно сгрудились в алтаре. В углах расположились телефонисты, передающие команды, вызывающие кого-то на связь.

Снаружи ударил тяжелый снаряд, в церкви глухо ахнуло, сверху обильно посыпались штукатурка и остатки цветных стекол, а здание даже не дрогнуло. Наверное, неизвестным русским каменщикам, которые выкладывали эти толстые стены и полукруглые перекрытия сельской церкви над рекой, и не снилось, что прочность их работы будет проверять тяжелая немецкая артиллерия, но делали они свое дело на совесть.

Ночной бой идет, кажется, совсем рядом. Из темного дверного проема то и дело возникают фигуры офицеров, солдат. Одни приходят, другие уходят в сумятицу этой тревожной ночи, полыхающей огнями разрывов, пожарами, шумом боя.

Рядом я слышу тихий разговор.

— Помнишь нашего радиста Шора? А знаешь, как он умирал? Горит наша машина. Двумя снарядами ее под-

били. Только мы вылезли, Шора и ранило автоматной очередью в живот. «Идите, ребята,— говорит нам Шор,— а я тут посижу», и что-то запел потихоньку. Смотрим, по конопле к нам немцы двигаются, окружают, хотят живыми взять. Мы отползли в сторону от машины, залегли и открыли по ним огонь. А когда отбились и вернулись к машине, видим, что наш Шор привалился к борту и руки с бинтом опустил. Тронули его, а он мертвый. Вот как наш Шор помирал...

Рассказчик всхлипнул и замолчал.

Среди раненых я увидел пожилую женщину. Она лежала, запрокинув голову на вещевой мешок, рассыпав по нему короткие светлые волосы, закрыв глаза.

Вдруг она заговорила тихо и возбужденно. Нельзя было разобрать, что она говорит, доносились только отдельные слова.

Нина Смирнова наклонилась над ней.

— Сделаем, Дуся, сделаем,— успокаивала она женщину.

Та затихла.

— Кто это?— спросил я Нину Смирнову, когда она отошла от раненой.

— Женщина? Санитарный инструктор Колонскова. Из роты Притуленкова. Трудно им сегодня пришлось. Танки отражали. Она двадцать восемь человек перевязала. И ее ранило. Тяжело... Утром будем эвакуировать...

Рядом со мной, положив голову на сумку, спит Сережа Александров. Изредка он, поворачиваясь, открывает глаза, вглядывается в церковный полумрак, в двигающиеся по стенам тени, прислушивается к шуму и опять засыпает.

Он окончательно просыпается, когда возле нас на полу устраиваются несколько танкистов. Он удивительно быстро умеет засыпать, но кажется, что и сквозь самый крепкий сон чувствует, если рядом появляется человек, который может дать интересный материал. Тут как будто кто-то толкает его в бок. Вот и сейчас Сережа, еще полусонный, вытаскивает блокнот и начинает расспрашивать танкистов о боевом дне. Отвечает ему крепкий парень, с густо сросшимися над переносьем крутыми бровями. Они так низко нависают над глазами, что его лицо кажется угрюмоватым.

Отвечает он Сереже сдержанно и не очень охотно.

— Что подбили? Сколько пехоты ваша машина уничтожила? — кидает Сережа вопросы.

— Не знаю... Какая тут бухгалтерия... Немцев отодвинули — вот наша бухгалтерия.

— А вы? Чем лично отличились?

— Живы остались, — угрюмо отвечает танкист. — Этим и отличились...

Сережа не принимает его тяжелой шутки. Он хочет добиться точного ответа.

— У дороги разбитый немецкий танк стоит. Били по нему?

— Может, и били. Там их много было.

— Так я запишу — подбили танк и уничтожили больше сорока гитлеровских автоматчиков?

— Пиши — десять танков и сто пятьдесят автоматчиков...

Танкист отворачивается, не желая, усталый, поддерживать беседу, и начинает укладываться на полу.

— Оставь ты его в покое, — советую я Сереже, видя, что он еще не считает разговор законченным. — Не до тебя ему сейчас. У них машина сгорела.

Сережа согласно кивает, со вкусом потягивается и через минуту уже храпит.

Новый разрыв снаряда. В церковь рванула воздушная волна разрыва, пламя свечой резко заколебалось, тени людей расшатались по всем стенам.

Вносят еще шестерых раненых. Здоровые торопливо теснятся, освобождают для них место на полу. Лейтенант Демиденков — сапер — без пилотки, волосы на голове скомканы, гимнастерка разорвана от ворота до живота.

— Вот и дома, — бодро говорит он своим раненым. — Сейчас вам помогут.

Он поворачивается к сестрам.

— Понежнее... Хорошо дрались ребята...

Демиденков проходит в алтарь и, козыряя, вытягивается, докладывая, перед капитаном-инженером Зиминим:

— Приказание выполнено! — четко произносит Демиденков. — Прочесали указанную местность, определили проходы. Понесли потери: двое убито, шестеро ранено. Имели стычки с немцами...

— Кого убили? — мрачно спрашивает Зимин.

— Бойца Викторова, комсорга Шепелева...

— Ладно, завтра доложите подробнее. Сейчас накормите людей, пусть отдыхают до утра. Да и себя приведите в порядок, — мягче добавляет Зимин.

Но лейтенанта еще не оставила горячка боя. Он должен поделиться хотя бы частью того, что было пережито им и его людьми в ночном поиске.

— Оборона у них оказалась самая хреновая, — говорит он возбужденно. — Окопы в рост и брустверы. Огневые точки кое-как оборудованы. Нервничают немцы, бес толково ведут бой. В темноте мы маленько сбились, оказались посреди немцев: впереди они и сзади они. Сами напугались, да и им тоже несладко пришлось. Тут мы и понесли потери. А когда выходили, еще двоих из пехотной части подобрали. Заблудились ребята ночью. Трофеи принесли, винтовки, гранаты...

— Ладно, отдыхайте, — еще раз говорит Зимин. — Задание выполнили отлично. Наши на окраине села, сейчас там ведут бой.

Саперы, сбившись в кучу, ждут своего командира. У них усталые лица, но довольные. Еще бы, выдержали ночной бой и остались невредимы.

Лейтенант Демиденков еще раз подходит к своим раненым.

— Какие у кого будут просьбы? — спрашивает он. — Утром приду к вам. Еще повоюем? Верно? Показали сегодня немцу, у кого нервы покрепче.

Он уводит саперов из церкви куда-то в темноту. Они шагают за ним гуськом.

— Эй, корреспондент! — раздается тихий голос от стены. — Подойди... Мне, видишь, не встать... Запиши, как ребята дрались... Пусть все узнают...

Я перешагиваю через лежащих раненых и присаживаюсь на корточках перед танкистом.

У него серое, плохо различимое от слабого света лицо. Глаза лихорадочно блестят. Перебинтованы грудь, обе ноги. На бинтах проступают пятна крови. Дыхание тяжелое.

— Не узнаешь? — спрашивает он. — Ведь ты тогда это написал? Он раскрывает кожаную сумку и достает аккуратно сложенный номер газеты «Доброволец», протягивает мне. Я разворачиваю небольшой газетный лист и

вижу крупный на всю полосу заголовок: «Учись стрелять с ходу!»

Это моя газетная полоса. На полигоне под Москвой проводили учения по стрельбе из танков с ходу. Здесь напечатано несколько заметок танкистов, которые особенно отличились на этих учениях. Я делал литературную запись рассказов солдат и офицеров.

— Вспомнил? Внизу моя заметка.

Я нахожу ее и читаю подпись: командир экипажа лейтенант Краморов.

— С ходу мы сегодня и били немцев,— говорит Краморов.— Ну, а когда подбили нас — в траншеях дрались. Мы машину сразу не бросили, только после четвертой пробоины. Слушай!..— он сделал попытку приподняться, но, застонав, опустился.— Водителя Переслегина в руку ранило. А он продолжал вести машину. Хороший механик! С ним любой командир будет воевать. Боевой парень! Машина горела, а он все еще думал спасти ее. Последним из танка ушел. Обязательно напиши о нем. Да и узнай, где все ребята. Что с ними? Не помню, как меня вынесли...

Он устало закрыл глаза, словно в разговор со мной вложил остатки сил. Подошла сестра, вытерла ему лоб мокрым полотенцем, постояла над ним и направилась к другим раненым.

Я тихо отошел от Краморова.

В алтаре началось оживленное движение. Куда-то спешно уходили офицеры, связисты торопливо собирали свое хозяйство, сматывали провода, убирали телефоны.

Возле церкви зафыркали заводимые машины.

Кто-то рядом сказал:

— Вышибли немцев... Двигаемся дальше... Железную дорогу перерезали...

Я разбудил Сережу, и мы вышли с ним на улицу. Ночь кончалась. От реки по дороге, огибавшей церковь, двигались пушки. Со всех сторон слышался шум машин, выбиравшихся из проулков на главную улицу. Мы оставляли это село.

Через час мы с Сережей вернулись в церковь. Она опустела, все штабники покинули ее, в санитарные машины выносили раненых. Справа на полу странно одиноким лежал лейтенант Краморов. Мертвый...

Только на войне можно увидеть массовое физическое страдание людей, еще несколько часов назад бывших здоровыми, сильными, полными жизни. Но только на войне я видел, каким терпеливым, стойким и сильным духовно может быть человек. С удивительным мужеством солдаты и офицеры переносили боль и страдание. Раненые, изувеченные пулями и осколками, потерявшие кровь, обожженные, они словно продолжали оставаться в строю тех, кто сражался.

На попутной штабной машине мы ехали с Сережей Александровым по измятой танками и грузовыми машинами дороге, где ночью шел бой, поспевая вслед за нашими стремительно наступавшими частями, за уральскими танкистами, сделавшими в одну ночь рывок в пятнадцать километров.

• *Натиск*

Третий день боев.

Эти три дня мне особенно дороги. Ведь с них пошло наше безостановочное наступление на Берлин, в который мы в конце концов пришли победителями. Тогда на Орловщине в первых боях я ближе узнал тех, с кем потом довелось праздновать великий День Победы.

Как же все было?

Словно внезапный обвал снежной лавины... Словно бурная вода прорвала земляную насыпь...

...Немцы не выдержали натиска, не смогли больше сдержать нашего наступления. Танкисты действуют бригадами и батальонами широким фронтом на параллельных направлениях, но в отрыве друг от друга. Идут бои с отдельными узлами сопротивления, с отдельными частями противника. Командованию, конечно, известен общий замысел операции и цель направлений наших многочисленных ударов.

Мне же все представляется хаосом. Я только стремлюсь поспеть в такие части, которые, как мне кажется, наступают особенно успешно.

В суетолоке я потерял Сережу Александрова. Мы договаривались держаться вместе. Все же вдвоем мы чувствовали себя неким боевым подразделением, выполняю-

щим свою задачу, а не вольными стрелками, шатающимися между частей. Сережа вскочил в одну машину, я в другую, ошибочно полагая, что они одной колонны. И разминулись.

В машинах — горючее, боеприпасы, продовольствие. Это — тылы наступающих. Они торопятся догнать своих, обеспечить части всем, что нужно для боевых действий.

В деревне Гнездилово колонна останавливается. Я соскакиваю с машины и иду по улице. Отдельные дома еще горят. Всюду на улицах — разбитые повозки, воронки, трупы, трупы. Возле пепелища бродит перепуганный серый котенок, тут же курица с цыплятами. Рядом с дорогой, забитой грузовыми машинами, гонят пленных. Немцы не похожи на тех, каких я видел вчера. Эти немцы — грязные, усталые, измученные. Видимо, только что захвачены на поле боя. Они идут, смахивая пот с лица, испуганно оглядываясь.

Проходит новая колонна автомашин. Я вижу знакомых людей Уральского корпуса и махаю рукой. Грузовик останавливается, меня подхватывают под мышки и втаскивают в кузов.

Это дорога нашего наступления. Повалены телеграфные столбы, проволока свилась в кольца. На повороте у канавы валяется немец, лицом в землю, раскинув широко ноги и руки. Голова его расплющена колесами прошедшей до нас машины. Рядом — разбитая артиллерийская повозка, разбросанные гильзы и снаряды.

— Смотри! — толкают меня.

На высоте краснеет полотнище знамени. Возле него, странно склонив к земле пушку, стоит «тридцатьчетверка». Что это?

Покидаю на ходу машину и полем иду к высоте, где на легком ветру колышется яркое знамя.

Тут тоже шел бой. Всюду валяются мертвые в самых странных позах. Кто-то, как ребенок, поджал под себя руки и ноги, другой лежит на боку, словно захотел отдохнуть, третий смотрит в небо, распластавшись на земле. Земля в пятнах снарядных разрывов. Мертвые немцы все рослые, физически хорошо сложенные. Позже я узнал, что здесь сражались сильные танковые части гитлеровцев, с вызывающими названиями: «Адольф Гитлер», «Великая Германия», «Райх», «Мертвая голова».

Танкисты заканчивают натягивать сорванную с катков гусеницу.

Лейтенант Зинченко весело здоровается.

— За материалом? Есть для газеты материал... Много можно написать. Вот бы вам с нами в машине. Сами бы увидели, как воевали...

Он возбужденно рассказывает о ночном бое, называет, сколько удалось подавить огневых точек противника, уничтожить вражеской пехоты. Я записываю, а сам прежде всего рад тому, что вижу лейтенанта Зинченко после такого тяжелого боя здоровым, без единой царапины. Он — любимец всей роты. Веселый, общительный, добрый парень. Красивый — у него светлые волосы, нежное румяное лицо.

Я слышу тихое щенячье повизгивание, всматриваюсь и вижу под днищем машины черного щенка с белыми пятнышками. Он лежит мордой на вытянутых лапках и осторожно поскуливает.

— Где взяли? — спрашиваю я Зинченко.

— В деревне подобрали, — оглядываясь на щенка, с добродушной улыбкой отвечает Зинченко. — Не погибать же ему в пустой деревне... Зачислили в состав экипажа.

Мы сидим возле машины в тени и закусываем мясной тушенкой, вытаскивая куски мяса ножами из банок. Еще раннее утро, солнце только поднялось над горизонтом, не набрав силы, пахнет свежестью травы и росы. Отсюда, с возвышенности, нам хорошо видно, как по всем дорогам движутся войска.

— А кто знамя ставил? — спрашиваю я Зинченко.

— Автоматчики двадцать девятой мотострелковой бригады, — отвечает Зинченко. — Тяжело им эта высота далась. Такой сигнал установили... Как первое отделение достигнет высоты 222,4 и выставит на гребне знамя — всем в атаку. Хорошо поднялись! Забыл, кто этим отделением командовал. Смелый парень! Мы их своим огнем поддерживали. На том скате — две разбитые немецкие батареи. Наша работа...

Неожиданно возле нас появляется солдат. Вид у него растерзанный: одна половина лица в засохшей крови, другая — в земле, правый глаз, припухший, с синевой, плотно закрыт. Он тяжело дышит.

— Закурить есть? — спрашивает солдат, присаживаясь.

Он называет себя — Андрей Кузьмич Серебряков, солдат из той самой бригады, что на рассвете брала высоту 222,4.

— Иду на ремонт,— возбужденно говорит он.— Отказывался от санбата, да командир роты приказал. Жалко уходить, немцев, как собак, погнали. Уральцы — хорошие ребята. Я ведь с ними только три дня и повоевал. Из запасного к ним попал...

— Ты хоть перевяжись,— замечает ему Зинченко.

— Ни хрена! — машет беспечно рукой солдат.— В какой стороне медсанбат — знаете?

В воздухе нарастает гул самолетов. Мы поднимаем головы. Немецкие. Они идут от солнца, и на них трудно смотреть.

Солдату указывают дорогу к медсанбату. Он поднимается.

Гул самолетов густеет. Мы теперь хорошо их видим. Их много. Их очень много.

Они проходят над нашими головами, и скоро мы видим, как они начинают вдали бомбежку. Слышна частая стрельба противовоздушных зенитных орудий. Небо вспухает разрывами черных шариков.

— По тылам бьют,— отмечает Зинченко.

На попутной машине я догоняю штаб Челябинской танковой бригады. С нами едет танкист Владимир Улыбин. Голова у него перебинтована, лицо хмурое.

— Наше село вчера освободили,— говорит он.— Бессоновку... Мое село. Там у меня мать, отец, сестра и брат. Я ведь на войне с первого дня. На западной границе срочную служил. Об родных ничего не знал. Попросил у комбата разрешения отлучиться на сутки домой, узнать, как и что с ними. Мне и разрешили...

Машину так встряхивает на рытвине, что мы валимся друг на друга. Танкист замолкает на мгновение, поправляет сбившуюся повязку и продолжает рассказ.

— Сожгли немцы нашу Бессоновку,— глухо говорит Улыбин.— Всю сожгли, когда отходили. Два дня она горела... Десятилетка у нас была, клуб, магазин большой, мельница... Теперь ничего не осталось, одни головешки, голое место. Все начисто пожгли. Своих никого не нашел. Отец в сорок первом с совхозом куда-то эвакуировался,

брата в армию ушел: мать и сестру немцы в сорок втором году в Германию угнали... Вот так... Хорошо, что хоть это узнал... В деревне никого почти и нет... А у тех, что остались, будто вновь поотшибало... Постоял у печной трубы, и все... Надо теперь скорее своих ребят догонять... Как они там без меня воюют? Потери большие?

Улыбин сидит, стараясь держаться прямо, с застывшей тоской в глазах. Все молчат, принимая близко к сердцу горе танкиста.

Машина въезжает в деревню. Она тоже тихо догорает. Везде следы недавнего боя. Опять трупы... Стоит понуро группа пленных, которых охраняет пожилой автоматчик.

— Хорошо жмут немца, — роняет кто-то — Говорят, что к Орлу наши выходят. Уже дорогу между Брянском и Орлом перерезали...

— Была Бессоновка, и нет Бессоновки, — продолжает Улыбин. — Одно название от нее на карте осталось. А что тут немцы делали! Застрял в Бессоновке Николай Гаврилович Корятов. Под Тулой шахтером работал. Приехал семью в отпуск навестить, тут война его и застала. Его с женой и дочерью немцы в Германию отправили. Обещал, если плохо там будет, так он проколет письмо иголкой. Пришло это письмо, пишет Николай Гаврилович, что живут они там хорошо, всем довольны. Посмотрели на свет, а там на письме дырочками написано: «враки». Встретил еще тетю Катю — жену председателя колхоза «Красная дубрава». Наша дальняя родственница. Не узнал тетю Катю. Трясется вся, постарела... Рассказала, как ее мужа — Емельяна Никифоровича Щербакова — немцы убивали. Староста его выдал, увидел на улице и показал 'полицейским — хватайте. Те его сразу немцам. Связали Емельяну Никифоровичу руки и повели к реке. Поставили на лед и выстрелили в затылок. Потом гранату бросили, чтобы его под лед утянуло. А у берега там мелко, он неглубоко под воду ушел. Ночью его тетя Катя вытащила, на себе принесла в дом и тайком на огороде схоронила. Не успела мужа схоронить, как сына Николку потеряла. Пролетал немецкий самолет над деревней и прошелся пулеметной очередью. Николку — насмерть, а Нинке шестилетней глаз выбило. С тех пор, говорит тетя Катя, я и трясусь... Вот как немец русские семьи уничтожает... Всех наших людей хочется ему с земли стереть...

Трижды лейтенанту З. приказывали взять высоту. Под его началом находилось девять автоматчиков. И трижды лейтенант З. в бою терял управление, связь с подразделениями, со штабом. Скатывается с высоты, неся потери. Трижды!..

Он маленького роста, мешковатый, с тревожно бегающими глазами, затравленно переминающийся перед начальством.

— Трус ты! — брезгливо сказал полковник Троценко. — Немца испугался, за свою жизнь трясешься. Ведь у тебя же превосходство сил. Труса празднуешь, а потому и немца одолеть не можешь. Сиди тут...

Полковник Троценко вызвал к себе лейтенанта другой роты. Тот явился — крепкий, подтянутый.

— Сколько у тебя сейчас активных солдат? — спросил Троценко.

— Двадцать четыре солдата.

— Слушай задачу... Вот эта высота... Надо ее взять... Огнем тебя поддержат минометчики... Выполняй!..

— Есть! — Лейтенант козыриул и побежал к своим автоматчикам.

Высота, укрепленная немцами, мешает танкистам продвигаться. Дорогой воспользоваться нельзя — заминирована саперами противника. Путь возможен только один — через высоту.

Приблизительно через час в штаб доложили: высота взята.

Троценко подозвал к себе лейтенанта З. Тот все это время понурившись сидел в сторонке.

— Понял? — спросил Троценко. — Так надо воевать!.. Следующую высоту ты будешь брать. Если не возьмешь — отдам тебя в трибунал за трусость в бою и невыполнение долга перед Родиной. Выполняй приказание!

В тот же день я узнал, что в бою за эту высоту лейтенант З. был убит. А его солдаты эту высоту взяли, но без него. Под командованием другого офицера, который, видя беспомощность лейтенанта З., взял управление боем в свои руки.

На войне смерть находит, конечно, и храбрых. Но храбрость делает человека сильнее, неуязвимее, силой воли он подавляет страх, становится над ним и побеж-

дает. Храбрый лучше владеет своими чувствами, более умело ведет бой, несет меньшие потери от противника.

Этот эпизод запомнился, сохранился и в записной книжке. Мне захотелось о нем рассказать.

Друг, прочитавший эту запись, посоветовал:

— Зачем тебе приводить фамилию трусливого лейтенанта? Ведь он все же погиб. Да, он был трусом. Это правда. За трусость он заплатил жизнью. Разве это малая цена? Не надо чернить памяти мертвых. Он погиб на войне.

Вот почему я не называю фамилии лейтенанта З.

На гребне, словно некий опознавательный знак, стояли два подбитых немецких танка Т—IV, опустив к земле пушки. Густой дым поднимался над машинами двумя черными столбами.

Тут только что закончился танковый бой. До десятка немецких танков двинулись в атаку на наши позиции. Пехота попятилась от железных гусениц и густых свинцовых струй. Немцам удалось, раздавив огневые точки, захватить завоеванные нами рубежи. Танки сминали гусеницами окопы и укрытия, плющили раненых и убитых. Немецкие автоматчики вплотную шли за машинами, прижав к животу автоматы, густой серой массой катились с холма на холм.

На сближение с противником пошли «тридцатьчетверки». Завязалась огневая дуэль. Уральцы точно не знали, сколько немецких танков. Поднимая шлейфы густой пыли, сверкая вспышками пушечных выстрелов, они шли плотной стальной стеной.

Мне об этом бое рассказывал лейтенант Мариновский. Ему осколком снаряда раздробило руку. Он не хотел покидать машины, однако танкисты все же сдали его санитарам. Пулеметчик-радист Николаев и механик-водитель Антоненко продолжали бой без него.

— Высунулся из башни, — вспоминал Мариновский, — ползут, гады, со всех сторон. Цели искать не надо — всюду они. Долбанули по самому ближнему танку подряд тремя снарядами. Вижу, что вроде гусеницу ему сорвали, закрутился на месте. Добивать его не стали. Ведь другие ползут, ползут, гады!.. Водитель у меня отличный. Словно чует, когда надо машину остановить,

чтобы мне точнее по противнику ударить. Говорят, что мы три танка подбили. Не знаю... Не до того нам было. Потом, смотрю: их пехота все ближе к нашей машине подбирается. Откуда она вдруг и взялась? Впереди своих танков выскочила. Двумя гранатами нас ударили, под гусеницы кидали. Тут уж мой механик самостоятельно пошел на них. Радист немцев из пулемета сечет. Я же только болванками по машинам бью.

Достали все же и нас снарядами. Хорошо, что по броне скользнули, только осколками ребят поранило. Если бы по прямой ударило — не разговаривать мне сейчас с вами. Тут на подмогу наши самоходки вышли. Ах, хорошо били! Пушки у них сильнее наших. Ребята там спокойные, как на учениях, выберут цель — и, не торопясь, бронебойными по ней. Что там с третьего — со второго в пух, а то и сразу первым снарядом накрывали. Одному немцу как дадут, так у него даже крышку башни сорвало.

— Мы их бьем, а они все лезут... Видишь, куда доползли, — показал Мариновский на горевшие немецкие машины. — Это ведь они на восемь километров прорвались. Сколько нашей пехоты там полегло! Стенка на стенку шли!.. Ну и немцев мы там тоже навалили, пожалуй, раза в три побольше. Сейчас немцы за этой высотой сидят, окопались. Наверное, подмоги ждут. Да и наши силы поднакапливают. Быть тут еще бою.

Мы сидели с ним на завалине дома, в котором разместился штаб какой-то артиллерийской части. Машина лейтенанта Мариновского стояла неподалеку, во фруктовом саду. На задах деревни всюду виднелись «тридцатьчетверки», только что вышедшие из боя. С минуту на минуту все эти машины должны были пойти в наступление.

Внезапно за домом что-то грохнуло, и прямо над нашими головами, с дьявольским свистом, понеслись десятки огненных стрел в сторону противника. Мы оба невольно повалились на землю и тут же поднялись, несколько сконфуженные.

— Своих «Катюш» испугались, — с досадой сказал Мариновский.

За избой поднялось плотное черное облако и стало медленно расползаться. А за высотой уже рвались снаряды «Катюш». Гул разрывов доносился хорошо.

— Видно, добрую цепь накрыли, — возбужденно сказал Мариновский.

На дорогу из-за дома выехали одна за другой машины, на рамах которых были укреплены пологие «салазки» для снарядов «Катюши». Батарейцы торопились сменить позицию, чтобы не попасть под огневой налет немецкой артиллерии, которая, конечно, по черному пороховому дыму уже засекла цель.

С крыльца избы поспешно сходили встревоженные офицеры-штабники.

— Черт знает что такое! — сердито говорил подполковник, отдавая на ходу приказания офицерам. — Могли бы нас предупредить...

Штабники переносили свой оперативный пункт в другой конец деревни.

Мы с Мариновским, не желая оказаться в зоне огневого налета, двинулись за ними. «Тридцатьчетверки» тоже поспешно выбирались из ближних фруктовых садов.

На краю деревни мы остановились. Надо все же посмотреть, ответят ли немецкие артиллеристы на огневой залп «Катюш».

Не прошло и пяти минут, как в деревне зазвучали артиллерийские разрывы. Тяжелые снаряды ложились точно, как издали казалось нам, в то место, откуда произвели свой страшный залп «Катюши» и где мы несколько минут назад беспечно сидели на завалинке. Все там окуталось дымом. Вовремя мы все смылись.

Уже под вечер я прошел этой улицей и увидел, что вся она изрыта воронками, несколько домов развалено. Но тот дом, из-за которого дали залп «Катюши», как ни странно, стоял целехонький. Можно было и не бегать нам. Но поди знай. Говорят, береженого и бог бережет.

Два снаряда ударили возле самой «тридцатьчетверки», третий скользнул по башне. Машина встала. Танкисты выскочили взглянуть, что с ней. Позиция — хуже некуда: самый гребень возвышенности. Немцы держались в низинке по пойме речки. Отсюда сверху просматривались их окопы, ряды колючей проволоки. Левее и правее наши вели огневой бой с противником.

— Что там?— крикнул командир экипажа Александр Кузнецов.

— Вроде все в порядке,— откликнулся водитель.

Раздался режущий уши свист снаряда, и танкисты разом прижались к земле.

Снаряд разорвался за машиной, второй ближе. Значит, третьим ударит по цели. Действительно, он разорвался в нескольких метрах перед танком. «Тридцатьчетверку» даже слегка приподняло взрывной волной. Кузнецов тихонько охнул, осколком ему ударило в предплечье.

— Все живы?— крикнул он. — В машину!

Но выполнить его приказ не успели.

«Тридцатьчетверка» вдруг самостоятельно двинулась под уклон.

Секунды растерянности...

А машина быстро набирала скорость и теперь шла прямо на немцев по дороге, которую противник в нескольких местах перегородил проволочными заграждениями.

Этот одинокий танк, пошедший в решительную атаку на немецкие позиции, заметили с разных сторон.

Немцы открыли по нему стрельбу. Но ни один снаряд не попал в движущуюся цель.

Танк шел и шел, приближаясь к реке, и не просто шел, а продолжал, спускаясь, сминая проволочные заграждения, набирать все большую скорость.

Вот «тридцатьчетверка» достигла первой линии окопов, смыв проволоку, продолжала движение. Наконец один снаряд угодил в башню. Это не сдержало хода «тридцатьчетверки». Теперь она приближалась ко второй полосе обороны, за которой виднелись ходы сообщения противника и огневые позиции артиллеристов.

Экипаж танка лежал на вершине и наблюдал за судьбой своей машины.

Они не могли понять этого чуда.

На мгновение бой на участке как бы затих. С нашей и немецкой сторон с изумлением смотрели на «тридцатьчетверку», которая шла на верную гибель.

Тогда танкисты других машин решили поддержать своих товарищей. Справа и слева на гребне появилось несколько «тридцатьчетверок». Они открыли дружный

огонь по немецким позициям и пошли на решительное сближение с противником.

А танк-«смельчак» в это время уже проходил и вторую полосу обороны противника, приближаясь к реке.

Немцы дрогнули и начали поспешно покидать окопы, бросать огневые позиции.

Другие наши «тридцатьчетверки», пользуясь замешательством врага, выходили на флангах к реке, подавляя немецкую оборону. За ними дружно двигались автоматчики.

«Отчаянный» танк с разгона, смяв все, что было перед ним, дошел до середины реки и тут встал.

...Когда закончился бой, немцев сбили, экипаж, наконец, добрался до своей «тридцатьчетверки». В ней насчитали шесть пробоин.

Об этом случае в те дни ходило потом много веселых рассказов. Танкистам проходу не давали. Расспрашивали, как и почему машина от них сбежала. Выказывали всякие нелестные замечания в адрес экипажа. Объяснение же всему было самое простое. Механик, покинув свое место, не выключил мотора. От взрывной волны включились фрикционы, и машина легко пошла под уклон.

Но такое простое объяснение людей никак не устраивало. Говорили так — наши танки могут и сами с немцем воевать.

•Разгром

Шли бои... Мы теснили противника... Сохранились отрывочные записи.

Такую изуродованную железную дорогу я видел впервые.

Каждый рельс разрублен на три куска. Все шпалы выворочены, словно дьявольской силой, из земляного полотна и переломлены пополам. Насыпь взрыта. Взорваны все телеграфные столбы — да, взорваны! В них высверливалось гнездо для патрона со взрывчаткой. Потом зажигался короткий запальный шнур. Сила снаряда была рассчитана точно. Столб ломался примерно на треть от земли, и сухое дерево по всей длине прев-

рашалось в лохматую лучину. Эти столбы теперь даже на дрова не годились.

Какая организованная техническая работа! Какой огромный труд! Для разрушения!

Эту железную дорогу мы увидели в августе 1943 года в разгар боев на Орловщине и Брянщине. Тут стояла станция Шахово на линии Орел — Брянск. Самого здания станции не было. Лежала высокая неровная груда битого кирпича. Неподалеку виднелись две глубокие воронки, в которые легко поместился бы крестьянский дом. Наверное, от тонных авиабомб. Все мы уже умели определять вес вражеских бомб.

Мы прошли километра три по насыпи к реке и увидели разрушенный мост. На всем протяжении полотна та же картина полного уничтожения железной дороги.

Сразу ее не восстановить. Надо приводить в порядок земляное полотно, выкладывать на нем новые шпалы и рельсы, ставить новые телеграфные столбы. Все заново!

Вот так, отступая под ударами наших войск, упорно сопротивляясь, нам мстили гитлеровцы.

Но как все же они сумели так организовать эту чудовищную разрушительную работу? Мы терялись в догадках.

Только много лет спустя, почти накануне 50-летия Октября, мне довелось увидеть куски подлинной немецкой кинохроники военных лет. Там, среди многих кадров войны гитлеровцев с Советским Союзом, были и такие, в которых немецкие кинооператоры хвастливо показывали, какой непоправимый урон наносят их войска, «отходя по приказу фюрера» (по стратегическим, конечно, соображениям) из некоторых районов России, хозяйству большевиков.

По насыпи ползла некая страховидная машина, выламывая и дробя шпалы, сокрушая рельсы. Смотреть на это было страшно. Она все ползла и ползла, оставляя позади себя исковерканные пути. От взрывов надламывались и падали телеграфные столбы.

В темном зале кинотеатра я и вспомнил увиденное в 1943 году на линии Орел — Брянск. Вот такая машина сокрушала там железную дорогу! Значит, немецкие конструкторы заранее придумали и создали специ-

альную машину для уничтожения наших железных дорог.

— Подлецы! — выругался тогда Елизаров, пожилой солдат саперного батальона по гражданской специальности путевой мастер, и добавил еще несколько забористых слов, которые неудобно приводить в печати. — Ведь как прежде тут люди бровку выхаживали! Камушек к камушку выкладывали. За каждым кюветным столбиком, как за деревцем, ухаживали. Правда, звери! Никакого человеческого труда им не жалко. Ах и гады же!

На лице Елизарова было выражение горя. Он хорошо понимал, каких больших усилий будет нам стоить восстановление железной дороги.

В то лето мы только учились настоящему наступлению. Танковые армии еще не совершали своих глубоких прорывов в дальние тылы врага, какими они впоследствии прославили себя.

Наступление, которое 15 июля начали наши войска из района города Орла, все еще продолжалось. Немцы сопротивлялись упорно и стойко. В иные дни нам удавалось потеснить их не более чем на четыре километра, в другие — до десяти. Бои шли почти за каждую высоту, на всех речных переправах. Гитлеровцы понимали, что им тут не удержаться. И, злобно огрызаясь, они уничтожали все что могли. Жгли все деревни и села, разрушали города и станции. Ничего не щадили. Работала машина уничтожения.

Выход на линию железной дороги Орел — Брянск стоил нам больших потерь. 5 августа — четыре дня назад — наши войска освободили от фашистских захватчиков Орел. К 9 августа в нескольких местах мы перерезали эту железную артерию между Орлом и Брянском.

Вот что нам оставили гитлеровцы.

Десантник-автоматчик младший сержант Афанасьев, восемнадцатилетний паренек, рассказывал мне, как их отделение пробралось сквозь боевые порядки немцев в село Борилово.

— Нам задача была: разведать, какие у противника силы в Борилове, его огневые точки. А они, видать, отходить собирались. Бегают по селу с факелами и зажигают каждый дом. Подбежит солдат к избе, ткнет в солому факелом, посмотрит — занялась ли крыша, и дальше. Да еще

и гранаты в дома бросают. В тридцать минут всё село за-палили. Мы, когда днем ворвались в Борилово, ни одного уцелевшего дома не увидели. Все начисто пожгли, гады! Бориловский старик потом рассказывал, что в его селе сто пятнадцать домов стояло. Теперь там землянки роют. Жить как-то надо, а строить дома не из чего. Да и кому строить? Мужиков не осталось.

Это мне с великой горечью рассказывал солдат, уже побывавший не в одном бою. Его душа ожесточилась от зрелища тех бед, какие нанесла нам война. Сейчас он жил одним желанием — надо сильнее бить врага, энергичнее гнать его с нашей земли, убийцу и разорителя, не давать ему передышки до полного уничтожения.

Нами уже были отвоеваны десятки километров родной земли. Той земли, на которой жили Толстой, Лесков, Тургенев. Уральцы-танкисты встречали тысячи советских людей, освобожденных ими от немецкой оккупации. Видели слезы счастья на глазах стариков и старух, женщин и детей. Сколько горя и страданий открывалось нам! Разве можно на такое смотреть спокойно? Враг должен за все ответить. За все! Не будет ему прощения.

Я пишу не историю Уральского добровольческого танкового корпуса. Это задача военных исследователей. Мне хочется восстановить картину войны, участие в ней народа, как это запечатлелось в моей памяти. Ведь только малая часть того, что я видел, нашла место в моих газетных корреспонденциях тех лет. Да и редко мы, военные газетчики, выступали тогда в газетах с собственными материалами. Мы помогали солдатам и офицерам писать заметки, в которых они рассказывали о собственных боевых делах, о подвигах своих товарищей. Только теперь я пользуюсь возможностью рассказать то, чему был свидетелем, что волновало меня в те дни.

По записной книжке я восстанавливаю, что наша редакция 9 августа разбила свои палатки в густых зарослях орешника неподалеку от станции Шахово. Помню, я сидел у пенька, положив на него кусок плотного картона, и готовил в набор солдатские заметки. А перед глазами все еще стояли разбитая в прах станция Шахово и старательно разрушенное полотно железной дороги.

Ночью, когда я спал на плащ-палатке, укрывшись шинелью, я слышал звонкий стук по металлу.

Что бы это могло быть?

Выяснилось утром. Десятки людей копошились на полотне, восстанавливая железную дорогу: женщины, подростки и среди них несколько пожилых мужчин. Началось возрождение железной дороги.

Теперь эта песнь металла не замолкала ни на час. Она то становилась сильнее, то слабела, но не иссякала.

Молотки стучали каждый день и особенно звонко по ночам. Они, казалось, не уставали. Я слышал их рано утром, когда умывался в ручье, и поздно ночью, задремывая на ворохе свеженарубленных ореховых лапок.

Через неделю я услышал другие звуки: осторожное пыхтение паровоза и мягкое позвякивание буферных тарелок. Пробный поезд проходил по выложенному пути ради предосторожности ночью.

Как много может человек! Нам казалось, что эту дорогу еще долго не восстановить. Но нужно — и вернули к жизни очень быстро.

Наши войска оттесняли врага на запад. Гитлеровцы оставляли нам зону пустыни. Однако жизнь быстро начиналась на освобожденной от врага земле.

«15 августа наши войска на Брянском направлении, сломив сопротивление противника, после упорных уличных боев овладели городом Карачев», — записал я ночью очередную сводку Советского информбюро.

Ясным августовским утром я ехал лесной дорогой в Карачев на второй день после его освобождения. Мне хотелось увидеть, как выглядит этот старинный русский город, один из многих освобожденных в эти дни войсками Брянского фронта.

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона о Карачеве рассказывается, что он один из древних русских городов. Первое о нем упоминание в летописях относится к 1146 году.

В конце прошлого века в Карачеве проживало почти пятнадцать тысяч жителей. В нем было девяносто заводов и фабрик: пенькотрепальная и пенькопрядильная фабрики, канатная. Карачев славился на всю Россию изделиями из пеньки. В городе насчитывали 144 каменных здания и 1420 деревянных. Карачев имел свою

типографию, две книжные лавки. Стояло двенадцать церквей.

В наше советское время город сохранил свое значение крупнейшего центра пенькообрабатывающей промышленности. В сельском хозяйстве ближайших районов конопля оставалась ведущей культурой. В первой пятилетке тут построили крупнейшую в стране фабрику сноповязального шпата.

На выезде из леса нашу машину остановила девушка-регулировщица.

— Следите за указками! — строго предупредила она шофера. — Не сворачивайте в сторону на другие дороги. Тут еще мин полно. Две машины сегодня подорвались.

— Жалеешь голову — не верти рулем? — спросил ее водитель.

Она в ответ на шутку только улыбнулась.

— Ладно, присмотрим за головой, — пообещал ей водитель.

Мы двинулись дальше.

На обочине дороги стоял указатель: «КАРАЧЕВ».

— А где же город? — обеспокоенно сказал водитель. — Провалился разве?

Города, действительно, мы не видели. Кругом одни каменные развалины, даже не коробки зданий, а только каменный мусор да бесконечные со всех сторон пепелища.

Сильно пахло гарью.

Мы остановились возле толпы жителей, возвращавшихся из леса в свой Карачев. Старики, женщины, дети... Много детей... У всех, даже у самых маленьких ребятишек, за спинами мешки, одеты кое-как, полубосые.

— Карачевские? — спросил водитель.

— Здешние, — подтвердили из толпы.

— А где же ваш город? — Водитель все еще не верил, что мы уже в Карачеве.

— А вот он и есть, Карачев, — ответил старик, с крупным хрящеватым носом, делая рукой широкий жест. — Разбил немец наш город, все в головешки попалил. Три дня каменные дома гранатами рвал, деревянные жег. Ни одного в целости не оставил.

Остальные, слушая старика, молчали.

— Где же вы тут теперь жить будете? — спросил водитель.

— Как-нибудь,— сказал старик.— Руки у нас есть... Строиться будем...

Водитель помолчал, рассматривая молчаливые руины.

— Как на Хотьково выбраться, знаешь? — спросил он старика.

— А ты езжай...— Старик задумался, как поточнее показать дорогу, и безнадежно махнул рукой.— И не расскажешь теперь. Лучше провожу...

Он встал на подножку возле шофера. Наша машина осторожно пробиралась по разрушенному городу среди развалин и груд обгорелых бревен.

В одном месте сохранилась каменная стена, а на ней на русском и немецком языке вывеска: «Универсальный магазин». Где тут центр города, где и какие стояли здания — угадать невозможно. Увидели большую площадь, на которой были вскопаны картофельные гряды.

— Городской сквер тут был,— сказал старик.— Немцы позволили грядок понаделать.

Он доехал с нами до окраины, за которой начинались поля. Слева тянулись многочисленные низкие бараки, окруженные частыми рядами густой проволоки.

— Тут немецкие артиллерийские склады были,— сказал старик.— Как ваши не догадались, не разбомбили... Все снаряды немцы увезли. Что бы вам сюда бомбой трахнуть...

До этого я не видел городов, которые были бы так злобно и последовательно уничтожены до самого крохотного строения. Немцы буквально стерли Карачев с земли. В сводке Советского информбюро о взятии Карачева говорилось:

«...Отступая, немцы сожгли и взорвали все школы, каменные дома и промышленные здания. В городе не осталось ни одного жилого дома...»

В сводке не преувеличивали.

Позже еще один город я видел разрушенным так же варварски, как Карачев, только масштабы были иными, более крупными. Так в одну апрельскую ночь 1945 года американской авиацией был стерт город Дрезден. Там погибло двести пятьдесят тысяч жителей, попавших в огненное кольцо.

По жестокости немцы и американцы оказались равными.

За эти дни мы притерпелись к виду сожженных деревень, сел, к встречам с осиротелыми стариками и старухами, к рассказам о том, как бесчинствовали и издевались над русскими людьми пришельцы из фашистской Германии.

Девушка в селе рассказывала:

— Особачились при немцах. Ругаемся, ничего не боимся. Рыжими звали, чертями. К колодцу подойдет солдат, напиться просит, вырвешь ведро и уходишь.

Частушки о них пели. Такие...

Грязный сопливый платочек
Немец принес постирать,
Дал за работу черствый кусочек
И котелок облизать...

Однажды в деревне, где остановилась наша редакция, пришла женщина и принесла песню.

Горячие капают слезы,
Колеса вагонов стучат,
С родной Украины увозят
В Германию наших девчат.
Тяжелое помним прощанье
И хмурые лица отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов.
Ах, если б меня ты слышал,
Мой брат, краснофлотец-герой,
Наверное, ты б заступился
За участь сестрицы родной!..
Бойцы, наши братья родные,
Фашистам отрежьте вы путь,
Чтоб всем нам остаться в России
И грудью свободной вздохнуть.

Мы напечатали в нашей солдатской газете эту песню. Ведь мы еще вели бои в центре России. Впереди лежала порабощенная Украина, с которой до нас и долетел этот песенный плач украинских девчат, угоняемых в фашистское рабство. Нам надо было спешить на запад. Изгонять врага с нашей земли!

Передо мною мысленно проходят лица многих солдат, офицеров, с которыми сталкивала война, оживают в памяти их рассказы.

Вот капитан Ходорич, начальник штаба 26-го танкового полка. Он только что с несколькими машинами вышел из боя, еще не умылся, не привел себя в порядок. Энергичное лицо, резко сведенные над переносьем черные выразительные брови. Все в нем было резким — даже жесты. Чувствовалась скрытая воля. Ходорич сидит на подножке и жадно ест кашу. Впечатления недавнего боя у него еще свежи и остры. Он помнит все детали.

— Отсекли нас немцы огнем, и я в деревне оказался с одним танком, а четыре остались за рекой, — рассказывает Ходорич. — Вижу, пехотинцы шевелятся, окапываются. К ним...

Спрашиваю:

— Вы откуда?

— Третий батальон, товарищ капитан, — отвечают они.

— Где ваш командир?

— Командир роты убит, взводный тяжело ранен.

— Как себя чувствуете? — спрашиваю и понимаю, что надо настроение ребят поднимать. Вроде, без офицеров, духом упали.

— Офицеров с нами нет, — подтвердили они мою тревогу.

— А я что? Не офицер?

Засмеялись солдаты.

— Так вы же танкист... Про пехотных говорим.

— Танкисты с пехотой всегда дружат. Водой не разольешь. Нам без вас — никуда.

Не верят, усмеваются. Видно, правда, с танкистами эта пехота дела не имела. Нашелся среди них старший сержант Бушмакин, сразу видно — толковый мужик. Назначил его командиром.

Он тут же: «Ребята голодные, вторые сутки воюют без тылов. Курить им нечего». А у меня в машине только сухари — неприкосновенный запас, да канистра меда. Это мне пчеловод подарил. Отдал все им — ешьте сухари с медом. Вроде медовых пряников, только жесткие. Папиросами поделился. Повеселели мои солдаты.

— Держись, — говорю им, — пехота! Скоро наши танки сюда подойдут, ударим вместе по врагу.

Ночью удалось связаться по радио со своими. Кодом передал, как только найду наши машины, иду в атаку. Белая ракета — сигнал начала моей атаки.

Но сорвалась атака. Не нашел я танки. Только утром разыскал их. Они в ложине притаились.

— Что же вы, — говорю им, — бросили начальника штаба? Пусть один погибает? А я вот не погиб. Вам не стыдно?

Верите, у танкистов от обиды слезы на глазах.

— Сейчас начнем атаку, — говорю им. — Опять бросите? Пошли!

Мои пехотинцы к тому времени успели для танков переправу через речку подготовить.

Рванулись мы, и все удачно вышло. Вышибли немцев. Овладели еще одним русским селом.

Потерь не имели, только ранило кое-кого. У меня в экипаже двоих: механика-водителя и башенного стрелка — Гладышева и Копылова.

— Завтра, — говорю всем, — о нашем освобожденном селе будет сообщение в оперативной сводке. Вся страна узнает, что освобождено еще одно село. Это ли не слава? Поздравляю!

Но тревожусь!.. Ведь немцы так этого не оставят. Внезапностью их победили. Будут нас контратаковать, обязательно!..

Мой механик говорит, что сможет и одной рукой вести машину. Копылов помогать ему будет. Башнером посадил к себе пехотинца, показал, как пушку заряжать.

Пошел к своим танкистам.

Оказалось, что снарядов больше нет, патронов осталось по паре дисков.

Спрашиваю их:

— Гусеницы в исправности? Будем гусеницами воевать. Если мы сейчас немцев не развеем в ветер, они нас ночью запросто возьмут. Надо к своим днем прорываться.

Верно определил... Провели немцы легкую артподготовку и двинулись... Рассадил я пехотинцев по всем «коробочкам» и приказал боеприпасами пользоваться толком: мало их у каждого.

И двинулись навстречу.

Да, горячо пришлось. Мы их больше гусеницами. Патронов мало, а немцев много. Мои пехотинцы их да-

же гильзами били. Прямо с брони. Сам им из башни гильзы подавал.

Вот так бой и провели.

Когда стихло все, вылез я из танка, собрал всех пехотинцев и объявил им благодарность.

Влез в машину, заглянул к механику, а он лежит лицом вниз.

— Доведешь машину? — спрашиваю его.

Молчит... Только минут через пять поднял голову.

— Доведу...

Крови он много потерял, ослабел.

Ходорич покончил с кашей, залпом выпил большую кружку чая.

— Еще вопросы будут? Разрешите выполнять обязанности начальника штаба? — шутливо спросил он меня, равный мне по званию, но более старший по возрасту и воинскому опыту.

Августовские дни на Орловщине стояли сухие, душные, с мгновенными горячими дождями, даже с зарницами, которым не могла помешать война.

Напряженные бои гремели тяжелыми артиллерийскими разрывами, не стихали гулы воздушных сражений, железно грохотали танки. Больших потерь стоил воинам каждый километр отвоеванной родной земли, каждый километр, приближавший нас к проклятому Берлину.

Оперативные сводки Советского информбюро ежедневно рассказывали, какой дорогой ценой давалось наше продвижение на запад.

«Северо-западнее города Орла, — сообщалось в одной из оперативных августовских сводок, — наши войска, преодолев упорное сопротивление противника, продвинулись вперед и овладели 22 населенными пунктами. В этих боях истреблено свыше 1000 солдат и офицеров противника. На одном участке крупные силы пехоты и 40 танков противника перешли в контратаку. Наши бойцы отбили атаку гитлеровцев. В результате боя подбито 10 танков и уничтожено до батальона немецкой пехоты».

— Даже не помню, что было вчера и позавчера. Все в голове перепуталось, — говорил мне майор Андрей Степанович Ладейщиков, уроженец города Лысьвы. До войны он работал полеводом в совхозе и любил вспоминать, как ему тогда хорошо жилось. — А о сегодняшнем бое могу рассказать. Дрались ребята отлично. Яростно! Водителя самоходки Горюнова в лоб ранило. Командир приказал ему покинуть машину, а он отказался, не оставил товарищей в тяжелую минуту. Самоходку лейтенанта Ачбы немцы подбили. Несколько часов они отстреливались. Сколько снарядов приняли на себя! Но и немцам от них досталось.

Да, были трудные дни.

Но как однажды вдруг озарилась теплым светом душа, когда в дубовом леске, где я, измученный, вдруг хорошо выпался в полуденной тени, на согретой солнцем траве, и подумал об очень простом — никогда больше этот дубовый лесок не будет немецким. Не будет наглый немецкий солдат гулять по тенистой лесной дорожке, не будет мять коваными сапогами траву и цветы на полянах.

Моя это земля, русская! И мы вернули ее, вернули!

В разгар боев на Орловщине в редакцию «Добровольца» для прохождения дальнейшей воинской службы прибыл русоволосый молодой лейтенант Иван Бауков — поэт.

В коллективе у него сразу возникли хорошие товарищеские отношения со всеми редакционными и типографскими работниками. Он был старше всех военным опытом. Иван Бауков об этом не говорил, но все знали, что война для него была второй, что он воевал на Карельском перешейке.

Два дня мы с ним следовали с танковым батальоном. Пользуясь минутами затишья, беседовали с танкистами, на блокнотных листках писали с ними заметки для газеты.

Ранним утром в лесочке, где расположились уральские «тридцатьчетверки», я увидел, что Иван ходит по полянке и что-то бормочет.

— Есть у тебя записная книжка? — спросил он. — Моя кончилась. Надо стихи записать.

Я протянул ему свою записную книжку. Он прилет на землю и написал в ней такие стихи:

ИМЯ ТВОЕ

Я имя твое превратил в молитву,
Мне, видно, разлука не по плечу.
Шагаю ль на отдых,
Готовлюсь на битву ль,
Имя твое постоянно шепчу.
Затянут ли песню смерти снаряды,
Иль враг вдруг поднимется силою всей —
Я вымолвлю имя —
И, кажется, рядом
Стоишь ты, и я становлюсь сильнее.
В землянке, где плесень бревна покрыла,
Где каждому душу давит тоска,
Шепчу твое имя, и сердца порывы
Надвигаются болью в висках.
И ночью, ложась на сырой соломе.
В сарае, в котором ветру простор,
Мне кажется, сплю я в родимом доме
И ты всю ночь поправляешь костер.
Я знаю, лица лишь коснутся руки,
Я близость твою оценю вдвойне.
А нынче пою я славу разлуке,
Что подчиняет любовь на войне.

Так я впервые под Брянщиной познакомился с хорошим русским поэтом Иваном Бауковым. Пушки не могли заглушить его лирического голоса.

Мы с ним прошли войну рядом — до Берлина. Не однажды оказывались вместе в трудных обстоятельствах. Остались друзьями и по сей день. А начало нашей дружбы — то самое раннее летнее утро, когда в моей записной книжке он записывал только что нашептанные про себя стихи.

Эти страницы первоначально были напечатаны в журнале «Уральский следопыт». Как-то в Москве в клубе писателей я встретил Ивана Баукова. Он успел прочитать журнал.

— Самое интересное, что этих стихов у меня нет, — сказал Иван Бауков. — Тебе я их записал, а потом и позабыл переписать. Ты напомнил мне мои же стихи.

Танкисты-уральцы стоят в неподвижном строю плечом к плечу. Не выходя из боев, они так устали, что еле держатся на ногах. Лица их до черноты покрыты пороховой копотью. На многих марлевые повязки, бурыми пятнами на бинтах проступает кровь.

Перед строем танкистов на увядшей по-осеннему траве лежат наши товарищи, павшие в сегодняшнем бою. С краю две девушки-санитарки, словно подруги рядом, и, как бы случайно оказавшийся среди воинов в одинаковых зеленых гимнастерках, подросток с льняными волосами, в серой рубашке и потрепанных хлопчатобумажных коротких брючках, в стоптанных башмаках.

Мертвые, как живые в строю, касаются друг друга плечами.

Вчера и еще сегодня утром они были с нами. Вместе теснили противника, входили в освобожденные селения. Мы еще помним, какие у кого были голоса, помним цвет их глаз. Сейчас мы провожаем своих товарищей, прощаясь навечно, оставляя лежать в Брянской земле. Вот где оборвалась их военная жизнь!

Прошел еще один день войны. Он был таким же трудным, как и другие. Он и сегодня принес нам победы. Уральские танкисты уже за рекой Десной потеснили гитлеровцев на несколько километров.

«Войска Брянского фронта, — сообщила оперативная сводка Советского информбюро 23 августа, — продолжая стремительное наступление, с боем овладели важным железнодорожным узлом и городом Унечей».

Уже два месяца танкисты-уральцы в боях.

Очень далеким кажется тот июльский день, когда уральцы впервые встретились с врагом на Орловщине.

Многих и многих потеряли мы за эти два месяца.

Эта общая могила вырыта на краю села, отбитого вчера у немцев. Мы не увидели тут жителей, гитлеровцы их заблаговременно угнали на запад. Избы стоят с распахнутыми по-сиротски дверьми и окнами. На улице не пахнет навозом — привычным духом сел и деревень. Гитлеровцы в первые же месяцы оккупации реквизировали весь скот на нужды своей армии. Так по-нехорошему тихо и пусто в селе. Танкисты овладели им внезапно, не дали немецким факельщикам спалить избы. Но кому нужно это село? Где его жители? Вернется ли сюда жизнь?

При порывах ветра с берез летят желтые листья, тихо опускаясь на землю, на мертвых.

Коротки прощальные речи...

Последние слова живых о павших товарищах.

Лежат парни и девушки Уральской земли. Из разных мест — с берегов Камы и Чусовой, с золотоносной и рудоносной земли Среднего Урала, из Челябинских степных просторов. Добровольцы! Они рвались в армию, отказывались от заводской брони, от жизни в тылу. Мастера своего дела, рабочие люди.

Они стали хорошими солдатами.

Они любили свою Родину. Отдали ей свое самое большое богатство — жизнь!

Только до берегов Десны дошли они с нами. Теперь нам продолжать бои без них.

Среди других, смежив глаза и сомкнув плотно губы, лежит на осенней прохладной земле механик-водитель «тридцатьчетверки» Мастепан. Он был хорошим товарищем и великолепным воином. Во многих поединках с немецкими танками и их самыми сильными машинами «тиграми» и «фердинандами» он выходил победителем, спасал машину и своих товарищей по экипажу. Не скоро время сотрет память о нем.

Рядом с ним лежит Женя Сафронова. Посинели ее розовые полные губы, потускнели горевшие золотом волосы, смертно запали щеки. Сколько ей лет? Восемнадцать — девятнадцать? Она училась в пединституте и одновременно на курсах медицинских сестер, готовила себя к войне. Была веселая, по-девичьи обаятельная. Под огнем вытаскивала раненых, в огне оказывала им первую помощь.

В последний свой бой она попросила танкистов взять ее в машину, чтобы находиться ближе к бойцам. Немецкий бронебойный снаряд попал в борт «тридцатьчетверки» и угодил в боеукладку. Танк взорвался. Погиб весь экипаж. И вместе с ним Женя Сафронова.

Володя Растворов прибил к танкистам-уральцам на Орловщине. Отца его, председателя колхоза, немцы расстреляли в начале сорок второго года за помощь партизанам в селе, возле школы. Похоронил мать. Сам скитался по деревням, спасаясь от отправки на работу в Германию, находил приют у родственников. Настойчиво просил танкистов взять его в армию.

Ему дали трофейный немецкий автомат. Володя успел вместе с нашими автоматчиками принять участие в трех боях. Вел себя храбро. Смелостью восхищал даже солдат.

Он погиб сегодня на рассвете. Три автоматчика-разведчика нарвались на большую группу немцев и бились с ними до своего смертного часа. Володя Растворов хоть частично расквитался за все с врагом.

Вырос еще один могильный холм на пути нашего наступления. Гремит винтовочный залп — последняя воинская почесть товарищам.

...Я пишу эти строки на Урале. Стоит сухой сентябрь. Леса в осеннем уборе. При порывах ветра летят желтые листья берез, тихо и мягко ложатся на повядшую траву. Как и тогда!.. Но сколько же минуло с той поры? Ровно двадцать четыре года.

Это был, кажется, один из последних боев на Брянщине уральцев-танкистов. Я тогда не смог в газете упомянуть имена Мастепана, Жени Сафроновой, рассказать про Володю Растворова. Была освобождена Унеча, наши войска все энергичнее теснили противника на запад, начиналось освобождение Украины. В газете мы печатали заметки солдат, которые входили в освобожденные города, продолжали бить врага.

Только теперь я этими короткими строками отдаю дань памяти тем, кого мы потеряли в июльских и августовских боях 1943 года на Орловщине и Брянщине. Далеко не всем.

Вечная вам слава, товарищи!

— Поедем с нами, — сказал мне лейтенант Сверчевский. — Только до Карачева и обратно.

— Зачем?

— Не скажу. И не пытайся. Но не пожалеешь. Обещаю...

Таинственность приглашения заинтересовала. Я перевалился через борт грузовика, полного танкистами.

Машина затряслась по лесной дороге. Через час мы въехали в разрушенный Карачев. Багровое холодное солнце склонилось к горизонту. Мрачный свет ложился на руины, покрытые легким снегом. Слышался стук топоров. Строились первые деревянные дома.

Мы пересекли Карачев и остановились у маленькой будки путеобходчика.

На путях виднелся длинный состав платформ, груженных «тридцатьчетверками».

Танкисты начали выпрыгивать из грузовиков.

Мы подошли к составу.

— Наши машины на Урал отправляют, — сказал Сверчевский. — На переплавку и в ремонт. Проститься приехали...

Мы шли со Сверчевским вдоль состава.

Да, это были наши уральские «тридцатьчетверки», разбитые в боях под Орлом и Брянском. На них было больно смотреть. У одной сорвана башня, она стала ниже. Другая — без гусениц, только с катками. Броня одной машины продырявлена, как пчелиные соты. Видимо, долго она не сдавалась немцам. Сколько же снарядов потратили на нее враги! Пушка соседней «тридцатьчетверки» свернута в сторону.

Наверное, о любой машине и об экипаже, которому она принадлежала, можно было написать особо. Каждая из них приняла немало боев.

Танкисты залезали на платформы. Искали свои машины.

— Увидят на Урале наши «тридцатьчетверки» — поймут, как трудно воевать. Хорошие машины! — сказал Сверчевский и похлопал по броне свой танк, словно по крупу боевого коня. — Больно прощаться.

Он раскрыл банку с белилами и кисточкой вывел на броне: «Боевой привет! Сверчевский».

Его банка пошла по рукам.

На броне танков появились надписи: «Уралу — слава!», «Дойдем до Берлина!», «Гитлеру — капут!», «Отомстим!», «Вперед — к победе!» и опять: «Уралу — слава!», «Спасибо за броню!»

Паровоз дал протяжный гудок, состав тихо тронулся. Танкисты на ходу спрыгивали с платформ.

Мы стояли и смотрели, как мимо нас двигались изувеченные уральские «тридцатьчетверки», которые помогли в боях на Орловско-Курской дуге разгромить отборные немецкие части.

•От Днeпра до Вислы

Впервые, как и многие уральцы, я оказался на Украине.

До войны я видел ее пирамидальные тополя, пшеничные степи, вишневые садо́чки только из окна вагона, когда выезжал в отпуск на юг.

Теперь Украина была вокруг меня, я ходил по ее земле, жил с ее людьми.

Казалось, что воздух за Днeпром иной, чем в России. Более ласковый, насыщенный теплотой ее благодатной земли, настоянный прелью ранней весны. Украина встретила нас теплым солнцем. Земля, будто радуясь освобождению, рано сбросила снега и лежала жирно-черная, с полосами ярких шелковисто-зеленых озимей. Пирамидальные тополя стояли еще голые, но уже пахли крепким скипидарным соком.

Через широкий Днeпр по временной деревянной переправе днем и ночью двигались наши войска, уходившие дальше на запад. Мы жили ожиданием скорых новых боев. Прикидывали, когда и где наши войска начнут наступать, как далеко еще отбросят врага на запад, на какие выйдут новые рубежи.

За Днeпром войска растекались по дорогам Украины. Женщины и здесь по-матерински встречали солдат, пришедших дальними путями из России. Для ночующих они рассыпали на глинистом полу вдосталь соломы, за ночь, пока бойцы, утомленные дневным переходом, сладко храпели, успевали выстирать портянки, зашить и подлатать обмундирование, шинели.

Наша редакция расположилась в восьми километрах от Киева, в двух уютных дачах поселка Святошина, среди сосен, рассеченных длинными просеками улиц. Ветер раскачивал вершины синеющих сосен, и они приветливо гудели по ночам. В дачных садах и прямо на обочинах улиц голубели на длинных ножках крупные подснежники.

Мы побывали в Киеве несколько раз. Он лежал в развалинах. На уцелевших домах виднелись вывески магазинов, выписанные готическим немецким шрифтом. Тот же шрифт виднелся и на сохранившихся дощечках на-

званий улиц. На пустырях можно было увидеть исковерканное немецкое оружие, погнутые стальные каски. Почему-то касок было особенно много. словно кто-то сгребал их в кучи. Еще не убрали с улиц подбитые танки, пушки, остовы сгоревших грузовиков и легковых машин.

В Киеве кое-где продолжали действовать частные магазины, пивные, бары, рестораны. За сумасшедшие деньги там можно было выпить свекольной самогонки, кисловатого пива, съесть шницель, отбивную. Гудел обширный базар с обилием странных для нас вещей — иконок, ладанок, медных крестиков, поминальных книжек, молитвенников и всякой житейской рухляди.

Город только-только приходил в себя после долгих тяжких дней немецкой оккупации и тяжелых боев за освобождение его. Однако все кипучее и энергичнее разворачивалась наша жизнь.

Уже выходили на русском и украинском языках республиканские газеты. В театре мы посмотрели спектакль «Шельменко-денщик».

Во всех селах Украины встречались следы ужасающих преступлений, совершенных немцами. Украина в великом горе. Тысячи украинских девушек и юношей угнаны в неметчину. Почти везде, где нам приходилось останавливаться, рассказывали о полоненных сыновьях и дочерях. В селе Гнилица хозяйка Анастасия Васильевна показала карточку, которую прислала ей дочь из Германии. Стоит девушка, лицо у нее хмурое, страдальческое. Ясно виден нагрудный знак со словом «Ост» и номер — 786. Немецкая рабыня! Такие карточки мы видели во многих домах.

Как-то нам пришлось заночевать в одном селе. Дверь отворил старик. В углу избы, покачивая колыбель и напевая тихим приятным голосом, сидела молодая женщина. Она не взглянула в нашу сторону, словно не слышала, как вошли незнакомые люди. Стараясь не шуметь, мы разделись.

Старик зажег лампу, и кто-то из наших удивленно сказал:

— Чего это она пустую люльку качает?

Старик зашипел на него и замахал руками. Женщина и головой не повела, продолжая качать колыбель: тихая, счастливая улыбка сияла на ее лице.

Шепотом, оглядываясь на дочь, старик рассказал, как при отступлении к ним в село вкатил немецкий обоз, и солдаты рассыпались по всем домам. К ним ввалилось шестеро солдат. Всю ночь они бражничали, шумели и галдели. Ребенок проснулся и заплакал. Олена никак не могла успокоить сына, и рыжий высокий немец подошел к колыбели. Телом своим мать хотела загородить колыбель, но солдат зажал своей лапой кисть ее руки и стал вывертывать. Закричав от боли, Олена упала возле немца на колени, а он левой рукой перевернул ребенка лицом вниз и придавил к подушке. Оборвался плач ребенка, страшно завывала Олена, катаясь у ног солдата. А немец смотрел в ее искаженное болью и мукой лицо и усмехался. Все немцы поднялись из-за стола и смотрели на них.

Внезапно солдат вскрикнул и сильным ударом ноги отбросил Олену к печке, а сам, потирая укушенную руку, пошел к столу.

Олена кинулась к колыбели, схватила ребенка и убежала на улицу. Старик нашел ее в саду. Она сидела на опрокинутом улье и баюкала мертвого ребенка.

Среди ночи в избу вскочил солдат и что-то прокричал. Пьяные немцы, оставив на столе недопитое вино, выскочили на улицу. Советская Армия шла по пятам отступающих немцев. Среди ночи они побежали дальше на запад. Но как ни драпали немцы, танкисты опередили их и в этом же селе захватили часть обоза. Может быть, среди тех, кого захватили, был и тот немец, что придушил ребенка Олены.

Однажды днем я проходил через небольшой хуторок. Устал, хотелось воды. Я постучал в хату, и дверь мне открыла черноглазая девочка лет десяти. Дома была еще ее сестра лет шести. Мы быстро познакомились. Девочек звали Галя и Оля. Я спросил, как же не побоялись они меня пустить. Девочки дружно засмеялись.

— Чего же нам бояться? Немца боялись. А теперь немца нема. И нам ховаться не надо.

Они достали свои книжки. Старшая — она училась во втором классе — прочла «Заповит» Тараса Шевченко. Чудесно прочла. Эту книжку с портретами Ленина и Сталина она спрятала от немцев. При них училась по другой, в которой эти портреты были вырваны и даже слово пионер было везде замазано чернилами.

Уральцы-добровольцы получили с заводов Челябинска и Нижнего Тагила новые «тридцатьчетверки» и готовились к боям за Днепром. Танкистов порадовало, что на этих «тридцатьчетверках» вместо прежних 76-миллиметровых стояли новые, более мощные, 85-миллиметровые пушки. С этими пушками не страшны были ни «пантеры», ни «тигры».

Наши войска, начиная с тяжелых июльских боев 1943 года на Орловско-Курской дуге, продолжали безостановочно наступать. Все энергичнее, все с большими потерями для противника мы гнали немцев с нашей земли. Берлин был все ближе.

В дневнике за 23 февраля 1944 года у меня записано: «Завтра покидаем полюбившееся нам Святошино и двигаемся на Шепетовку — район горячих боев».

28 февраля:

«Выехали 25 февраля. Чудесная дорога — Житомир, Новоград-Волынский, Корец. Живу в Кривени. Это уже Западная Украина. Проехал огромное расстояние. Реально ощущаешь, как далеко на запад ушла Красная Армия. Днепр теперь у нас в глубоком тылу.

Сегодня днем побывал в Остроге — красивые каменные особняки, чистенький уютный городок в садочках».

5 марта:

«Опять мы в пути. В сводке пишут: «Дороги непроходимые для всех видов транспорта». А мы все же движемся. Местность тут пересеченная, всхолмленная, с небольшими рощами. В низинах — болота. Пятнадцать километров колонна грузовых машин пробивалась весь день. Все — грузовые машины, легкие и тяжелые, танки и самоходки, орудия на гусеничном ходу — застревают в глубокой грязи — жирной и вязкой, словно клей. Километра два тряслись по шпалам разрушенной немцами железной дороги, но и на ней застревали дважды.

Нашу колонну грузовиков нагоняют командир корпуса генерал Белов и член Военного совета генерал Гуляев. Оба накаленные, встревоженные. На всех дорогах — «пробки». Сейчас самый ответственный момент — корпус втягивается в прорыв, а тылы неимоверно отстают, растянулись, не обеспечивают снабжением наступающих.

Немцы отходят. Танкисты громят их на всех направлениях.

Ночуем в сарае на истоптанной соломе. Многие уже до нас пользовались этим сараем. На ужин — честно поделенные между всеми ржаные сухари».

«Войска Первого Украинского фронта продолжали успешное наступление, — сообщалось в оперативный сводке Советского информбюро 6 марта. — Наши танкисты и пехотинцы в результате стремительных ударов овладели районными центрами Тернопольской области — городом и важным узлом шоссейных дорог Збараж, Вышневецк, Лановцы, Новое Село, районными центрами Каменец-Подольской области — Фридриховка и Грицев».

• Не тот немец

Только на исходе четвертых суток, при удаче пользуясь попутными машинами, а чаще пешком, нагнал, наконец, в селе Скорыце танкистов челябинской бригады, которые вели бои с противником.

На окраине чистенького села, где белые хатки стояли, накрытые крышами из золотистой соломы, танкисты показали, как найти штаб бригады. За селом слышалась редкая артиллерийская стрельба.

Облепленный грязью, измученный, голодный, я поднялся по широким ступеням каменного фольварка и словно попал в другой мир.

Первым мне встретился молодцеватый подполковник Фомичев — командир челябинцев.

— Посмотри, какой помещичий дворец захватили, — усмехнулся Фомичев.

Обширный дом, множество комнат. Везде сверкает начищенный паркет, на всех окнах — цветные кружевные шторы, по тону подобранные к обоям. Мягкая мебель, высокие зеркала, книжные шкафы, набитые польскими и немецкими книгами, журналами, альбомами, на стенах картины в дорогих рамах. Всюду цветы. Казалось,

что хозяева только-только покинули свой дом, не веря до последней минуты, что война может войти к ним.

На кухне в огромной кафельной плите устрашающе гудело, словно в мартеновской печи, пламя. Для танкистов на ужин готовили гусей и уток. Дразнящий запах жаркого разносился по всему обширному дому.

— Опоздал к нашим боям, — сказал мне Фомичев. — Хорошо вошли в прорыв. Не ждали нас немцы... Сейчас перешли к обороне — ни горючего у нас, ни снарядов. Тылы подводят. Не успевают за нашим продвижением. Да и дороги... — Он сердито ругнулся. — Надо же... То держалась погода, а к наступлению развезло...

Ужинали мы в просторной столовой за длинным столом, накрытым белоснежной скатертью лодзинского производства. Перед каждым офицером стояли фарфоровые тарелки, хрустальные рюмки, лежали серебряные приборы.

Мне подарили массивную серебряную ложку. Я тут же выкинул свою заслуженную, но порядком измятую алюминиевую и засунул за голенище новую — «трофейную». Однако, забегаю в рассказе вперед, поведаю, что послужила она недолго. Я потерял ее через три дня. На село, где мы ночевали, налетело десятка полтора немецких бомбардировщиков. Все выскочили из хаты от накрытого к завтраку стола и увидели, что первые бомбы аккуратно и точно ложатся на крайние дома. Мы успели перебежать улицу и кинуться в глубокий бетонированный погреб. В это время наш дом, чуть ли не на глазах, от прямого попадания тяжелой авиабомбы развалился в прах. Там моя трофейная ложка и пропала. Пришлось спешно добывать новую. А это было не так-то просто...

Ночевать меня увел к себе в дом ксендза командир батальона капитан Чирков, рыжеватый, с густой россыпью мелких веснушек по всему лицу, крепко сбитый. Мы улеглись рядом на деревянные кровати и укрылись легкими пуховиками.

В доме ксендза я и записал ночью рассказ капитана Чиркова о его первых боях на Украине.

— Тут по-другому деремся, — рассказывал капитан Чирков. — Не так, как помнишь, на Орловщине? Там нас на жесткую оборону кидали. В лоб на немца шли, он нас и крошил. А тут мы сил на прорыв его обороны не тра-

тили. Пехота — спасибо ей! — пробила брешу и пропустила нас. Вот и пошли по немецким тылам гулять. Как казаки Запорожской Сечи.

Чирков, рассказывая, не мог лежать. Вскочил с кровати, то возбужденно расхаживал по комнате, то присаживался ко мне. Порывистый и горячий по натуре, он в условиях боя умел отлично управлять своими чувствами, становился четким, собранным — качества весьма ценные в командире. Чирков — один из немногих офицеров корпуса, которые дошли с уральскими танкистами до Берлина.

— Понимаешь, — продолжал он возбужденно, — вот чувствую все сильнее: немец стал нас бояться. Не тот теперь немец, что был в июле на Орловщине. Там он зверем держался, смело огрызался. Его били, а он все же не трусил. То и дело на нас кидался. Потреплет основательно и опять затаится и ждет подходящей минуты броситься. А теперь мы его бьем, а он только зубы скалит да хвост поджимает. Не те у него теперь зубы, и когти не те. Сильнее мы стали, сильнее...

В этих боях капитан Чирков командовал разведотрядом — пятеркой уральских «тридцатьчетверок» и пятеркой приданных ему самоходок. Они должны были, разведывая путь бригаде, стараться не ввязываться в бои с противником, главное — выяснять силы врага.

Разведотряд выступил из села Тихомеля днем. В первой же деревне навстречу танкистам вышла группа украинских партизан, которыми командовал Григорий Матвеевич Мелов. Все его бойцы были в добротных полушубках, зимних цигейковых шапках, с красными матерчатыми полосками надо лбом. Вооружение — немецкие автоматы. Уральские танкисты и украинские партизаны радостно обнялись.

Чирков решил, что партизаны, хорошо знающие свои места, помогут им в боях, и рассадил партизан по танкам. Через четыре часа встретились с противником недалеко от большой деревни Кошляки.

Тут-то и пригодились партизаны. Они посоветовали Чиркову обойти удобной дорогой деревню и с тыла ударить по противнику. В наступающих сумерках танкисты, совершив обходный маневр, двинулись на гитлеровцев. В коротком бою разгромили их, уничтожив в Кошляках пять повозок с боеприпасами и взвод «СС».

Двигаясь дальше, держа все время радиосвязь с главными силами, разведотряд в селе Гнилице Мале уничтожил больше сорока гитлеровцев. Пятнадцать солдат сдались танкистам в плен. Потом с ходу уральцы овладели большим селом Медынь, соседними — Новое село, Сухановцы. Возле Нового села на возвышенности гитлеровцы попытались организовать оборону. Выгнали на рытье окопов все мужское население. Крестьяне, увидев советские танки, конечно, побросали лопаты и разбежались по домам.

Чирков, не скрывая удовольствия, перечислял, какие трофеи удалось захватить его небольшому разведывательному отряду: противотанковое орудие, несколько тяжелых пулеметов, грузовые и легковые автомашины, мотоциклы, вещевой склад, автогараж, телефонную станцию, телеграф. «Богачи! Трофеев...»

— Даже спиртзавод, — широко улыбнулся он. — Не успели его немцы эвакуировать или подорвать. Сегодня за ужином вас спиртом угощали? Нашим трофейным... Там его на складе тридцать тонн оказалось. Как ему интенданты обрадовались! Едва смогли от них для себя одну бочку припрятать.

Я записал, чтобы отметить в газете, младших лейтенантов — командиров «тридцатьчетверок» и самоходок фамилии: Алексеева, Томашева, Глухова, Луганского, Алексейчука, Дружинина, особенно умело действовавшего в бою.

Даже за маленькую победу приходилось платить жизнями своих товарищей.

— Понимаешь, очень хитро «фердинанд» укрылся, — сказал Чирков. — В упор почти расстрелял «тридцатьчетверку» и самоходку. Луганский и весь его экипаж успели выскочить из танка, пока он горел. А в самоходке снаряд попал в мотор — свечкой вспыхнула. Только водитель Бондаренко спасся. Обгорел весь — остальные... Ты запиши: Виниченко — лейтенант, Виктор Семенов — старший сержант, Смирнов — солдат. Сегодня утром похоронили ребят.

Обо всем рассказал славный капитан Чирков. Только не упомянул, что и самого его ранило в бою под селом Старомещизна в ключицу. Санитар наскоро наложил ему повязку, и Чирков повел дальше свой разведотряд. Об этом я узнал позже и от других.

Утром, возле каменного сарая, я увидел пятерых пленных, захваченных уральцами, — в шинелях мышиного цвета, с зелеными плюшевыми воротниками. Пожилые солдаты, всем за сорок. Вид у них был неважный: понурые, небритые, с серыми запавшими лицами. О чем они могли думать? Рады ли, что остались живы, вышли из войны? Кто их разберет.

За ночь погода изменилась. Небо потемнело. Пошел густой сырой снег, еще круче замешивая грязь.

Капитан Чирков стоял в окружении небольшой группы бойцов. Все чему-то весело смеялись.

— Мой танковый десант, — представил он мне их. — Лихие украинские партизаны из армии батьки Ковпака. Знакомьтесь...

Молодые краснощекие парни заулыбались.

— Опять в разведку собираются, — сказал Чирков. — Переданы нашим танкистам в оперативное подчинение.

Старшим у них был Григорий Матвеевич Мелов. У меня сохранилась краткая запись о нем. «Мелов в прошлом — уголовник. Пришел миг, когда после тяжких раздумий он понял, что больше в воровском мире жить не сможет, и явился с повинной к прокурору республики Вышинскому. Рассказал честно о всех своих преступлениях и дал обещание, что порывает с прошлым, готов принять любое наказание. Его раскаянию поверили, простили, но предупредили, что если не сдержит слова, то получит полную меру наказания. Мелов уехал в маленький украинский городок и поступил рабочим на сахарный завод. Там женился, появились дети».

Так может мирно и шла бы жизнь, если бы не война. Появились немцы и в их городке. Мелов подался в партизаны. Он и от них не скрыл своего прошлого, и они тоже поверили ему. С тех пор и воюет.

— Я не всегда Меловым был, — сказал он. — Меня в том мире больше по кличке знали — Волчок. Даже некоторой славой пользовался, — добавил он, усмехнувшись. — В 1937 году писатель Лев Шейнин в «Известиях» рассказ обо мне напечатал.

Полковника Фомичева я застал в штабной машине. Он, такой радостно возбужденный вчера, сейчас сидел угрюмый возле радииста.

— Молчат? — в сотый, наверное, раз спросил он радииста.

Радист посмотрел на часы.

— Еще минут пять до связи.

— Следи внимательнее.

Он нервно закурил.

— Не могу выяснить, что с тылами? — ответил Фомичев на мой вопрос об обстановке. — Где они застряли, черт бы их драл? Чем я буду воевать, если немцы полезут? А они, видать, что-то сообразили. Вроде свои силенки подтягивают...

Радист молча протянул Фомичеву трубку.

— Что?

— Вулкан.

— Да, да... — закричал возбужденно Фомичев. — Ворон слушает... Что? Понял! Есть!.. Понятно... Отлично... Вопросов нет, все понял... Будет исполнено... Хорошо... Благодарю!..

Он поднялся от радиоаппарата повеселевший, заулыбался, даже словно в плечах раздался.

— Отличные новости... Готовят к вылету самолеты с горючим. Надо им площадку обеспечить. А снаряды везут... Вечером должны у нас быть. Просят на всякий случай пару «коробочек» выслать навстречу. Немцы-то теперь в тылу у нас. Вот и безобразничают, — весело заключил он.

Спустя три часа мы стояли с Фомичевым и другими офицерами на широком поле за селом. Погода к этому времени еще более ухудшилась. Небо нависало над селом, валил густой снег. Все беспокоились: смогут ли самолеты вылететь при такой видимости?

Послышалось гудение невидимой машины. Прорвав низкую облачность, вывалилась первая машина — знаменитый «кукурузник». Ей с земли ответили тремя ракетами: зеленой, красной и опять зеленой. «Кукурузник» сделал круг, и от него оторвался парашют с бочкой. Она плавно опустилась на заснеженное поле. Вслед за первым появился второй «кукурузник», сбросил свой груз и уступил место третьему. Машина за машиной...

— Ах, черти! — радовался Фомичев. — Отлично работают... Как мы теперь воюем!.. Так немца бить можно...

К ночи подошли и машины с боеприпасами. Оказалось, что им перерезала дорогу отходящая немецкая часть. Пришлось принять бой. К счастью, он обошелся без потерь.

Ночевал я в том же доме ксендзя вместе с Чирковым.

Проснулся от выстрелов. Где-то совсем рядом слышалась автоматная стрельба, доносились и снарядные разрывы.

Я выскочил на крыльцо. Из-за угла нашего дома автоматчик осторожно выглядывал на улицу.

— Что такое? — спросил я.

— Осторожнее, товарищ капитан, — предупредил солдат. — Немцы прорвались. В соседнем доме их автоматчики.

Резкая стрельба слышалась совсем рядом.

Я вынул пистолет.

По улице медленно проползли два наших танка, ведя огонь короткими пулеметными очередями.

— Надо нам на ту сторону, — посоветовал солдат.

Пользуясь танками, как прикрытием, мы с солдатом энергичным броском перекинулись через улицу.

— Успели! — облегченно вздохнул он. — И в ваш дом автоматчики вскочили...

Холодок прошел у меня где-то между лопаток. Да, опоздай я на десяток минут...

Несколько наших автоматчиков, перебегая от дома к дому, обходили немцев, отрезая им дорогу. Двигаясь с ними, я добрался до фольварка. Тут спешно собирали штабное имущество, готовясь покинуть уютный барский дом.

— Получено приказание, — сказал капитан Чирков. — Двигаемся дальше. Будем перерезать железную дорогу.

— А там? — показал я на улицу, где все еще слышалась стрельба.

— Немцы попытались перейти в контратаку. Да ничего не вышло... Правда, десятка полтора автоматчиков сумели просочиться. Сейчас мы там порядок наведем!.. Но на улицу пока не выходите...

• Фридриховка

Два наших солдата, с автоматами, выскочили на асфальтированную дорогу, проходившую в глубокой выемке, и отчаянно замахали руками, прося остановиться. Наш водитель притормозил машину.

— Что такое?

— Куда прете? Хотите к немцам попасть?

— Да ведь наша Фридриховка.

— Наша, наша... Только немцы нас в нее не пускают. Надо разобраться в обстановке.

Четвертая танковая армия действует в оперативной глубине противника. Громит его гарнизоны в селах и городках, перерезает линии железных и шоссейных дорог, захватывает штабы, дробит немецкие соединения. Противник не знает, где и какой силы обрушится на него стальной удар. Все разваливается и распадается. Части противника разобщены и лишены единого управления. Случается, что наши танкисты и сами неожиданно нападают на немецкие части, отходящие под напором основных сил фронта, и на те, что спешат из тыловой глубины на помощь своим. Возникают большие и малые «котлы», в которые попадают части противника и наши подразделения. С той только существенной разницей, что мы этих «котлов» не боимся, сознательно лезем в них, уверенные в своем преимуществе.

Не в таком ли «котле» и Фридриховка — важный населенный пункт, узел шоссейных и железных дорог?

В километре от шоссе, где нас остановили солдаты, в домиках разместились штабы нескольких частей. Там, правда, не очень толково, нам рассказали, что сейчас происходит в Фридриховке.

Она была взята танкистами с хода после короткого и отчаянного боя. Передовые подразделения Уральского корпуса действовали самостоятельно в отрыве от пехоты. И теперь оказались зажаты крупными бронированными силами противника в плотное кольцо.

Да, мы, действительно, могли с налету угодить в неласковые объятия немцев.

Можно ли вернуться нам? Нет! Сзади немцы в нескольких местах вышли на шоссейные дороги. Разумнее дожждаться, пока прояснится обстановка, а потом с этими штабами продвигаться в Фридриховку.

Толковый совет.

Ночевали мы на хуторе. Спали вповалку на полу. Лежали так плотно, что повернуться с бока на бок не было возможности. И всю ночь прислушивались к тому, что происходит за стенами хаты.

В середине ночи ввалились штабисты еще одной артиллерийской части из резерва главного командования. Возник горячий спор. Прибывшие настаивали на своих правах на этот дом, ибо тем, кто ранее расположился тут на ночлег, полагалось сейчас находиться в Фридриховке. Спорили недолго. Победила... усталость, офицеры примирились, и на полу хаты как-то сумели разместиться еще шестеро.

...Всю ночь со стороны Фридриховки доносилась оружейная стрельба: бой продолжался.

А рано утром оттуда появился лейтенант, разыскивающий свои отставшие тылы.

Он-то и сообщил, что бои закончены и дорога свободна от немцев.

Часа через два мы со штабниками въехали в Фридриховку.

На белом снегу особенно приметны и зловещи черные следы войны.

У самого въезда в поселок, возле могучих столетних ветел, стояли рядышком два «тигра», с обгоревшей краской на толстых стальных бортах. Тут же лежали и обугленные трупы немецких танкистов. Смрадный дым тянулся над всей улицей. Возле домов и в садах виднелись немецкие и наши разбитые и сожженные машины. Многие здания разрушены. Заснеженные тротуары засыпаны щебнем и стеклом. В центре поселка еще один подбитый «тигр», расстеливший широкую и длинную гребенчатую гусеницу.

Обычный вид поселка, где только недавно прошел бой.

Я начал искать знакомых.

Командира саперной роты старшего лейтенанта Толмачева я увидел во дворе дома. Он сидел на приступке черной лестницы и выслушивал доклад старшины, что сделано для отдыха солдат. На улице стояли грузовики, нагруженные имуществом саперов. Вечером рота собиралась покинуть Фридриховку.

После недавней бани, чисто выбритое лицо Толмачева розовело. Одет он был с особой тщательностью, словно собирался на доклад к генералу. Не поверить, что всего несколько часов назад старший лейтенант вышел

из боя, если бы незапавшие глаза да чернота усталости под ними. Голос его звучал хрипло и надорванно, как у человека, долго кричавшего.

Отпустив старшину, он охотно рассказал, что у него тут происходило.

— Приказали — к утру навести для автоматчиков штурмовой мостик. Для броска на Фридриховку. А берега — неудобные, гнилые. Прикинули — триста метров. Легко ли? А у немцев на правом берегу два дота, пушки. На высоте — станковые пулеметы. Сила! Бьет прямой наводкой. Все ему великолепно видно. Мы сдуру сунулись к берегу, накололись и тут же отошли. Сразу троих ранеными потеряли. Огонь такой плотности, что ничего не сделаешь. А приказ, однако, выполнять надо.

Вечером сержант Кошелков и еще трое — Левчук, Сафин и Агранович — перебрались через реку и доложили, что противник ведет себя спокойно. Мы этих разведчиков там и оставили, а сами — за работу. Разломали все деревянные заборы и из досок, бревен начали делать мостик. Всю ночь ребята из воды не вылезали. В домике, в подвале, печку наладили. Чуток погреются ребята — и опять в речку.

Успели к сроку.

Немцы даже не очухались, как мы у них под носом навели штурмовой мостик.

Утром по нему автоматчики и рванули. А с другой стороны танки с шоссе двинули. Так и ворвались в Фридриховку через реку. Одним ударом их вышибли. И без особых потерь... У меня только трое раненых.

Да главное только потом началось. Не успели в себя прийти — со всех сторон немецкие танки. И пошло...

Как вкусно пахнет сырой мартовский снег! Легкий, крупный, он посыпал часов с десяти утра, и шел, и шел, прикрывая пушистой белизной все черные ожоги и болячки земли.

Деревья стояли нарядные, опушенные белым, ветки роняли тяжелые капли. Солдаты, только что вышедшие из тяжелых боев, обрадовались снегу, словно дети, начали игру в снежки.

В центре Фридриховки, возле маленького универсального магазина, с разбитыми зеркальными стеклами,

растоптанными тряпками и картонками за витриной, я увидел старшего лейтенанта Леню Шершеня — командира батареи самоходок. Я обрадовался: жив человек! Стоит и мягко улыбается, глядя на солдат. Кажется, что ему и самому хочется скатать снежок и влепить кому-нибудь метким броском. Да офицерская должность не позволяет такого мальчишества. Пола куртки у Лени обгорела, во всю правую половину лица багровеет синяк, ссадина на скуле щедро залита йодом.

— Что с тобою? — спросил я, когда мы поздоровались.

— Воевали... — Леня беспечно улыбается.

Видно, что он тоже рад нашей неожиданной встрече в Фридриховке. Ведь мы не виделись так давно.

В Брянских лесах, когда уральцы, выйдя из боев, были на отдыхе, я три дня прожил у него в батарее. Тогда стояла тихая поздняя осень, великолепная сухая осень средней полосы России. Бронзово горела на дубах листва, в лесу крепко пахло вянущей зеленью. Я познакомился с Лене́й Шершнем и с такими же молодыми, как он, его офицерами и самоходчиками. В маленьком коллективе, прошедшем первые боевые испытания, жили особой солдатской дружбой. Удивительно быстро ребята, недавно окончившие офицерские училища, выросли в толковых командиров.

— Потопали к нам, — предложил Шершень и улыбнулся здоровой половиной лица. — Ну, Фридриховка нам запомнится! Погоняли нас тут немцы.

— Потери имеешь?

— Обошлось... И все машины целы... А немцам настыляли... Набили тут зверья — «тигров» и «пантер». Видел? Железного лома одним составом не вывезти.

На просторном дворе самоходчики возились с машиной, меняли поврежденные траки, проверяли работу двигателя.

Я увидел офицеров, с которыми познакомился на Брянщине, лейтенантов Николая Павленко, Степана Родионова, Михаила Кученкова, Аркадия Веселова.

Да, Фридриховку захватили уральцы с хода. Но отстаивать ее им пришлось в трудных боях несколько дней. Немецкие танковые полки оседлали дороги, заперев выходы нашим танкистам. У немцев были тяжелые танки — «тигры» и «пантеры», у нас средние — «трид-

цатьчетверки» и самоходки. И уральцы приняли и выиграли этот неравный бой.

«Тигры» и «пантеры» нахально ползали по улицам уютной, с высокими тополями Фридриховки. Они держали под контролем центральную улицу, подступы к вокзалу, главные перекрестки. Тяжелые снаряды и литые болванки легко прошивали стены домов, магазинов.

Самоходчики искали удобных укрытий, все время маневрируя, чтобы не попасть под огонь немецких машин, и били по ним только с близких дистанций, порой сближаясь на 200—300 метров, чтобы наверняка прошить броню. С такого расстояния новая усиленная 85-миллиметровая пушка прошивала крупковскую сталь.

Лейтенант Веселов рассказал, что они двумя самоходками стояли в саду, как вдруг метров в ста перед ними упала стена сарая, и из обломков и пыли вылезла «пантера». Пушка ее смотрела в упор на уральцев. Выстрелили и подбили у нашей самоходки два катка. Выручил нерастерявшийся водитель Салманов. Машина еще могла двигаться, и водитель развернул ее, уйдя от прицельного второго выстрела. Наводчик Филимонов послал три снаряда в лоб «пантере», первым же пронзив насквозь башню. Этот «зверь» остался на месте. Хладнокровие и быстрота помогли ребятам выйти из неожиданного поединка победителями.

Леня Шершень находился в другой части этого же большого сада. Сквозь деревья он увидел на дороге «пантеру». Немцы тоже заметили его самоходку и начали поворачивать башню. Однако экипаж Лени Шершеня опередил немецких танкистов. Подожгли «пантеру», и она задымила.

Было и так: неожиданно на шоссе показались «тигры». Семь машин! Они двигались цепочкой. Танкисты, сменив позиции, укрылись, приготовились к встрече.

Когда расстояние между танками сократилось метров до 300—400, они открыли огонь по головной машине и подбили ее. Взялись было так же дружно и за вторую, но немцы поспешно отошли.

Несколько раз экипаж, которым командовал Николай Павленко, попадал под огонь немецких танков, но ребята быстро исправляли повреждения и опять кидались в бой. В последний день «тигр» сумел двумя выстрелами под-

жечь их самоходку. Из чадившей машины наводчик Милегов продолжал стрельбу, пренебрегая тем, что могут начать взрываться снаряды. Его товарищи сумели сбить пламя, спасти и себя, и машину.

В трудном положении оказался штаб Свердловской танковой бригады, зажатый со всех сторон. Он засел в глубоком подвале углового дома, лишь несколько радиостов и автоматчиков находились на поверхности среди разрушенных стен дома.

Однако прорваться дальше этого дома немецким танкистам не давал командир «тридцатьчетверки» лейтенант Григорий Чесак. Он нашел такую удобную позицию, что, не замечаемый немцами, мог появляться то в одном месте, то в другом. Отлично управлял машиной его механик-водитель старший сержант Овчинников. Да и остальные ребята — радист старший сержант Бухалов, башнер старший сержант Курбатов — в смелости не уступали своему командиру.

Гриша Чесак так рассказывал о боевых действиях в Фридриховке:

— Первый день тут у нас был спокойным. Без тревог прошла и ночь. А утром, только сели мы завтракать, вдруг на улице автоматная и пулеметная стрельба. В окно увидели, как «тридцатьчетверка», что стояла возле дома, загорелась.

Мы выскочили на улицу. Только я втиснулся в башню, как по ней, срикошетив, ударила болванка. Овчинников стал выводить машину, и тут нас немец вторым снарядом угостил. Но хорошо, что снаряд угодил под днище, у нас только кусок брони отбило.

Кричат:

— Танки идут!

Я всмотрелся: ползут по шоссе девять тяжелых танков.

Подготовили подкалиберные снаряды, отодвинули танк в укрытие и ждем. Выполз головной «тигр», и мы по нему сразу двумя подкалиберными и двумя бронебойными: по борту и по гусенице. А расстояние между нами — не больше восьмидесяти метров. «Тигр» остановился и разворачивает в нашу сторону пушку. Мы — по пушке. И перебили ее пятым снарядом. Потом — в шаро-

вую установку пулемета. В моторную часть... Он и задымил...

И быстро сами в сторону. И тут немцы открыли по нам огонь. Начисто снесли угол дома, за которым мы прятались.

Второй «тигр» показался... Остановился рядом с подбитым, выпустил несколько снарядов в упор по дому и пошел себе неторопливо дальше. Только дошел он до перекрестка, мы начали по нему стрельбу. Но в дыму я ничего не вижу: попал — не попал?

Немецкие танкисты заметили, где наша позиция, — и ударили. Дом в крошки! И в машину несколько попаданий.

Подошли еще три «тигра». И со злости — бьют и бьют по дому. От него уж только груда щебенки.

А мы от такого дела подальше уползли, вышли из зоны огня. Выскочили машину осмотреть: гусеница еле держится, ленивец треснул. Тут к нам ремонтники подошли. Взялись мы вместе срочно приводить в порядок машину.

А на улице стоят три подбитых «тигра». Немцы к своим тоже поспешили на помощь. Окружили машины, а в нашу сторону пушки развернули. Мы выждали немного, потом подошли к разрушенному дому и из-за него сделали по немцам четыре выстрела да осколочными по автоматчикам. И опять назад.

То выскочим, то скроемся. Так немцы и не смогли оттянуть свои покалеченные машины.

Ночью немцы зашли с другой стороны. Пустят ракету, пройдут метров десять и встанут. Опять ракету пускают... Кругом шум, трескотня... Трудно определить, где свои, где фрицы. Мы было выбрались на улицу. Я только хотел в обстановке разобраться. Вдруг ракета, и впереди, метрах в пятидесяти, два немецких танка, и их пушки прямо на нас наведены. Мы сразу в сторону. Еле успели уйти.

Начали «тигры» форменную охоту за нашими «тридцатьчетверками». По четыре-пять машин на одну. Я заметил такую группу охотников, пропустил три машины, а по четвертой и врезал. Она встала. Надо было еще несколько снарядов послать, а у нас, как нарочно, пушку заклинило. Пришлось сматываться. Но пушку исправили быстро. И опять на шоссе.

А свою машину вот как потеряли.

Мы ушли в укрытие. Рядом стояла другая «тридцать-четверка». Ей болванкой сорвало башню. И надо же... эта башня ударила по нашей, заклинила ее и свернула нам пушку. Мы уже через нижний люк выбирались...

...Он сидел у нас в редакции, Гриша Чесак, в потемневшей от копоти гимнастерке, пахнувший дымом, в любимой, по-своему примятой фуражечке, веселый и беспечный в эти минуты. Таким он и был нарисован художником Виктором Цигалем. Тут же, в комнате, были и остальные члены его экипажа. И радостно было сидеть с ними, слушать рассказы. Выдержали жестокие бои, и все остались живы и невредимы.

Высокий, огненно-рыжий, веселый Гриша Чесак, получивший за бои во Фридриховке звание Героя Советского Союза, отличившийся позже и во многих других боях на Украине, в Германии и Чехословакии, говорил своим ребятам:

— Я хочу прожить громко. Пусть у меня костяк трещит, но и немцу будет лихо. Мы в школе по шутке никогда не дрались, обязательно до крови. Я драк не боюсь. Дома обещал, что на войне не погибну и героем вернусь.

Он, как приказал себе, воевал геройски.

Недавно я узнал, что Герой Советского Союза Григорий Чесак и сейчас служит в танковых войсках.

В центре Фридриховки в братской могиле спят вечным сном уральцы-добровольцы, погибшие в весенних боях 1944 года на Украине...

— Я в Фридриховку с первыми танками въехал, — рассказывал мне лейтенант медицинской службы Новиков. — Надеялись мы, что тут немцы бросили склад с медикаментами. Верно, нашелся такой склад, и я принял меры для его охраны.

Вдруг в середине дня поднялась стрельба. Пушки рядом бьют. Крики на улице:

— Танки!.. Танки!..

И начался бой.

Раненые появились. А я тут единственным медиком оказался. А помощников никого. Все машины медсанбата застряли где-то в грязи — не успевали за танкистами. Ну, начал я на ходу оказывать медицинскую помощь. А раненых все больше и больше. Стрельба идет со всех сторон. Крепко жмут немцы. Появились тяжелораненые.

Что делать?

Тут вдруг подходит ко мне пожилой человек в штатском и называет себя. Говорит, что сам он врач и есть еще двое его коллег — врачи, есть и опытная медсестра. Они готовы помочь нам в уходе за ранеными. Ох, как я обрадовался! Вот их имена, запиши: врачи Петр Николаевич Абрамов, Борис Васильевич Краюхин, Петр Григорьевич Рудаков, медсестра Екатерина Яковлевна Барбелюк.

Мы выбрали с врачами дом поприличнее и поместили в нем тяжелораненых. Таких набралось двадцать два человека. Поручил их этим местным врачам. А сам занялся другими.

Но про этот госпиталь не забывал. Беспокоился, как там. Я же совершенно не знал этих людей. А они под немцем жили. Может, с бендеровцами связаны? Несколько раз наведывался туда, проверял. Видел, что все там пока в порядке.

Вечером девятого марта обстановка стала особенно тревожной. «Тигры» кругом нас обложили. Немецкие автоматчики стали тревожить, все больше и больше просачиваются к нам в тыл. На крыльцо страшно выходить — могут обстрелять.

Кто-то сообщил, что немцы прочно заняли ту окраину, где я раненых разместил. Что же сейчас с ними? От тревоги места себе найти не могу. Попытался днем пробраться туда, но не пройти.

Пошел ночью, взяв двух автоматчиков. Добрались до дома благополучно. А в доме никого. Значит, погибли наши ребята от немцев.

Как только в Фридриховке стихли бои, я сразу же опять туда.

Живы наши танкисты! Оказывается, что местные жители, когда увидели, что немцы нас одолевают, всех их попрятали по домам. Не побоялись! Так я нашел капитана Ильичева, командира батареи Юхтина, солдат Кривоноса, Гайдукова, Лобачева... Всех, всех двадцать два человека...

В одной части Фридриховки местные врачи и жители, рискуя жизнью, спасали от гитлеровцев советских воинов, а в другой части разыгралась трагедия.

О ней мне тогда же рассказал санитар Дмитрий Самойлов. Это был физически сильный человек, по профес-

сий сварщик. В танковый корпус он пришел с Уралмаш-завода.

— Раненого лейтенанта Севастьянова я нес на спине метров двести пятьдесят, — рассказывал Самойлов. — Земля вязкая, ноги разъезжаются, да и стрельба кругом. Лейтенант потерял сознание, только все стонал. Тяжело стонал... Я положил его за сараем и опять пошел к линии обороны. Там еще оставались раненые. Потащил заряжающего Нюхалева. Его ранило в руку и ногу. Пока тащил, он все просил:

— Положи, других спасай... Я отстреляюсь, одна рука еще действует...

За сараем я наскоро перевязал Нюхалева и сходил еще раз — притащил Огородникова. Тут еще лежал Бороденко, Пирожников, Брюхалов... Все из одного батальона. Плохо ребятам, но крепятся, кто может. Понимают — бой...

Смотрю — близко немецкие автоматчики замелькали. А у меня никакого оружия, нечем обороняться. Они все ближе и ближе... Винтовка валялась. Я двух автоматчиков срезал, а их десятка два. В винтовке патронов больше нет. Стал отходить, думал, что, может, наших встречу, отобьемся...

— Своими глазами видел, — тихо сказал он, помолчав, — как немцы наших добивали. Из пистолета в голову. Каждого... Утром мы их хоронили. Я смотрел на своих мертвых ребят и думал: «Лучше бы мне лежать рядом...»

Да, немцы добивали наших раненых. Не колеблясь.

Я, прошедший всю войну, свидетельствую, что не знаю ни одного случая, чтобы наши солдаты добивали раненых немцев. Раненый враг для советского воина переставал быть врагом.

Я свидетельствую, что наши солдаты не расстреливали мирных немецких жителей. А немцы наших мирных жителей расстреливали и вешали. Вешали они и женщин.

И до сих пор не могу этого понять!

Заряжающего Мавринова подобрали мертвым в саду. На лбу у него темнело пулевое пятно.

Днем в бою Мавринов струсил. Выскочил через открытую башню машины и исчез в кустах. Михалев, ра-

дист, кинулся к пушке, нажал спуск — нет выстрела. Снова зарядил — опять нет выстрела. Открыл затвор — в орудии пустая гильза торчит, заклинило ее. А немец рядом, насаждает. Пока Михалев возился с пушкой, немец и ударил сбоку по танку. Двоих убило наповал. Машина загорелась. Михалев едва успел выскочить.

После боя Михалев сидел в доме, черный, ни с кем не разговаривал. Уставился в одну точку. Точно его пришибло.

— Чего смурной? — спрашивали его товарищи.

Он покосился на них.

— Рассчитаюсь с ним:..

— С кем? — спрашивают ребята.

Молчит.

Позже мне товарищи Михалева рассказали следующее. Михалев вышел из дома и встретил Мавринова, того, что сбежал во время боя из машины. И якобы сказал ему: «Бросил машину! Товарищей предал! Из-за тебя они погибли».

Вынул пистолет и застрелил Мавринова.

Свидетелей этого дела не было, известно было все от самого Михалева.

Ребята заспорили: правда это или нет? Имел право Михалев на такой самосуд? Одни утверждали, что на это существует трибунал, он должен судить за дезертирство. Другие возражали: трибунал в таких делах после боя разбирается. А в бою все сами могут быть судьями.

Один даже так выразился:

— Молодец радист! Я тоже, не задумываясь, в труса пустил бы пулю. Он же в смерти товарищей виноват. Свою шкуру спасал. И машину погубил. Мог бы воевать, немца уничтожать.

А проверить достоверность рассказа не удалось. Вечером в бою радист Михалев погиб.

• В пути

Гнилой март... Весь месяц почти каждый день снег и снег... Какая жирная вязкая грязь! Еле вытаскиваешь ноги. Танкисты, проклиная погоду, продолжают наступать, пробиваясь раскисшими дорогами, через взбухшие

речки, все туже затягивают петлю вокруг немецких частей. Одно хорошо — мы почти не видим немецкой авиации, как, впрочем, и нашей. Погода такая, что самолеты не поднимаются с полевых аэродромов в воздух.

«Войска Первого Украинского фронта, — сообщалось в сводке Советского информбюро, — развивая наступление, вчера 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты, овладели областным центром Украины городом Каменец-Подольском — сильным опорным пунктом обороны немцев на Днестре».

Об этом фронтовом вечере у меня нет ни строчки в записной книжке. Пишу только по воспоминаниям.

То с танкистами на броне, то на попутных грузовых машинах, далеким кружным путем, мы с молодым офицером связи — старшим лейтенантом из Гусятина — весь день пробирались в освобожденный накануне Каменец-Подольск.

Вечер настиг нас в большом селе Оринино, забитом штабами и вторыми эшелонами частей и подразделений, наступающих на этом участке фронта. Тут со штабом находился и командующий 4-м танковым корпусом генерал Лелюшенко. Все улицы Оринино запружены грузовыми машинами, штабными автобусами, мощными тягачами с артиллерийскими орудиями. Каша!

Мой попутчик отправился выяснять обстановку и возможность добраться еще сегодня в Каменец-Подольск. Он скоро вернулся, чем-то явно довольный.

— Ночуем здесь, — сказал. — Дальше утром двинемся.

— Стоит ли задерживаться? — возразил я. — Ведь осталось каких-то пятнадцать километров.

— Рекомендуют до утра не трогаться, — сказал он. — Можно запросто угодить на немцев. Лучше тут задержаться. Идемте, идемте, у меня тут нашлись хорошие знакомые.

Мне хотелось скорее попасть в Каменец-Подольск. Каждый журналист знает, что его главная задача — возможно скорее передать оперативную информацию в газету. От меня ждут материалов об освобождении Ка-

менец-Подольска, а я теряю время в Оринино. С неохотой я зашагал по темному селу за попутчиком.

Мы оказались в медсанбате одной из бригад 4-й танковой армии. И тут я еще раз подсадовал на себя за то, что так легко согласился на ночевку в Оринино, не сделав попытки самостоятельно добраться до города.

Да, моего попутчика в этом медсанбате знали все — от санитаров до майора — начальника госпиталя. Но особенно хорошо знала старшего лейтенанта бойкая черноглазая медсестра. Она даже не скрывала своей радости от нежданной встречи на военном перепутье.

На своего попутчика я не мог сердиться. Дело молодое, и на войне люди остаются людьми. Да и сами их отношения свидетельствовали, что они давние и не случайные, всем отлично известные и понятные. Им даже покровительствовали. Все извинительно... Но какого же я свалил дурака! Да и мой попутчик хорош — мог мне сказать все прямо и честно. Не выдумывать иных причин.

Но, дело было сделано, и мы со старшим лейтенантом начали приводить себя в порядок после длинного пути: умываться, бриться, подшивать чистые подворотнички к гимнастеркам. А в медсанбате, занявшем просторный городского типа дом, было оживление.

Оказывается, ведущему хирургу в тот день исполнилось пятьдесят лет. Это событие, благо позволяла обстановка, решили отметить праздничным ужином всего личного состава медсанбата.

Длинный стол был богат не закусками, а улыбками и радостным выражением на лицах всех, кто занял за ним места. Выставлены были все личные продукты армейского пайка. Женщины сумели состряпать какие-то пирожки. Стояло несколько бутылок разведенного спирта. Для иллюзии его чем-то ярко подкрасили.

Виновнику праздничного ужина пришлось выслушать немало сердечных поздравлений и шутливых тостов. Звенели стаканы, звучали песни, начались танцы. Веселье было тем полнокровнее, что оно удавалось редко, и все помнили, что сегодняшней вечер — это только краткая передышка среди тяжелых военных будней.

Мы выпили и за наши военные успехи и за последнюю победу танкистов — освобождения от гитлеровцев Каменец-Подольска.

— А в Берлин мы придем! — сказал кто-то.

Напротив меня сидели молодые врачи — он и она. Оба были так заняты собой, что временами переставали замечать соседей, выключались из общего праздника, словно оказывались наедине в этой большой шумной комнате. Мне запомнилась она — с высокой коронкой черных волос и безудержным сиянием счастливых темных глаз. За весь вечер они не расстались ни на минуту, и все словно оберегали их молодое чувство.

Мой спутник сказал о них:

— Муж и жена. Здесь познакомились, здесь и поженились. Она готовится стать матерью. Послезавтра, как только дороги станут свободными от немцев, домой выезжает. Демобилизуют ее. Война для нее закончилась.

На рассвете мы со старшим лейтенантом на попутной машине поехали в Каменец-Подольск.

• *В осаде*

Я въехал в Каменец-Подольск утром на броне «тридцатьчетверки» через Турецкий красивый мост, мимо старинной крепости. Самое сильное первое впечатление произвел не сам город, опоясанный реками Смотрич и Мукша, с высокими обрывистыми берегами, где на высокой башне ратуши полоскалось на легком ветру Красное знамя освобождения, а вид улиц центра.

Все они были забиты немецкими машинами, как сплавная река бревнами. Во всю длину улиц. В несколько рядов. В иных местах не было никакого прохода, и, для того чтобы с одной стороны попасть на другую, приходилось пробираться согнувшись, как при переходе по железнодорожным путям под поездными составами. Здесь были самые различные машины: огромные многотонные грузовики с литой резиной на колесах, юркие гусеничные вездеходики, походные радиостанции, автобусы, ремонтные летучки, почтовые, санитарные, легковые, от маленьких и скромных опель-кадетов до представительных опель-адмиралов, продуктовые фургоны, вещевые... Более пяти тысяч целеньких автомашин... В них было все — от ящиков с железными крестами для массовой раздачи солдатам и портативных пишущих

машинок в заводской упаковке до мешков с солдатскими письмами и ящиков с офицерскими пистолетами.

Уральцы, зайдя глубоко в тыл противника, перерезав пути отхода гитлеровцев, овладели Каменец-Подольском и накрыли тут тылы немецких армий, откатывавшихся под натиском частей Первого Украинского фронта от Проскурова к переправам на Днестре.

Впечатляюще!.. Вот как драпали немцы!

Редакцию нашего «Добровольца» я нашел в трехэтажном кирпичном доме городской типографии над обрывом. Газетчики ходили ошалевшие от множества наборных касс, всякого типографского имущества, линотипов, печатных машин, запасов печатной бумаги. Всему этому они стали неожиданными хозяевами.

Выпустив очередной номер газеты — не обычный маленький листочек, а большой газетный лист размером в полосу «Правды», они готовили такую же большую газету для жителей освобожденного Каменец-Подольска. Это был их подарок жителям города, которые давно не видели советских газет.

Первый областной город, освобожденный уральскими танкистами, уральскими добровольцами! Настоящий большой город!

Весь день я провел на ногах в хождениях по городу, продолжая изумляться количеству захваченных богатых трофеев и записывая рассказы участников боев. Я встретил тут и тех, что недавно приняли участие в трудных поединках с «тиграми» и «пантерами» в Фридриховке, танкистов В. Маркова, Н. Вертелецкого, Д. Абрамова, Г. Чесака.

Вечером в редакции «Добровольца» я приводил в порядок свои записи.

Ужинали мы по-царски, отказавшись от армейской кухни, только трофейными продуктами. Передовые части пользуются трофеями, пока до них не дотянулись загребущие руки интендантов. Это неписаное право никто не оспаривал. «Добровольцу» полагалось двигаться в тыловых эшелонах, но раз он оказался с самыми передовыми частями, то, следовательно, имел право на трофеи. На столе были продукты и вина многих европейских стран, захваченных Германией. Разнообразные консервы пестрели яркими этикетками, бутылки были самых причудливых форм. Ничего немецкого, кроме се-

роватого хлеба в прозрачной целлофановой упаковке, якобы не черствеющего и десять дней. Он часто в последнее время попадался нам и казался всегда одинакового неприятного вкуса. Мы пользовались им только в случаях крайней нужды.

За праздничным столом с нами сидели типографские рабочие, которые помогали набирать и выпускать очередной номер «Добровольца» и газету для горожан. Это были в большинстве пожилые люди с бледными, истощенными от длительной голодовки лицами.

У меня сохранился случайно список тех, кто помогал нам выпускать газету. Вот он, метранпажи — Чесновский Петр, Чесновский Павел; наборщики — Юркевич, Скамский И. М., Рарицкий, Сиваковский, Чесновский Игорь, Томашевский, Скамский Анатолий, Булатов; печатники — Пузинюк, Боль, Ружицкий, Петрунин, Яновский В., Яновский Б., переплетчик Маринчук и ночной дежурный Яворский.

А ранним утром я, взглянув в последний раз на улицы, забитые захваченными машинами, где уже распоряжались неприступные работники интендантской службы, двинулся в далекий путь в поисках армейской газеты «За честь Родины».

На Турецком мосту мне удалось устроиться на попутную грузовую машину. Я забрался в кузов, где кроме меня сидели еще два офицера, и сел, привалившись спиной к стенке кабины.

Мы не проехали и пяти километров, еще виднелись белые дома города и особенно хорошо темная сурово-строгая крепость, как машина резко затормозила. Послышались возбужденные голоса.

— Немцы! — крикнул кто-то достаточно убедительно. — Быстрее из машины...

Нас вмиг выбросило из кузова.

Дорога в этом месте полого шла на подъем. На гребне ее, на фоне серого неба, не далее как в километре, на наших глазах развертывался «тигр». Мы даже увидели, что его пушка уже приспускалась к земле, выискивая верную цель.

Выстрел «тигра» раздался в тот момент, когда лихой наш шофер хладнокровно и резко крутанул машину вправо, срываясь с шоссе на пашню, и погнал ее по полю вниз к реке. Над шоссе с опозданием в

доли секунды просвистела болванка, пущенная «тигром».

Мы ползли по пашне, взмокшие от пережитого, к солдатам, сидевшим в окопчике, торопясь убраться поскорее от шоссе и оказаться вне зоны огня немецкого танка.

Солдаты неторопливо устанавливали пулемет.

— Откуда тут немцы? — удивился один из офицеров, ехавших с нами в машине.

— Не доложили еще, — иронически сказал ближний солдат. — Взяли и появились... В гости напрашиваются...

Значит, мне сейчас не пробиться вперед, надо возвращаться в город. Где ползком по вязкой земле, где перебежками, я торопливо, прислушиваясь к разгорающемуся сзади бою, двинулся в обратный путь к Каменец-Подольску.

Часа через два я опять очутился в кирпичном здании типографии, где разместилась редакция. Товарищи встретили меня сочувственно.

— Не нашел попутных машин? — спросили меня.

— Ребята, — сказал я, — немцы вышли на шоссе! У Турецкого моста наши готовят линию обороны. Минируют подходы. В Оринино не попасть. Вот и вернулся...

— Разыгрывай, — сказал Сережа Александров. — Просто понравилось у нас, вот и воротился. Ну и хорошо! Помоги сделать номер. Что у тебя есть? О чем можешь написать?

— Не верите? — разозлился я. — Думаете, разыгрываю? Немцы рядом!

Все же мне не поверили.

— Не кипятись, — посоветовал Сережа Александров. — Обед у нас готов. Заправимся и сядем писать.

К сожалению, я говорил правду.

Это подтвердили артиллерийские снаряды, которые начали рваться на улицах города. Один снаряд, словно для убедительности, разорвался на площади перед зданием типографии. Немцы усердно били и по ратуше, видной нам из окна, на башне которой развевалось Красное знамя. Несколькими выстрелами им удалось попасть в башню. Знамя рухнуло. Однако вскоре оно опять заплескало над городом.

Обстановка стремительно ухудшалась. Снаряды все гуще ложились на улицах, сейчас совершенно опустевших. На город наступали значительные немецкие силы

из числа тех, что отходили на Днестр от Проскурова. Они рвались в город, который стоял перед ними заслоном на путях отступления через перегравы на Днестре.

Ночью мы сидели в подвале типографии, готовя очередную номер газеты.

С нами был поэт Михаил Львов. Он недавно приехал в гости к челябинским танкистам в составе делегации трудящихся столицы Южного Урала, с подарками каждому экипажу. По сравнению с нами, армейскими журналистами, Михаил Львов занимал независимое положение, мог в любое время приехать на фронт и в любое время вернуться домой в Челябинск. Запросто заходил он к генералам и старшим начальникам, которые для нас порой оставались недосягаемыми. Выглядел поэт полувоенным и полуштатским в воинской форме, но без погон и звездочек, вооруженный трофейным пистолетом, подаренным ему танкистами.

Парень он был добрый, и мы радовались каждому его приезду к нам.

В эту ночь в подвале типографии, когда уральцы оказались в засаде, Михаил Львов читал нам свои новые стихи.

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленною кожей
И танк уральский в пепле тоже
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, иль сгореть.

Мы помнили недавно взятый уральцами красивый городок Скалат, помнили и гребень, где стояли друг против друга две сгоревшие машины — «тигр» и наша «тридцатьчетверка». Всем нравилось выражение «танковый характер», которое с чьей-то легкой руки частое употреблялось уральцами. Нам нравились крепкие стихи Михаила Львова о мужестве солдат.

Он продолжал читать под продолжающийся артиллерийский обстрел города, рядом шумела печатная машина, выдавая лист за листом свежий номер газеты «Доброволец».

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрём,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем...

Поздно ночью мы вышли из подвала на улицу. Даже в темноте заметно чернела тяжелая громада Турецкой крепости. Вокруг города кипел бой, сверкали огни выстрелов. Мы были в осаде.

Так я застрял на дни осады в Каменец-Подольске и включился в работу «Добровольца».

Днем я добрался до главного оборонительного рубежа.

Местность тут была открытая и хорошо просматривалась в стереотрубу. Отходящие гитлеровские соединения двигались, словно не замечая Каменец-Подольска, своим путем. Войсковые колонны сворачивали влево с шоссе и окунались в бездорожье. Часть за частью, самые различные рода войск.

Танкисты молча смотрели, как безнаказанно уходят немцы. Они были бессильны помешать их отходу. Танки стояли без горючего, на каждой машине имелось не более трех-пяти снарядов, которые берегли на самый крайний случай.

До утра танкисты отразили несколько немецких атак. Те полагали, что смогут врасплох, к тому же ночью, овладеть городом. Но не вышло. Сейчас танкисты ждали новую атаку и готовились к ней.

Комбат майор Никонов, в серой барашковой шапке, в черном, наверное, трофейном кожане, с левой рукой на перевязи, быстро рисовал схему обороны. Возле него стоял красивый с большими девичьими глазами лейтенант Володя Марков, командир танковой роты.

— Понял, как расставить пулеметы? — сказал ему Никонов, протягивая схему. — Берегите патроны, подпускайте противника на верную убойность и только тогда открывайте огонь.

Он отпустил Маркова и повернулся ко мне злым лицом.

— В пехоту перешли, — сказал он. — Боимся лишний разок выстрелить. Пулеметы с машин снимали. Вот так и держим оборону... Не пустим немцев в город...

По всему широкому полю виднелись наши солдаты, вкопавшиеся в землю. Жидкая цепочка, которую, казалось, легко разорвать.

Мы лежали рядом с Никоновым на земле, покрытой пятнами бурого снега, и ждали немецкой атаки.

И вот началось...

После короткой артиллерийской подготовки в атаку поднялась густая цепь немцев. Солдаты тяжело побежали по открытому полю, строча из автоматов, прижатых к животам. Серые фигурки то падали, то вновь вскакивали, и все приближались к нашей выдвинутой за дома линии обороны.

Слева от нас, у крайней мазанки, прижавшись к стене, стояла 76-миллиметровая пушка. Она начала гулкую стрельбу по противнику. От разрывов домик вздрагивал. С крыши, стеклянно звеня, сыпалась черепица.

Я почему-то не мог отвести глаз от этой крыши, следя, как она постепенно обнажается. Вот опять грохнула пушка, и снова, звеня, летят с крыши красные кусочки.

— Смотри! — подтолкнул меня Никонов.

Немцы наступают. На всем поле им навстречу поднимаются наши солдаты. С флангов по атакующим ударяют пулеметы. Заминка, и вот уже немцы поворачивают, бегут назад. Атака противника захлебнулась.

Пушка все еще продолжает стрелять, но не слышно больше стеклянного звона. Я посмотрел на дом. На голой крыше только деревянные перекрытия, словно ребра коня.

В этом ночном бою восемнадцатилетний автоматчик Костя Верховых связкой гранат подбил «тигра». В единоборстве с хваленым немецким танком советский боец вышел победителем.

— Подумайте только, — сказал восхищенно командир Свердловской танковой бригады полковник Жуков, — парня от земли не видать, а такого зверя сумел уложить!

Даже его, выдавшего на войне всякое, поразил этот подвиг.

Костю Верховых я знал. Он пришел к нам с пополнением еще в Брянских лесах. Это были парнишки 1925 года рождения. Мальчишки! Слабосильные, худые после скудного тылового питания. К ним относились отечески, даже «сынками» звали.

Полковнику Жукову Костя Верховых запомнился с того самого дня, когда он, услышав во дворе пронзительный детский крик и лай хозяйской собаки, выскочил на крыльцо и увидел плачущего маленького солдата. Прижавшись спиной к низенькому забору, тот отбивался ногой от злобного пса, рвавшего полу его шинели.

— Вои как шинель порвала, — пожаловался солдат тонким голоском, когда хозяева отогнали собаку, вытирая при этом слезы на глазах. — Вам пакет, — добавил он, совсем не по-уставному, вручая полковнику донесение своего комбата.

Распечатывая пакет, сдерживая улыбку, полковник нарочито строго спросил:

— Как тебя зовут?

— Константин Николаевич Верховых.

— Откуда ты к нам попал?

— Доброволец я, курганский.

— Стрелять из автомата научился?

— Умею, — ответил, обиженно хмурясь, Верховых, уловив нотку иронии в словах полковника. — Я пулемет знаю и гранату.

— Значит, готов немцев бить?

Верховых, посмотрев в сторону все еще не успокоившегося пса, переступил с ноги, еще больше нахмурился и опустил глаза. Потом тихо сказал:

— Вот начнутся бои — увидите...

Готовясь к боям, уральцы ежедневно выходили на военные учения. Автоматчиков учили действовать в условиях лесной и пересеченной местности, в танковых десантах, когда надо на ходу покидать машины, учили отражению атак противника, умелому обращению с нашими и трофейными гранатами.

Полковник, запомнивший Костю Верховых по первой встрече, часто встречал его на учениях и невольно наблюдал за ним. Все, что Верховых делал, он делал с особым старанием, какое бывает у подростков, увлеченных новым и интересным для них занятием. Он хотел стать хорошим солдатом.

— Как дела, сынок? — не удержался однажды полковник.

— Хорошо! — готовно ответил Верховых, и по его цветущему веснушками лицу расплылась широкая, довольная улыбка, и было видно, что дела у него идут, действительно, хорошо.

В марте на Украине уральцы вступили в новые бои. Танкисты, преследуя гитлеровцев, с хода ворвались в Фридриховку и овладели ею. Я об этом уже рассказывал. Полковник Жуков приехал в поселок, где еще слышалась стрельба автоматчиков, засевших в отдельных домах. Слезая с машины, увидел бегущего к нему маленького автоматчика в замызганной шинели, с грязным лицом.

Солдат подбежал к машине и остановился, вытянувшись, держа у пилотки руку, тяжело дыша. Только теперь полковник узнал бойца Верховых.

— Товарищ полковник, я сегодня девять немцев подстрелил, — доложил Верховых, сияя круглыми глазами.

— Молодец, сынок! — похвалил полковник. — Иди добивай десятого.

Верховых круто повернулся и побежал в сторону домов, где слышалась особенно сильная стрельба. Полковник же о нем моментально забыл.

То были для Кости Верховых первые бои, он только обстреливался. Но как! По-мальчишески. Война для него была словно игра.

Семь дней и ночей отбивались во Фридриховке уральские танкисты.

Горстка наших автоматчиков засела перед МТС. У солдат кончились патроны к ППШ, не осталось и наших гранат. Но у всех появились немецкие автоматы и трофейные гранаты на длинных деревянных ручках. Пополнять запасы трофейными патронами и гранатами солдаты уходили по очереди на вокзал во Фридриховку. Там на путях стояли эшелоны с немецкими боеприпасами.

Эти автоматчики не пропускали во Фридриховку немцев со стороны МТС. Если же тяжелым танкам и удавалось пройти сквозь хрупкий заслон, то уж немецким автоматчикам тут прохода не было. Они решительно отсекались от танков. Бои шли непрерывные. В один из дней автоматчики отразили шесть сильных немецких прорывов.

Полковник Жуков расположил свой штаб в центре Фридриховки в глубоком подвале каменного дома. О беспримерной стойкости группы автоматчиков Жукову доложили в тот момент, когда он слушал сбивчивое объяснение танкиста, проявившего нерешительность в бою и покинувшего свою машину, в которой кончилось горючее.

— Известно, кто в этой группе? — спросил полковник.

— Сержант Ибрагимов, бойцы Ковалев, Верховых...

— Верховых? Сынок? — удивился полковник. — Вы знаете Костю Верховых? — спросил он, мрачно разглядывая рослого танкиста. — Это почти мальчик. Вот у кого вам, опытному офицеру, надо учиться мужеству и храбрости. Идите! — резко приказал он. — И искупайте свою вину в боях.

К исходу седьмого дня боев в Фридриховке на помощь уральским танкистам подошли крупные пехотные части и разорвали кольцо окружения.

Костю Верховых полковник увидел на улице. Автоматчики усаживались на броню танка, и два солдата помогали маленькому Верховых взобраться на машину. Костя Верховых увидел полковника и почему-то отвернулся.

— Боец Верховых! — позвал его полковник.

Верховых неловко спрыгнул с машины и подошел к полковнику.

Вид у него был подавленный.

— Что с тобой? — спросил Жуков.

— Немцы Чибирева убили, — тихо доложил Верховых, и на его маленьком лице, покрытом юношеским пушком, появилось суровое незнакомое выражение.

— Надо отомстить за товарища, — сказал полковник.

— Отомщу, — ответил Верховых.

Те, что в Фридриховке были рядом с Верховых, рассказывали, что он вел себя всех храбрее. Ближе всех

лежал он к шоссе, и товарищи уступали ему гранаты, которые он умело и ловко швырял в немцев.

У Кости выработался свой прием боя. Он выползал из траншеи поближе к немцам и, чуть приподнявшись, маленький, юркий, швырял гранаты и быстро отползал в укрытие.

Он даже научился, заметив замедленное действие трофейных гранат, вырвав фарфоровое кольцо, задержать гранату на несколько секунд в руке, чтобы, упав среди гитлеровцев, она взрывалась мгновенно.

— А ведь шутили, маленький, как воевать будет? Испугается, когда немца увидит...— говорили о Верховых.

...В ту ночь в Каменец-Подольске Костя Верховых лежал в ровике и слышал знакомый ему воющий гул мотора «тигра». Солдат находился от немецкого танка не больше чем в пятнадцати метрах, и после каждого выстрела вспышка света ослепляла его.

И вдруг, безотчетно, сам хорошенько не зная, на что решается, Верховых быстро пополз к танку. Он приблизился к нему вплотную, положил возле самой гусеницы связку гранат и еще быстрее пополз обратно к своему ровику.

«Тигр» двинулся, когда Верховых уже был в укрытии. Набирая обороты, завыл мотор, железно звякнули гусеницы. Потом оглушительно грохнуло, воздушной волной Костю приподняло и с силой ударило о землю. Как наши солдаты расстреливали танкистов, пытавшихся в темноте скрыться, как брали в плен водителя «тигра», он не видел и не слышал.

Забегая в рассказе вперед.

Дней десять спустя после боев в Каменец-Подольске я был свидетелем вручения полковником Жуковым наград отличившимся офицерам и солдатам. Левофланговым, как обычно, стоял Костя Верховых.

Вручая Косте Верховых орден Красной Звезды, полковник растроганно улыбнулся и, нарушая обычную форму поздравления с наградой, спросил:

— Сколько же, сынок, на твоём счету немцев?

— Двадцать два солдата, три офицера и танк Т-VI,— строго ответил Костя Верховых.

Все стоявшие в строю заулыбались. Маленький и храбрый был солдат.

«В боях за Каменец-Подольск,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро 28 марта,— наши войска разгромили штаб 16-й немецкой танковой дивизии и взяли в плен до 2.000 солдат и офицеров противника. Захвачено у немцев 50 орудий, около 4.000 автомашин, 250 мотоциклов, 10 складов с военным имуществом и много других трофеев».

А мы оставались в осаде.

Вот несколько дневниковых записей тех дней.

«...С каждым получасом обстановка все более ухудшается. Я видел, как поспешно собирались танковые десанты и уходили в бой. Противник вплотную подошел к городу и обстреливает его из орудий. Из окна школы видно шоссе с крутым поворотом. Заметны перебежки немецких автоматчиков, видны два орудия, ведущие стрельбу по окраинным улицам.

...Немцы вплотную подошли к Турецкому мосту. «Катюши» бьют по ним прямой наводкой.

...Из рабочих типографии создали вооруженный отряд самообороны из двадцати человек. Раздали им оружие, перевели на казарменное положение. Они несут охрану типографии и выпускают газету для горожан «Красный кордон».

...Ночью не спали. Танкисты отражали одну атаку за другой. Стихло только под утро, тогда и забылись коротким сном.

...Сейчас идет артиллерийская стрельба. У нас в типографии звенят стекла в окнах. Слышен гул самолетов и разрывы авиабомб.

...Город продолжают обтекать немецкие отходящие части. Рассказывают, по показаниям пленных, что уже прошли 6 пехотных и 2 танковые дивизии. Колонны проходят так близко, что их видно невооруженным глазом. Каждую ночь горят соседние деревни.

...На что мы можем рассчитывать? Связь с армией никак не могут установить. Ходят слухи, что Скалат занят немцами. Где-то рядом наступают наши части, но мы о них ничего не знаем. Комбату Пермской бригады Денисову дано задание пробиться в Каменец-Подольск. Он от нас в сорока километрах. Но как он пройдет?

...Артиллерийский снаряд упал перед самым зданием

типографии: одного солдата убило, четверых ранило. В течение дня немцы несколько раз начинали активный артобстрел. В ратушу попало четыре снаряда. Знамя над ней продолжает развеиваться.

...Опять появились немецкие самолеты, обстреливали из пулеметов. На улице раздался крик:

— Парашют!.. Парашютисты!..

Мы схватили винтовки и выскочили на улицу.

Спустя час этих немецких парашютистов провели мимо типографии в штаб. Они оказались летчиками, покинувшими подбитую машину.

...Самые напряженные бои идут возле Турецкого моста. Вчера «тигры» вышли на возвышенность. Они получили возможность простреливать всю местность. «Тигры» спустились к переправе, но дальше не пошли, видимо, разведали, что все тут густо заминировано.

Этот участок держит Челябинская танковая бригада. На остатки нашего батальона в 75 человек наступало более 400 немцев, с семью танками. Батальоном командовал капитан Приходько. Автоматчики держались стойко и храбро. Они выдержали трехчасовой бой и сумели, понеся небольшие потери, выйдя из-под огня и занять новый рубеж обороны».

У нас проходила особенно тревожная ночь. Все ждали решительной атаки немцев. Казалось, что все ресурсы обороны исчерпаны. У танкистов кончались последние снаряды. К обороне привлекли и мужское население города. Но смогут ли сдержать натиск необученные и необстрелянные люди, вооруженные разномастным трофейным оружием? Многие из них вообще-то держали оружие в руках впервые...

Из штабных офицеров всех подразделений сформировали сводную роту резерва, чтобы бросить на тот участок, где немцам удастся прорваться в город. В нее включили и всех нас, журналистов.

У дома, где разместился штаб корпуса, надрывно гудел движок походной автобусной радиостанции. Радисты пытались соединиться со штабом армии и выяснить общую обстановку. (Позже мы узнали, что и штаб 4-й танковой армии в эту ночь переживал такие же трудные часы. На него в Ориино обрушились крупные силы

противника. В селе защищался каждый дом. В последнюю контратаку против гитлеровцев вступили автоматчики личной охраны командующего и все штабные офицеры.)

В одной из комнат штаба корпуса допрашивали немецкого обер-лейтенанта, только что захваченного разведчиками-танкистами. На столе валялись ордена немецкого офицера, его личные документы, семейные фотографии, деньги, расческа и всякие другие мелкие вещи.

Он стоял навтыжку перед нашими офицерами, по военному кратко и точно отвечал на все вопросы. Костистое лицо, холодные равнодушные глаза, ровный голос. Его часть отступала пять сутки по бездорожью, неотступно преследуемая советскими частями. Он рассказывал, что большую часть орудий они уже бросили. К переправам движутся отдельные, никем не управляемые, небоеспособные подразделения. Все больше отстает солдат, вероятно, попадающих в плен. А тут еще на пути отступления Каменец-Подольск, оказавшийся в руках значительной группы советских войск. Они слышали, что советские танкисты прорвались еще дальше в тыл, но не подозревали, что перекрыты дороги отхода на Днестр.

— Мы бежим,— горько сказал немец.— Все торопятся к переправам. Боятся попасть в плен... Как крысы бежим и бежим...

...Начинало светать. Пошел мягкий весенний снег. Наступила непонятная пугающая тишина. Даже винтовочная стрельба затихла.

Я пошел в редакцию.

Но что это? Я невольно остановился.

Из-за угла вывернулась обыкновенная армейская пешотная повозка. Серый конь, с заляпанным грязью брюхом, подвязанным хвостом, шагал, неторопливо переставляя ноги, оставляя черные следы на нетронutom снегу. Шины колес наматывали снег. На повозке, с аккуратно увязанным армейским имуществом, сидел пожилой усатый солдат, занятый странным делом. Он разрывал маленький пакетик, запускал в него толстый палец и, попробовав что-то на язык, отбрасывал пакетик и брался за следующий. Этих немецких пакетиков со смесью для шипучей воды возле него лежала на брезенте порядочная грудка.

Повозка этого дядьки возглавляла длинный, растянувшийся обоз. Лошади шли лениво, встряхивая головами, бренчала упряжь, звенели на мостовой ободья колес. Повозочные сидели сонные, равнодушные ко всему на свете.

Дивное зрелище! Но откуда же они взялись?

— Солдат! — окликнул я повозочного. — Откуда вы?

— Та из Проскурова, — спокойно сообщил он и в свою очередь поинтересовался: — Шо это? Каменец?

— Каменец, Каменец... Много ли вас?

— Вся армия... Немец далеко?

В город входила царица полей — пехота.

Так кончилась осада Каменец-Подольска.

В тот же день я встретил командира танкового взвода лейтенанта Михаила Радугина, светловолосого, широкоплечего, удивительно славного парня-богатыря.

— Соединились, — сказал он весело. — Все дни в отрыве от своих восвали. Знаешь, что с нами было? Слушай...

...Его послали в разведку к Днестру. Задача — найти немецкие переправы и, заняв к ним подступы, ждать подхода батальона.

Первую часть задачи он выполнил быстро.

Танковый взвод вошел в пустую деревню на берегу Днестра, обнаружил небольшую группу немецких саперов и без всякого труда разогнал ее. Провели повнимательнее разведку: все тихо, спокойно. Противника нет: можно после марша отдохнуть. Тишина такая стоит, будто и нет войны.

Зашли в одну хату — грязно, в другую — тесно, полно детишек, повернуться нигде, в третьей — старик лежит больной.

Еще в один дом зашли. Чисто, просторно. Но встретили как-то странно. Хозяева держались настороженно, от разговоров уклонялись. На печи лежали две девушки. Танкистов удивило, что и они вроде их испугались. Приглашают к столу — отказываются. Разговаривают — те больше отмалчиваются.

Танкисты расположились за столом ужинать.

А уже вечерело.

Вдруг Радугину доложили:

— Во дворе немца нашли. В хлеву прятался...

Вводят... Молодой немец, высокий, ростом с Радугина. Капитан, с орденами.

Стали допрашивать. По немецкому языку Радугин в школе получал хорошие отметки, на войне это пригодилось.

Оказалось, немецкий капитан — командир саперной группы. Должен был подготовить тут запасную переправу, да мы это дело сорвали.

— Немец стоит, а мы решаем, как с ним распорядиться. Все, что нужно нам было узнать, он рассказал. Вроде он больше и не нужен, — рассказывает Радугин. — А на печке возня поднялась. Одна из девушек бьется в истерику, а вторая ее успокаивает. Немец взглянет на печь быстро и опять глаза вниз. Бледный...

Подозрительно нам стало. Вызвали хозяев.

— Кто на печи? Дочери?

Хозяин, пожилой дядька, помялся и говорит:

— Немецкая супруга.

Как? Русская девушка — и супруга немецкого капитана?

Оказалось, одна из девушек вроде замужем за этим немецким капитаном, вторая — ее подруга, тоже с офицером жила. И обе наладились бежать с немцами от своих в Германию.

Нас просто по сердцу ударило.

Немца увели...

Наши советские девушки, и нас врагу предали. Мы с гитлеровцами бои за Родину ведем, они же с немцами в постели легли. А теперь бегут, шкуры, боятся расплаты за свою измену. Советских воинов за врагов считают.

А сколько у нас в корпусе девчат, которые дом, родной Урал оставили, пошли вместе с танкистами бить врага. Помнишь, была Женя Сафронова. На Орловщине погибла с нашими танкистами в машине? На всех фронтах сотни наших девушек вместе с солдатами воюют с фашистами. А эти сучки к немцам приткнулись.

Чего достойны такие шкуры? Родину предали, наш народ предали! Кто-то из наших возьми и ляпни:

— Чего тут думать? В Днестр их спустить. Пусть рыбу кормят.

А те притихли, не шелохнутся, к нашим разговорам прислушиваются.

Вышли мы из хаты, обстановку проверить. Кругом тихо. Ребята возле машин прикурнули, только часовые службы несут.

Вернулись... Слышим, одна из девушек громко стонет, а вторая плачет. Мы с фонариком к печи. Там — кровь.

Они резаться решили. Лезвием безопасной бритвы. Одна себе всю руку изрезала, а вторая не решилась. Да и у той, не очень много воли нашлось, только руку исполосовала, а до жилы не добралась.

Ушли мы в другой дом. Не захотели в этом оставаться.

Про тех «овчарок» и забыли. Что с ними — не знаю.

Ребята мне потом пеняли. Слабым, дескать, оказался. Кто они? Предательницы! Какой им приговор может быть? Один... Смерть... За измену... Да только одно дело убить немца. Тут у меня рука не дрогнет. А вот на девушек рука не поднялась... Пусть сами свою судьбу решают... Горькой она у них будет. Для них может жизнь хуже смерти...

Я возвращался в редакцию армейской газеты через Оринино. Всюду следы боя — разбитые орудия, сожженные танки, разрушенные и сгоревшие дома. Недавно здесь снова были немцы.

Возле дома, где мы ночевали с лейтенантом у медиков, толпились солдаты.

Я вошел во двор бывшего госпиталя.

У каменной стены сарая лежали расстрелянные. Мужчины и женщины. Среди них я узнал хирурга, юбилей которого мы встречали в тот вечер.

Увидел среди мертвых и других... Лежала девушка, ради которой задержался в Оринино старший лейтенант. И рядом были те два молодых врача — муж и жена. Не двое их было, а трое. Ведь под сердцем у нее несколько дней тому назад билось сердце ребенка.

«Войска Первого Украинского фронта, — сообщалось в оперативной сводке за 30 марта, — развивая наступление, форсировали реку Прут и штурмом овладели областным городом Украины — Черновицы, важным хо-

зайисто-политическим центром северной Буковины и мощным опорным пунктом обороны немцев на реке Прут, прикрывавшим подступы к границам Венгрии и Румынии».

• Земля

в

цвету

Мы почти не выходим из тяжелых боев.

Немцы, отброшенные на многих участках далеко от Днепра к границам нашей страны, зацепившись на подготовленных оборонительных рубежах, предпринимают против нас яростные атаки. Что это? Попытки прощупать силы Советской Армии? Наверное, не больше. Для активного наступления у противника возможностей явно нет. Отступая, немцы измотались больше, чем мы, наступая и преследуя их. В весенних боях на Украине мы показали явное свое преимущество. Кажется, что солдаты, воодушевленные победами, могли бы не только подавлять эти контратаки, но и продвигаться дальше, силенки и боевого духа у них хватит.

Однако движение фронтовых соединений замедляется. Фронт постепенно останавливается. Идут бои силами роты, батальона, реже полка. Где-то наши солдаты закрепляют выгодные для нас высоты, где-то отжимают противника от водного рубежа, где-то захватывают важные узлы шоссейных дорог и узловые станции железных дорог. В оперативных сводках эти сражения называются боями местного значения.

С затухающими боями кончаются и паскудные пасмурные дни.

И теперь вдруг сразу весна! Жаркое украинское солнце, ясные дни, южные таинственные ночи.

Однажды на маршевом спокойном движении колонн боевых машин по шоссе мы с брони танков увидели полыхающее маками обширное поле. Разом смолкли разговоры. Солдаты сидели на броне и безмолвно смотрели

на цветущую землю. Они привыкли видеть ее только как поле боя, высматривать высоты, которые надо одолеть, ложбинки и овраги, где можно укрыться от свинцового огня противника. Теперь заново они увидели ту землю, которая рождает жизнь. Солнце пробудило семена, и крохотные зародыши зелеными иголочками вытянулись из тьмы, поднялись стебельками и покрыли землю яркими цветами. Миллионы растений на одном этом поле утверждали свое право на жизнь.

Танкисты разбили свой палаточный городок в дубовом лесу.

Поднималась кругом трава, красочно пестрели солнечные поляны. Молодые дубовые листья сверкали яркой зеленью. Танкист, вглядываясь в лесную дубраву, сказал:

— Люблю дуб... Сильное дерево... Смотри, на нижних ветках развернулись листья, а на вершинах почки только еще лопнули. Постепенно дуб силу набирает. Позже всех просыпается, но позже всех и листву сбрасывает. Бывает, осенью все деревья стоят голые, всю листву посбрасывали, а дубы еще ни одного листа не потеряли и кострами горят...

Но работа солдата для войны продолжалась и в эти дни затишья. Танкисты приводили в порядок боевые машины, выходили на офицерские и солдатские занятия, учились действовать в условиях пересеченной и лесной местности, дотошно изучали карты тех районов, в которых им возможно скоро придется воевать.

• Жду тебя!

Я должен рассказать об этом письме, полученном с Урала.

В боях под Киевом сержанта Ворыгина, механика-водителя «тридцатьчетверки», парня из Нижнего Тагила, ранило в четвертый раз. В госпитале, после лечения, ему предложили для поправки двухнедельный отпуск, но танкист отказался от поездки домой. Его направили в Уральский добровольческий корпус.

Так Ворыгин неожиданно оказался среди земляков в экипаже лейтенанта Владимира Улина. Они быстро, как бывает на фронте, сдружились. Ворыгин гордился тем, что он уралец, из города, где еще в петровские времена ставились первые металлургические заводы. В роду Ворыгиных все были металлургами, и сам он успел постоять с отцом у горна доменной печи. Собирался пойти в институт, но началась война. Его командир Владимир Улин родился и вырос в маленьком городке Касли на Южном Урале. Городок этот знаменит не меньше Нижнего Тагила. Славу ему принесли необыкновенные мастера чугунного художественного литья.

В бою за деревню Лясковце их «тридцатьчетверка» была подбита из засады «тигром». Погибли заряжающий и командир машины лейтенант Владимир Улин.

Ворыгин пришел в редакцию и сказал:

— Мне Володя перед последним боем завещал: если он погибнет, то я должен ответить на письмо, которое ему должно прийти из Каслей. Вот оно и пришло... Посмотрите. Может, его напечатать можно?

И он протянул конверт с письмом.

Вот что я прочитал:

«Добрый день, мой милый Володя!

Володенька, родной мой, что с тобой случилось? Почему от тебя нет писем? Мама тоже сильно беспокоится. Мне хоть и тяжело твое молчание, но маму успокаиваю тем, что почта плохо работает. Но сама этому не верю.

Сокол мой, я гоню дурные мысли. Наверное, ты очень занят. Милый, я не хочу от тебя многого. Пиши два слова, но чаще, и я буду знать, что ты жив и бьешь немцев, чтобы приблизить час нашей встречи.

Как я жду тебя! Обниму, крепко поцелую, проведу рукой по лицу, чтобы снять твою усталость. Тогда мы, наконец, сможем сказать, что мы теперь всегда и до конца нашей жизни будем вместе. И любить друг друга будем, так как полюбили в первые дни. Даже еще сильнее, мой милый мальчик. А ведь скоро два года, как мы встретились, и год, как слились наши сердца.

Никто сейчас не знает, что у меня на душе, как страшно бывает мне. Я продолжаю работать. Вчера была в поле с пионерами, помогали сажать картошку. Дети рады, что предколхоза объявил им благодарность. Я тоже сажала, хотя мне и трудно пагубаться.

Дома увидела твой портрет, подумала, что тебе бывает еще труднее. Спина постепенно перестала ныть, и я только слышала усиленное биение своего малыша. Ему трудно было, а сейчас он просторно отдыхает вместе со мной.

Володик, милый, обо мне не беспокойся. Я с нетерпением жду своего мадыша. Тебя прошу об одном: пиши мне чаще.

Крепко целую тебя твоя жена Шура».

Ворыгин молча ждал, когда я дочитаю письмо.

— В боях мы были, потому и не писал он Шуре,— сказал Ворыгин.— А вспоминал ее часто... Рассказывал, что любил ее, а жениться не хотел, знал, что ему скоро опять в бой. Шура сама на женитьбе настояла. Не знал Володя, что у них сын или дочь будет... Надо ей написать, а я третий день хожу и не знаю, какими словами рассказать, что нет больше нашего Володи.

Сколько таких писем не успевало дойти до тех, кому они отправлены. Я закрываю глаза и хочу вспомнить лейтенанта Владимира Улина. Он был стройным, комбинезон хорошо сидел на нем, из-под танкистского шлема всегда выбивалась русая прядка, молодо сверкали глаза. Вот, кажется, все, что могу вспомнить. Его лицо у меня сливается с лицами других танкистов. Для молодой же, любившей его женщины, это лицо было единственным среди многих и многих, она знала все оттенки его улыбок, все интонации голоса, ей была открыта вся глубина его души.

...Расстреляно на войне еще одно счастье. Вражеская пуля ударила в три сердца.

Это письмо мы напечатали в газете. Наша боль за погибшего товарища поможет ярости в боях.

• Покой нам снится

Дни тихой жизни на Украине. Фронт стоит.

Среди многих фронтовых фотографий у меня сохранилась и такая. Мы, группа военных журналистов, ле-

жим в саду среди ромашек под низкими раскидистыми ветками яблонь. У всех беспечный вид. Тут же, у колодца, набрав воды, остановилась наша наборщица Мина. Она в гимнастерке, но без пояса, голова ее, в нарушение устава, кокетливо повязана косынкой.

Это июнь или июль 1944 года, где-то возле Коломыи.

Мы жили в маленьких аккуратно выбеленных глинобитных хатках, окруженных садочками, в которых краснели черешни, наливалась соком вишня.

По утрам, сквозь сон, мы слышали, как Зина, наша хозяйка, молодая еще женщина, поднималась доить корову, потом выгоняла ее в стадо. Позже она усаживала за стол трех чумазых мальчишек, больших наших друзей, завтракать. Они быстро справлялись с этим и тут же улепетывали на улицу поближе к солдатам, к нашей типографии. Зина наскоро приканчивала всякие домашние дела и на весь день уходила на прополку колхозного поля. Домой она возвращалась вечером, опаленная солнцем, и сразу оказывалась в круговороте забот. Кто-то из ее сорванцов успевал занозить ногу, порвать рубашку, кому-то в уличном столкновении расквасили нос. Начиналась «воспитательная» работа: кому доставалась ласка, а кому и легкая таска.

Простая мирная жизнь текла рядом.

А мы готовили очередные номера газет в ленивом покое этих жарких дней, писали, под звонкие ребячьи голоса на улице, соловьиные вечерние громы, заметки о героях последних боев и об отличниках учебных занятий.

Это село было тоже занято с боями. На окраине его лежали цветы на братской могиле наших солдат, которые тут окончили свой воинский путь. Посреди села стоял подбитый «тигр», развернув поперек борта длинный ствол расщепленной пушки. Ребятишки бегали босыми ногами по горячей от солнца броне, забирались на пушку, усаживались верхом, как на круп коня, и покачивались. Теперь «тигр», сеявший недавно свинцовую смерть, замер укрощенный и стал игрушкой сельской ребятни.

Сколько же дней мы в военном пути? Я вступил в войну в середине декабря 1941 года под Москвой. Потом был краткий перерыв с середины 1942 года после возвращения из партизанского края Северо-Западного фронта.

На Урале я писал свою документальную книгу «В партизанском крае».

Сейчас идет июль 1944 года. Уже больше года, как мы уехали с Урала, уже больше года мы все оторваны от жизни, которую мы тут называем мирной. На год повзрослели наши дети, на год постарели мы сами и наши жены.

— Помнишь Орловщину? — говорит мне комбат танкового батальона капитан Приходько. — Там была поруганная гитлеровцами Россия. Мы освобождали ее от фашистской оккупации. А теперь мы свою землю почти очистили, к землям других народов подходим. Идем к ним на помощь. Где мы начинали свои бои, и где мы теперь? Далеко шагнули за этот год. Верю, будем и в Берлине. В это каждый солдат верит. Впереди будут трудные дни, но победа останется за нами!

Вот главный итог этого года — мы уже возле своих границ. Теперь мы думаем об освобождении от гитлеровского гнета других народов.

Покой же села только мнимый. Все чаще и чаще тишину ночей, спугивая соловьев, нарушает стальная поступь танковых и артиллерийских соединений на шоссе. Отчетливо слышно, как гусеницы царапают камень. Идет сосредоточение сил. Скоро мы вступим в новые бои.

Я пишу эти строки двадцать четыре года спустя и мысленно снова живу украинским жарким летом девятьсот сорок четвертого года.

Солнечные дни...

Танкисты ведут привольную лагерную жизнь, расселились экипажами в палатках, упрятанных от воздушных разведчиков противника в лесу, среди зелени... Много пишут домой писем... Много читают... Вечерами смотрят кинокартины...

На поляне лежат в тени дуба танкисты. Старший лейтенант Рыжик читает вслух книгу.

— «...Отыскался след Тарасов, — слышу я так хорошо знакомую со школьных лет фразу. — Сто двадцать тысяч казацкого войска показалось на границе Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступающий на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация...»

Припекает солнце, все сильнее запах разогретых трав в благодатном зное, жужжат яркие шмели, лениво пере-

летающие с цветка на цветок. А Рыжик все дальше и дальше читает повесть о борьбе русских за честь народа.

«Известна, какова в русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отсюда видна она и глядит прямо в очи мимо бегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на них, и жалким криком погибающего оглашается пораженный воздух...»

Слушаю чтеца, и сдвигаются эпохи, смыкаются разные века. Как близки сердцу каждого слова о силе оскорбленного в своих чувствах народа! Как велика вера в правоту такой народной войны со всеми, кто посягает на землю русскую. Каленые слова... воспламеняющие...

Ежедневно проводятся по строгому расписанию воинские занятия... Даже строевой подготовкой, вроде и не обязательной на войне, занимаются, отрабатывают парадный шаг, подходы к начальству с докладами.

В лесу на тропинке стоит с командирами рот майор Денисов.

Проходят пятеро солдат, видят офицеров и, чуть свернув в сторону, хотят их миновать.

Майор окликает их:

— Почему не спросили разрешения пройти? Видите же, офицеры стоят. Из какой роты?

— Старшего лейтенанта Филиппова, — отвечает солдат.

— Строевую подготовку с вами кто проводит?

— Командир роты.

— Ладно, — разрешает майор солдатам, — проходите. Филиппов стоит тут же, краснея за своих.

Вот контрасты войны. Кто месяц назад подумал бы о разрешении солдату пройти мимо офицеров? Кто тогда думал о строевой подготовке? Кто спрашивал себя — выполняет ли солдат все уставные требования? Надо было только наилучшим образом воевать.

Майор Денисов смотрит на Филиппова и усмехается.

— Филиппов! Усиль работу с личным составом... Да, так вот какое дело, — возвращается он. — Где-то дол-

жен быть тайничок. Как это получается? К обеду всем выдаем пятьдесят граммов спирта. Пройдет после обеда часочек, и весь батальон навеселе ходит. Это с пятидесяти граммов? Откуда спирт берут? Надо с этой забавой кончать...

Однако тайна спирта сохранялась долго, почти до начала нового наступления. Все в батальоне, дополнительно к тому, что получали к обеду, добывали еще где-то спирт нелегально. Пьяных не видели, но солдаты и офицеры навеселе, как вольные казаки Тараса Бульбы, в лесу встречались.

Тайна открылась, когда закончился запас «горючего». Оказалось, что танкисты, не полагаясь на аккуратность интендантов, считая и себя хозяевами боевых трофеев, все дни наступления возили с собой бочонок спирта. Как только батальон вывели на отдых, они этот бочонок закопали в землю и опустили в него шланг. После обеда шли в заповедную глубину дубового леса и там, прикладываясь губами к шлангу, подсасывали дополнительную порцию спиртного.

Чрезвычайное происшествие! Но шума поднимать не стали.

Танкисты уже готовились к боям.

А противник все время давал себя знать.

В полку самоходных установок заместителю командира полка майору Самохвалову принесли листовку с первомайским приказом Сталина.

Оказалась эта первомайская листовка фальшивкой гитлеровских пропагандистов.

Еще одна неприятная история.

В мотострелковой механизированной бригаде, стоявшей в обороне на переднем крае, узнали, что фронт перед ними держат венгры. Решили попытаться установить с ними контакты и уговорить сдаться в плен. Разведчики преодолели заминированную зону и выбросили в сторону противника письмо.

Венгры откликнулись. Командир их полка поставил условие, что на переговоры должен выйти советский офицер по званию не ниже подполковника. Командир полка самоходок на это не решился. Его заместитель отдал свою шинель капитану Растворову,

Тот отправился ночью с тремя автоматчиками на условленную встречу. И не вернулся! Пришлось на этом участке срочно менять части и перестраивать всю систему обороны.

На лесной лужайке собрались танкисты. Полковник Жуков держит речь о предстоящих боях.

— Нас в этой операции дорогами не балуют, — говорит он. — Пойдем вне дорог, проселками, лесами по лощинам. А вот когда повернем на юго-запад, то встретим и болота и большие овраги. Мы с вами на учениях к этому готовились.

Ждет нас особенно трудная переправа через реку Гнилая Липа. Ширина ее от семи до тридцати метров. Не ширина страшна. Топь там сплошная. Готовьтесь...

Прямая в военном деле не всегда самая кратчайшая. Поэтому и будем двигаться этим кружным и трудным путем. Мы должны выйти скрытно на важные коммуникационные пути и внезапно закрыть противнику пути отхода. Задача трудная! От всех командиров требую инициативы и воли.

— Готовы? — спрашивает танкистов Жуков.

• *Запылало*

Как не везет нам с погодой! Всякий раз.

Стоит такая сушь, что на деревьях повяла листва, обожженная солнцем. Листочки свертываются в почерневшие трубочки и падают на землю. Всех мучит жажда, колодцы же в этой местности редки, да и воды в них недостаточно.

А потом я подумал: сетования на плохую погоду в дни наступлений не больше, как самообман.

Для войны не может быть хорошей погоды.

На отдыхе дождь, сушь, грозы и град, ветры и ураганы, словом, весь тот разнообразный комплекс, которым щедро располагает природа, воспринимается, как обычное и нормальное условие жизни. Ведь не может быть осени без дождей, зимы без снежных заносов...

А воевать в любую погоду тяжело. Всегда тяжело... Для войны не бывает идеальных дней, идеального времени года.

У войны всегда трудные дни.

Стоит жаркий и душный июль.

Мы начинаем бой.

Ребята садятся в танки... Им — в бой!..

Они закончили последние приготовления, проверили боеукладки, аккумуляторы, работу приборов, радиосвязь, безжалостно выбросили из машин накопившееся за дни отдыха лишнее барахло.

Я стою возле машин, всматриваюсь в знакомые лица танкистов. Все они дороги мне, вот такие разные по характерам, привычкам, внутреннему особому миру каждого и такие единые в эти минуты, спаянные сейчас высоким фронтовым чувством братства, дружбой, ощущением своего родства со всеми товарищами. Каждый экипаж — это маленькая семья, а все экипажи вместе — крепкий большой коллектив, сцементированный общностью чувств.

Настало время действовать.

Они не обнимаются, не жмут друг другу руки, не произносят громких слов. Есть сила в таком безмолвном пожелании друг другу удач в предстоящих боях. Каждый верит в великое воинское братство. На поле боя никто не будет брошен. Никто не будет оставлен в беде.

Ребята садятся в танки... С каждым уходит целый мир.

Я знаю, что тихий и незаметный Краснобаев выделяется среди своих товарищей математическими способностями. Для лейтенанта математика — изумительный мир, полный загадок и тайнств. Краснобаев развлекал в минуты отдыха товарищей множеством простейших математических фокусов, обращаясь с цифрами с легкостью жонглера, легко в уме множил трехзначные цифры на четырехзначные, делил шестизначные, производил в уме и другие сложные для всех математические задачи. Однажды я стал свидетелем такой сцены. Танкисты собрались обедать в лесу за столом, врытом под дубом. Всего было восемь офицеров. Перед обедом командирам машин полагалось выпить фронтовые сто граммов разведенного спирта.

— Отойди и считай,— попросили они Краснобаева.

Когда тот отошел за дуб, кто-то крикнул:

— Шестнадцатый! Кто? Кому пить?

И быстро шепотом стали за столом рассчитывать. Шестнадцать выпало на лейтенанта Мигунова.

— Ну? — крикнули Краснобаеву. Эту расчетную операцию он проделывал в уме.

— Мигунову! — отозвался Краснобаев.

— А двадцать девятый? — крикнули за столом и стали быстро рассчитывать.

Краснобаев опередил их и точно назвал, на кого выпадает очередь выпить.

— Шестьдесят третий! — крикнули от стола и через пару секунд получили ответ.

Рассчитались. Точно.

Ленивый и неторопливый, но дотошный механик-водитель Уханов любит порассуждать на всякие отвлеченные темы и о явлениях, его окружающих.

— Заметили,— как-то говорил он товарищам,— что есть разница между растениями, которые дают плоды в земле и на поверхности земли? Сколько сахара в арбузе! А какие сладкие яблоки, да и мало ли всяких фруктов: виноград, слива, груши.. А ягоды!.. На солнце они зреют... А в земле таких сладких плодов не растет, там больше горьких, вроде чеснока, лука... Все они полезны и нужны. Скажем, картофель, репа, редиска... Сладости в них нет.

— А свекла? — возразил кто-то.

— Ну и жуй свою свеклу,— упорствовал Уханов.— Будешь ее сырой есть? У нее сладость спрятана, сахар из нее надо выпаривать. Значит, в солнце такая сила, от которой растения набираются сладости. А в земле другая сила. Как это происходит? Почему в одном случае много сахара, в другом всякой горечи?

Старший лейтенант Рыжик, туляк, в 1941 году окончил драматическую студию. Началась война, и он очутился в высшей танковой школе. Ему двадцать один год, а его уже четырежды награждали орденами. В том числе и таким высоким, как орден Боевого Красного Знамени. В Рыжике много душевной чистоты и совсем юношеской порывистости. У него звучный, хорошо поставленный голос. Он любит читать стихи, порой разыгрывает драматические сценки, поет. Внешность у него

такая, что ему бы играть любовников на сцене, а он командует танками. Сейчас гадают, кто будет: сын или дочь.

— Написал домой,— говорит он,— если родится сын — Володька, если дочь — Наташка. Люблю эти имена.

Ребята садятся в танки... Одни быстро вскакивают на гусеницу, решительно шагают по броне и, махнув прощально рукой, исчезают в узком лазе башни. Другие поднимаются медленно, ни на кого не оглядываясь, словно в себе замыкаются.

Броня машин густо заполняется автоматчиками.

Взвизывает красная ракета. Сейчас в радионаушниках танкистов, сквозь эфирный шум и треск, прозвучат слова боевой команды.

Я еду с танкистами.

Идет широкое наступление по фронту.

На рассвете мы вошли в прорыв через брешь, которую в обороне противника прогрызла пехота. Слышна сильная артиллерийская стрельба, видны отдаленные зарева. В лесу трудно хотя бы приблизительно определить, где идет бой.

Танк сильно встряхивает на ухабах, он то замедляет, то усиливает ход. Мы сидим, плотно прижавшись к броне машины и друг к другу, в промокших от росы гимнастерках и шароварах. Дорога так узка, что нас задевают ветки деревьев и кропят утренней росой. Машина движется где-то в середине длинной колонны главных сил корпуса. Все автоматчики в напряжении, молча вслушиваются в идущие рядом бои пехотинцев. Противник может появиться внезапно справа или слева. Всякие могут случиться неожиданности.

Движение колонны в самом деле замедляется и замирает. Холодок тревоги пробегает меж нами. Автоматчики срываются с машин и рассыпаются в кустах возле дороги, готовые принять бой.

В отдалении явственно слышна звонкая артиллерийская стрельба. Так звонко стреляют только пушки наших «тридцатьчетверок». Мы легко различаем среди других шумов их стрельбу. Выстрел за выстрелом... Значит, танкисты передового охранения встретили противника и вступили с ним в бой.

А мы словно прилипли. Стоим в бездействии. Только прислушиваемся к звукам боя справа и слева и к артил-

лерийской стрельбе впереди по ходу нашего движения. Вскоре подтверждается, что действительно боевое охранение сейчас ведет бой с противником.

Часа через два танковая колонна выходит из лесу и втягивается в небольшое селцо в глубине зеленой долины. Машины быстро рассредотачиваются по крестьянским садочкам. Танкисты рубят вишневые деревья, густо усыпанные созревшими черными ягодами, и маскируют ими машины. Два «мессера» упорно, никем не тревожимые, выются над домами. Они снижаются и с пронзительным воем проносятся на малой высоте, прошивая улицы и хаты стальными ливнями пулеметных очередей.

Привозят раненых... Среди них старший лейтенант Лукьянов. У него ниже колена перебита нога.

— Возле монастыря «тигры» в засаде,— торопится он предупредить товарищей.— Мы две машины заметили, открыли по ним огонь. А третья нас подкараулила... Врезала все же... Сейчас мои хлопцы там, с другими экипажами...

Лицо его резко запало, остро выступают скулы, лихорадочно блестят глаза. Кто-то протягивает Лукьянову алюминиевую флягу и для убедительности встряхивает. Слышно бульканье жидкости.

— Возьми,— говорит Лукьянову владелец фляги.— Пригодится в дороге и в госпитале. Полная...

Это все, что товарищи могут для него сделать.

— Спасибо! — говорит Лукьянов.

Потом отвертывает колпачок фляги, делает большой глоток, кто-то успевает дать ему кружку с водой запить.

— Ух! — вздыхает, широко раскрыв рот, Лукьянов.— Вроде и полегче... Помогите пистолет снять,— просит он.

Ему помогают отстегнуть от пояса трофейный «парабеллум». Лукьянов поднимает его.

— Кому нужен, ребята? Все равно в госпитале отберут. На третий ремонт пошел. Ладно, кость, кажется, не перебита. Как поправят, опять к вам. По гвардейскому закону. Точно, ребята? Учтите — сразу за монастырем «тигры», — опять напоминает он. — Слева два, а сколько справа — не разведали... А ведь хорошо в наступление пошли. Сразу почти на двадцать километров рванули. Спасибо пехоте... Лихо сейчас немцы!

«Войска Первого Украинского фронта,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро 18 июля,— перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону немцев на Львовском направлении и за три дня наступательных боев продвинулись в глубину до 50 километров, расширив прорыв до 200 километров по фронту».

Пятый час бушует гроза. С ливнем, порывистыми ударами ветра. Она пришла под вечер, разом почернело небо, и стало темно. Движение танков застопорилось. Разведка только-только подошла к берегам той самой речки, о которой предупреждал полковник Жуков,— Гнилая Липа, и начала, пока безуспешные, поиски переправы.

Машины стоят на дне глубокого лесистого оврага. Хлещет дождь, молнии раздирают черное небо. Со склонов бегут потоки воды, ручей бурлит по дну оврага.

В такую ночь нечего и думать о возможности форсировать Гнилую Липу.

Майор Никонов и сам побывал у реки. Вернулся мрачный, коротко приказал:

— Пока отдыхайте. Но как начнет светать — форсируем. Побывайте у реки, познакомьтесь.

Батальонные танкисты не могут знать замыслов и оперативных расчетов старшего командования. Нас в эти дни поворачивают то вправо, то влево, меняют первоначально намеченный путь движения, возвращают даже назад. И всюду мы наталкиваемся на противника, порой попадая в трудные обстоятельства. Кажется, что мы кружимся, как заблудившиеся, на одном месте. Но когда смотришь на карту, то видишь, что мы неотвратимо приближаемся к Львову.

Он, словно магнит, тянет к себе батальоны и бригады Уральского танкового корпуса.

Майор Никонов сидит в палатке, освещенной единственной лампочкой от аккумулятора, на снаряжном ящике. На другом снаряжном ящике лежит карта, стоит котелок с кашей и кружка чая. Комбат торопливо ужинает.

— Сон мне сегодня приснился,— лукаво улыбаясь, говорит Никонов.— Доложили, что Пересдегин убит...

Выхожу из дома, а он вторым в строю стоит. Ох и устроил я разнос за такую трепотню. Наяву так никогда не ругался, как во сне... Долго тебе жить, Переслегин,— обращается он к сидящему тут же лейтенанту и, откидывая голову, прислушивается к дождю.— Как? Все еще шпарит? Надо же... А эти дурни танк в реке утопили,— сообщает он подробности действия разведки.— Теперь мучаются, вытаскивают, все мокрые, словно лягушки. Сами виноваты...

Он отодвигает в сторону котелок с кашей, всматривается в Переслегина, который молчит и, кажется, даже не слышит слов комбата.

— Пришел в себя? Будет тебе скоро другая машина. Дадим... А пока пойді к речке, помоги там ребятам машину выручить.

Свою машину Переслегин потерял в утреннем бою. Немецкие артиллеристы с близкого расстояния расстреляли ее чуть ли не в упор и зажгли. Танкисты, оглушенные, задыхающиеся от дыма, стали выбираться через верхний лаз. Переслегин помог вылезти на броню раненому радисту Гаркуше. На воздухе радист несколько пришел в себя и стал спускаться на землю. Пулеметной очередью прошило грудь Гаркуше, и он мешком рухнул к заряжающему Горнову, вроде уже мертвому. Водитель сгорел в танке.

Те, что были рядом, рассказывали: лейтенант Переслегин во весь рост шел по полю, не обращая внимания на сильную вокруг стрельбу, и плакал. Удивительно, что немцы не срезали его.

Переслегин даже поднял валявшийся автомат, подержал его в руках, отбросил и зашагал дальше, продолжая плакать.

Он вышел к разбитому каменному сараю, за которым стояли командир бригады полковник Жуков, командир батальона Никонов и несколько штабных офицеров.

— Все вас бросили, товарищ полковник,— бессмысленно сказал Жукову Переслегин, продолжая плакать.— Дайте мне автомат... Пойду немца стрелять...

Ему что-то сказали.

Но Переслегин ничего не слышал и не понимал.

Его увели в медсанбат.

Позже Переслегин мне рассказал, что на него тогда

«затмение» нашло. Так потрясла гибель товарищей, с которыми он прошел многие бои с самой Орловщины.

— Знали Гаркушу? — спросил Переслегин. — Толстый такой, ходил вечно чумазый и всегда что-то жевал. Делал все медленно, неторопливо. Здорово я порой на него сердился. А вот — привязался... В смерть его все еще поверить не могу.

А Горнов, оказывается, не был убит, как это показалось в горячке боя и «затмения» Переслегину. Очнувшись ночью, раненый в плечо и голову, потерявший много крови, Горнов пополз полем к деревне, но в темноте сбился с пути и попал туда, где еще держались немцы. Тогда он пополз в другую сторону и к утру выбрался к своим. Его подобрали лежащим без сознания.

— Ладно, пусть помокнет с ребятами, может, отойдет, — говорит о Переслегине майор Никонов. Он подзывает ординарца и приказывает: — Маркова ко мне, быстро!..

Через несколько минут в палатке появляется всегда подтянутый лейтенант Володя Марков. Вытирает платком мокрое лицо, снимает с плеч тяжелую от влаги плащ-накидку и кидает ее на пол.

— Садись, — приглашает его Никонов. — И смотри внимательнее на карту. Сейчас соседи слева, пехотинцы, подсказали, что немцы вот тут сосредоточились, — показывает на карте майор Никонов. — Утром надо тебе Гнилую Липу форсировать. Ты пойдешь впереди. Возьмешь роту десантников... Надо заставить немцев огонь открыть. Понимаешь свою задачу? Разведать, какие у немца огневые силы, возможный рубеж его обороны... Сейчас мы, как в ящике, да еще в мокром, ничего не видим и не слышим. Ввязывайся в бой энергично и держись, сколько можешь...

Никонов разговаривает с Марковым будничным тоном, словно речь идет не о трудном боевом задании, а о выполнении тактической задачи на полевых учениях. Никонов отлично понимает, что из этой разведки боем Марков может не вернуться. Знает это и Володя. Как он это принимает? Сознает силу опасности? Конечно!.. Есть настоящее мужество такого вот сознательного отношения — идти, глядя прямо в лицо смерти. Это не минутное геройство, это — характер. Кто-то должен взять на себя самое трудное сейчас. Вот он и берет.

Володя Марков — нескрываемая любовь Никонова. Все в батальоне про это знают, все видят отношения комбата и командира роты. И все отдают должное такому чувству. Вообще Володю в батальоне любят. Он — надежный товарищ, добрый, отзывчивый. В бою не только храбр, но и рассудителен. Эти качества свойственны и другим хорошим офицерам батальона, но у Маркова они выражены ярче. Он не раз показал себя мужественным в боях. Никонов не однажды поручал ему самые трудные боевые задания, не уводил его от опасностей, как сделал бы другой, любящий по-отцовски, но слабый человек.

Сейчас Никонов опять поручает Володе самую трудную задачу сегодняшнего боевого дня.

Володя Марков накидывает на плечи плащ-накидку и выходит в темную ночь. Дождь так и не стихает, слышны раскаты грома, а работа войны продолжается.

Под утро я выхожу из палатки. Дождь почти стих, сереет, деревья, пропитанные влагой, низко опустили тяжелые ветви, кругом журчит вода. Вдали в небе играет тревожное зарево пожара.

...Хоть вязки берега Гнилой Липы, однако танкисты форсировали трудный водный рубеж и выскочили на противоположный берег.

Но тут новое препятствие. Метрах в тридцати — крутой, заросший травой и густым березовым подлеском откос. Крутизна почти в сорок градусов. «Тридцатьчетверка», по техническому паспорту, способна брать подъемы не выше тридцати градусов.

Досадно! Одолели вязкие берега, а тут — на тебе... Танкисты собрались толпой на берегу. Никонов держит с офицерами совет.

Лейтенант Спандарьян, маленький, чернобровый, энергичный, берется первым форсировать откос. Взяв разбег, на большой скорости его машина кидается на штурм высоты. Приминая березы, выдирая дерн, оставляя после себя на зеленом покрове две черные широкие полосы, тяжелая машина, по-кошачьи прижимаясь брюхом к земле, поднимается все выше и выше. Кажется, что вот-вот она, исчерпав силы, встанет, кувыркнется вниз. Чем ближе к гребню, тем все медленнее ползет «тридцатьчетверка». Не одолеет, не одолеет... Тогда все...

Последние метры подъема самые тяжелые... Все медленнее карабкается сильная машина, натужно воя, вы-

брасывая вихри темного выхлопного газа. Но вот танк переваливается через гребень и исчезает.

Вздых облегчения вырывается у всех.

— Видели? — поворачивается к танкистам сияющий Никонов. — Так владеют машинами настоящие танкисты. Молодец Спандарьян! Доказал! По машинам!..

Еще две машины в решительном броске преодолевают крутизну. За ними двинулись и остальные. Одна за другой, выскивая нетронутые участки откоса, чтобы не сползти по мокрой глине.

Батальон форсировал Гнилую Липу, пробил на трудном участке дорогу главным силам корпуса.

За десять дней наступления я смог послать в газету только два пакета с заметками о боевых подвигах танкистов — не было okazji. Однако у меня нет уверенности, что и эти два пакета попали в редакцию. Все хорошо продуманные нами в редакции возможности связей, обеспечивающих быструю доставку оперативных материалов, во время входа танковых частей в глубокие прорывы, как этот, разрушаются. Задача танкистов — входить как можно глубже в тылы противника, перерезать его коммуникации, уничтожать гарнизоны в тыловых городах, где стоят гитлеровские штабы, захватывать узлы шоссейных и железных дорог. От своих вторых эшелонов, где движутся и машины редакции, мы, газетчики, в такой ситуации отрываемся на двести-триста километров.

А мне, между прочим, давно полагается вернуться в редакцию. Представляю, как гневается редактор, негодуя на мое столь длительное отсутствие. Но как это сделать? Ведь немцы не только впереди, но и сзади, с боков. Мы все время в «котлах». Но «котлы» эти липовые. Они вовсе и не «котлы». Просто мы движемся, рассекая немецкие соединения и части, уходим вперед, а они еще некоторое время держатся позади нас — пока их не уничтожает пехота.

А еще мне хочется попасть с нашими первыми частями во Львов, стать свидетелем штурма этого города. Немцы, конечно, сосредоточили там большие силы. Предстоят трудные дни.

Володя Марков ведет бой силами роты. Донесения разведки соседей подтвердились: впереди действует значительная немецкая группировка. Батальон спешит подкрепить Володю, поддержать его. За нами движутся при-

данные артиллерийские подразделения, пробивается даже батарея «катюш». Мы вырываемся на одну из важнейших дорог противника.

Рассказ Володи Маркова о боевых событиях этого дня, после форсирования Гнилой Липы, я записал позже.

— Противник нас никак не ожидал,— рассказывал Володя.— Суконина и Грязина я послал в разведку справа по шоссе. Они свободно дошли до окраины села, а там вдруг наткнулись на пехоту. Не меньше двух рот. Но пехота нам не страшна! Мы с хода ворвались в деревню и овладели ею. А примерно в половине седьмого утра на шоссе появились две колонны танков: в одной восемь машин, в другой — шесть. Мы открыли стрельбу, но все же пришлось отойти. Силенок наших оказалось маловато. Все же Исаченко удалось подбить бронетранспортер и танк.

Тут подоспели еще автоматчики нашей Унечской мотострелковой бригады, и мы решили совместно атаковать противника. Врывались в село опять справа: очень удобный там был подход. Увидели на огородах немецкую пехоту, разогнали ее осколочными снарядами. Слева на шоссе показались два танка Т-IV. Они заметили нас и стали поспешно оттягиваться. Но Иванов — молодец! — приколол обе машины.

Вдруг видим — пехота прет. Густо... Эту атаку немцев мы отбили запросто. Где наши танкисты не поспевали, там автоматчики немца крошили.

А вот часов около девяти начался у нас по-настоящему серьезный бой.

Снова пехота пошла в наступление. А на шоссе вдруг сразу восемь «пантер» — три впереди, пять во второй колонне. Мой Исаченко стоит на бугре, увлекся стрельбой по пехоте и не видит, что «пантеры» надвигаются. И сам еще, балда, высунулся из башни, огонь корректирует.

— Уходи! — кричу ему.— «Пантеры»!..

Но он уж и сам увидел. Только скатился с высоты, как по ней немцы болванками. В клочья бы разнесли. Дистанция невелика...

Оглянулся, а по шоссе с юга еще шесть танков ползут. Ага, вытянули все-таки на себя противника! Никонов

будет доволен... Торопченко сделал четыре выстрела. Я с земли корректировал его стрельбу. И такая досада — все снаряды мимо! Нервничал... Тут немцы ответили залпом. Но тоже промахнулись, не попали в Торопченко. Только дом, что справа стоял, развалили.

Они — второй залп. Одна болванка в мою машину попала и застряла в ней. Зло меня взяло. Надо же! От машины дым валит: подожгли. Кричу своему водителю: — Развертывайся!

Только он развернулся, вторая болванка в борт угодила. Заглох мотор, встала машина. А в ней моя планшетка с орденами. Разве можно их оставлять? Ведь награды не возобновляют... Понадеялся, что по горящей машине немцы бить не будут, залез в башню и успел вытащить планшетку.

Немец насеждает... Рядом машина Краснобаева. Я к нему. А у него мотор не заводится. Возле же моей фашистские автоматчики залегли, ведут огонь. Смотрю, и машина Краснобаева задымила. Но Залозный — водитель отчаянный — все же завел мотор и, рискуя, развернулся бортом — и быстрым ходом от немцев. Мотор, гадюка, то заглохнет, то опять заведется. Немцы же бьют и бьют. В избы попадают, бревна во все стороны летят. Хаты запылали... Но все же мы ушли и пламя сумели сбить. Спасли машину...

Тут и другие роты подошли... Пехота наша подтянулась, артиллерия... Я майору доложил обстановку. Ну, а чем тут кончилось — сами видели. Наколотили немца, потерял он тут свою технику...

Так начался этот день войны.

• И день сменяет день

Третьи сутки идут яростные бои возле села Ольшаницы. Оно — узел многих шоссе-ных путей. В районе Броды войска Первого Украинского фронта охватили широким кольцом немецкие дивизии и «перемалывают» их. А нем-

цы, которым удалось избежать «котла», торопливо откатываются ко Львову. Наши танкисты, ушедшие в глубокий прорыв, в Олышанице оказались на их пути.

Сражения возникают неожиданно. Порой соотношение сил бывает не в нашу пользу. Тут решает моральное превосходство. Мы спокойнее... Немцы же бегут, спасаются.

Но дерутся они отчаянно. Атака следует за атакой... В бой вступают их новые части.

Такие, с невыгодным соотношением сил для нас, идут бои в Олышанице. Нам нельзя отойти, надо дожидаться подкреплений. Отойти — значит, открыть немцам путь на Львов.

Мы несем потери. Но немца держим.

Возле медсанбата останавливается танк. Всю броню его заняли наспех перевязанные в бою раненые. Какой-то молодой майор лежит возле башни с окровавленным бинтом на голове. У него воспаленные глаза.

— Справа восемнадцать «тигров»! — кричит он хрипло. — Всем стоять насмерть!..

На руках санитаров майор затихает и только облизывает языком сухие губы. У него ранение не только в голову, но и в живот.

Сегодня утром в наше село прорвалась значительная группа автоматчиков. Их ловили по дворам до обеда.

Проводят группы пленных. Одного нашли, прятавшегося в свинарнике. Он маленький, как лилипут. У него круглое полное лицо, покрытое потом, испуганные оловянные глаза. Все потешаются над ним.

На высоте, занятой артиллеристами, в стереотрубу я смотрю на поле боя. Непривычно так близко видеть противника. По пшеничному полю перебегают немецкие солдаты. Пятеро заняты каким-то странным делом — копают землю, словно торопятся что-то найти в ней. Минируют, что ли? В стороне, за обширным ярко желтеющим сурепкой полем, горят два танка. Черный густой дым поднимается над ними. Наши или немецкие? Отчетливо видны вспышки орудий, стоящих на опушке леса. От деревни отделяются пять «тридцатьчетверок» и ложиной идут на сближение с тяжелыми немецкими танками, ползущими по шоссе.

Артиллеристы обнаружили немецкую батарею. Она только что появилась, там готовят огневую позицию.

Летят один за другим два пристрелочных снаряда, потом еще два. Майор — командир дивизиона — наблюдает за разрывами. Отрываясь от стереотрубы, радостно кричит: — Хорошо!.. Четыре снаряда на орудие! Огоны!...

В безоблачном душном небе появляются немецкие бомбардировщики. Их прикрывают юркие истребители. Сейчас начнется...

Пятерка наших истребителей внезапно сваливается на немцев. Завязывается воздушный бой. Воздух наполняется разноголосым гудением. Бомбардировщики, не отбомбившись, исчезли. Сейчас идет встречный бой между истребителями. Мы видим как раз, дымя, пикируют стремительно к земле два немецких самолета. Они все быстрее и быстрее несутся к земле, оставляя длинные черные хвосты. На том месте, где они падают, взрывается пламя.

Но что это? Наш «ястребок» клюнул носом, попытался выправиться и закувыркался к земле. И за ним потянулся черный хвост... В воздухе сверкнул парашют. Значит, летчик успел выпрыгнуть. Однако несет его прямо на то село, где сидят немцы. Неужели попадет к ним? Летчик все ниже и ниже. Отчетливо видна его черная фигура на стропях под просторным куполом парашюта.

Его спусит за деревья. К немцам! Вот он скрылся за деревьями и не понять, куда приземлился — к своим или к врагам? К пленным немцы сейчас беспощадны. Живыми не оставляют.

...Я увидел его вечером. Молодой, наверное, двадцати лет, как многим нашим офицерам-танкистам. В воздухе — год. На гимнастерке орден Красной Звезды. Лицо румяное, без загара, все в синяках и царапинах. Его, оглушенного, изрядно проволокло по кустарникам, пока наши солдаты, кинувшиеся на выручку, «гасили» парашют.

— Чуток к немцам не угодил, — рассказывал он. — Не мог разобраться, где они, а где свои.

— Мы это и на земле не всегда знаем, — с мрачным юмором сказал кто-то из танкистов. — Однажды было: расположились утром завтракать. А нам говорят — чего расселись? На той окраине немцы, и тоже завтракают.

— Сверху хорошо видно, что все перемешалось, — подтвердил летчик. — Там, смотришь, немцы, там наши, потом опять немцы и опять наши. Потому иной раз и ошибки случаются.

Далеко танкисты рванули,— продолжал летчик.— А Рыбалко дальше вашего ушел. Вы левее на Львов выходите, а его армия правее движется. И пока вы тут с немцами чикаетесь, рыбалковцы Львов обошли и там противника жмут.

Я почую в избе, где три автоматчика, освобожденные от ночного боя, заняты необычным на войне делом.

У наших печатных воинских газет появился серьезный конкурент. В батальоне автоматчиков в дни боев выходит своя ежедневная «малотиражка» «Автоматчик», более оперативная, чем наша армейская, быстрее попадающая к солдатам.

Сегодня ночью ребята делают восьмой номер своей газеты. Размером она чуточку больше развернутого тетрадного листа. Под копірку закладывается сразу четыре листа. Заголовок ее украшает гвардейский значок. Тираж газеты — двенадцать экземпляров. Хватает всем взводам. Газета доходит до каждого солдата. Даже к тем, которые сидят в глубоких окопах, отрезанные от всех. Туда ее забрасывают, свернув в комок и привязав к камешку.

Так она и летает из окопа в окоп.

...Ребята старательно печатными буквами выписывают каждую строку. Завтра утром солдаты батальона узнают о деталях сегодняшних боев в Олышанице. О тех своих товарищах, что пали в боях... О героических подвигах... О героях...

В сегодняшнем номере среди многих кратких заметок я вижу знакомое имя маленького бойца Кости Верховых. Теперь он стал опытным солдатом. Отличившийся в боях в Фридриховке и в Каменец-Подольске, он продолжает храбро воевать.

За прошедший день к его боевому счету прибавилось семь уничтоженных из автомата солдат противника. «Самый маленький и самый храбрый», — шутливо говорят о нем автоматчики.

А за селом идет бой. Он отчетливо слышен в избе. Он то нарастает, то затихает.

Утром наскоро хоронили восемь солдат-автоматчиков. Трое торопливо копали общую могилу в сухой лег-

кой земле. Уложили мертвых товарищей, уровняли могильный холм, дали салютный залп из автоматов и заспешили на окраину села в свою роту. Там танкисты и артиллеристы, с замаскированных позиций, отбивали немецкую атаку. Немцы налезали, все еще надеясь найти щель в наших боевых порядках и вырваться на Львовское шоссе.

Восемь солдат, лежащих рядом в могиле, пали далеко от Урала в бою на Украине в жаркое лето 1944 года.

Сегодня уйдет еще восемь «похоронок» в далекие Оханск, Миасс, Ирбит, Чусовую и другие места. В одно утро в восемь семей сразу постучится горе.

...А днем, когда смягчилось напряжение боя, в это село привели пленных. Они шли серединой улицы, серолицые, вялым шагом. Солдаты-конвоиры посовещались и свернули колонну к церкви, огороженной высокой железной оградой.

Обычно наши солдаты, порой даже в самые трудные минуты, не упускают возможности пошутить над обезвреженными фашистами, провести с ними короткую «политбеседку». «Гитлеру капут?» И немцы готовно подтверждают: «Капут...»

Эти прошли сквозь стену молчания и безглагольного недоумения.

Пленные — в добротных немецких мундирах. Но они — не немцы. Они говорят по-украински. На рукавах у всех вшиты овальные шевроны с изображением трезубца. Это солдаты так называемой добровольческой дивизии «СС» «Галичина», собранной из разного сброда Западной Украины. Дивизию эту наши солдаты разнесли в пух и прах под Бродом. Сюда докатились остатки ее.

Еще утром «добровольцы» держали в руках оружие, из которого стреляли по своим же, украинцам и русским, пришедшим освободить Украину от гитлеровских захватчиков.

Может быть, те восемь парней, которых мы сегодня потеряли, получили смерть от них.

Предательство своего народа — самое подлое преступление. Это предательство своей земли, всего святого. Как могли они принять из рук врага оружие и бить из него свой народ?

...Они сидят за железными высокими прутьями ограды, словно в клетке. Молчат... Не решаются посмотреть на наших солдат. И наши солдаты проходят мимо, не задерживаясь, не вступая в разговоры. Они не могут преодолеть в себе гадливости.

• На Львов

Мы пробиваемся к Львову.

Штаб бригады занимает два дома на окраине села. На склонах густеют заросли ореха, в садах яблони и груши, масса вишни. Шумят певучие ручьи.

Спал я в сарае на свежем сене. Великолепно отдохнул. Утро по-летнему светлое, ясное, со свежестью росы.

На пороге дома стоит молодая женщина и ласково разговаривает с лейтенантом — шифровальщиком бригады. Коротенькая юбочка едва прикрывает колени женщины. Светлые волосы падают на ее плечи. Возле нее толстенький мальчуган лет двух. Он смотрит на утренний мир прищуренными сонными глазенками. Мать поднимает ему рубашонку, и он мочится с крылечка.

До чего же приятно смотреть на молодую мать и ее крохотного сынишку!

Штаб вступил в это село ночью. Сейчас он готовится к движению дальше. Надеемся еще сегодня ночью быть у Львова.

Ночь... Мы лежим в шоссейном кювете. Рядом с нами офицеры противотанковой артиллерии. Молодая луна проходит над краем горизонта. Близко идет ночной бой. Он то стихает, то снова нарастает... Взлетают осветительные ракеты...

Каким трудным путем пробиваются танкисты к Львову! Почти не выходят из боев.

Днем немцы зажали нас на крохотном «пяточке». Немцы тоже кое-чему научились за дни весенних боев: против наших «тридцатьчетверок», прорывающихся глубоко в их тылы, они бросают подвижные крупные части

тяжелых танков, противотанковую артиллерию, зенитные подразделения. Создают мощные артиллерийские и броневые щиты. Их страшат наши глубокие танковые рейды.

Немцы несут потери. Но и мы, продвигаясь, теряем своих товарищей.

Сегодня утром тяжело ранило ординарца Денисова, Васю Самойленко — храброго мальчишку, влюбленного в своего майора. И майор привязался к нему, как к сыну. Иной раз, случалось, они даже ссорились. Вася легко «заводился», когда у них начинались разговоры, чей край лучше. Вася утверждал, что самая лучшая земля на свете — краснодарская. Денисов расхваливал свою Сибирь. Как-то, когда танкисты находились в резерве, майор набрал в лесу грибов, нажарил сам большую сковороду и пригласил за стол Васю. Но тот с отвращением смотрел на сковороду с грибами.

— Это едят? Ну и сибиряки... Кубанцы никогда такого в рот не возьмут!

Он впервые видел грибы. Так Денисов и не смог уговорить своего ординарца попробовать их.

А теперь майор разыскал среди раненых Васю попрощаться.

— Остался сутки ареста вам должен, — нашел Вася силы пошутить.

— Возвращайся отбывать, — грустно ответил помрачневший майор, не помнящий, за что он сажал под арест Васю. Он знал, что дела Васи плохи. — Обязательно возвращайся... В Берлин, как уговаривались, должны войти вместе.

...В ожидании рассвета мы так и не вылезаем из кювета. Да и куда пойдешь?

Кто-то рядом рассказывает анекдот о золотой рыбке.

— Идет он, понимаешь, в Москве по улице Горького и видит — золотая рыбка лежит. Сперва за игрушку ее принял. А она ему человеческим голосом: «Возьми меня и отнеси на Чистые пруды. Любое твоё желание исполню».

Ладно брехать, думает он. Все же отнес рыбку на Чистые пруды и кинул в воду. Нырнула она, потом вернулась и голову из воды высунула.

— Любое твоё желание исполню, — говорит рыбка. — Приказывай!

Сейчас я ее испугаю, думает этот человек.

— Квартира мне в Москве нужна,— говорит он нахально.

— Ступай на Арбат, в доме номер двадцать один будет тебе квартира,— отвечает рыбка.

Не поверил он, конечно, золотой рыбке, однако пошел — ничего же не теряет.

Приходит на Арбат, разыскивает дом двадцать один, а навстречу ему дворник, ключи вручает.

Замечательная квартира: три комнаты, ванная, большая кухня, балкон.

Утром он опять на Чистые пруды. Поверил в золотую рыбку. Кликнул ее, она тотчас явилась.

— Такое дело, золотая рыбка,— начинает он.— Большое тебе спасибо за квартиру. Никогда о такой не мечтал. Но должна понимать, что без мебели — квартира не квартира. Да и денег не мешало бы.

— Ладно,— отвечает золотая рыбка.— Будет исполнено твоё желание. Только помни — имеешь право на три желания. Два я исполнила. Остается у тебя право на последнее. Хорошенько подумай...

Вильнула хвостом и скрылась.

Возвращается он на Арбат, а в квартире — полный порядок: все комнаты меблированы. Кинулся он деньги искать. Открывает ящик письменного стола, а тот денег полон: сотенные бумажки пачками.

Окончательно поверил в золотую рыбку. Всю ночь думал, какое же третье желание предъявить золотой рыбке. Последнее, и самое трудное. Утром только рассвело, а он уже на Чистых прудах. Кличет золотую рыбку.

— Что тебе? — спрашивает она.

— Хочу видеть мертвого Гитлера,— выкладывает он третье желание.

— Ступай домой,— говорит золотая рыбка.— Будет исполнено и твоё последнее желание.

Помчался он на свой Арбат. Открывает дверь и видит: на полу лежит бумажка. В дверную щель ее опустили. Поднимает он этот листочек: повестка из военкомата. На военную службу его призвали...

Все дружно рассмеялись.

— Ловко!.. А Гитлера мертвым увидим,— уверенно сказал кто-то.— Не уйдет он от нас. Если только к союзникам не удерет...— добавляет солдат.

— У союзников отобьем,— возражают ему.— По всей нашей стране в клетке провезем. Всему народу зверя покажем... Да и сам пусть посмотрит, что натворил!

Светает...

По шоссе движутся «зверобои» — дивизион 57-миллиметровых противотанковых орудий. Это солидное подкрепление. В борьбе с танками эти артиллеристы, как правило, выходят победителями. Главное, они психологически готовы встретить танковые части противника. Ищут эти встречи. Так, наверное, медвежатники смело идут на зверя.

Проходят мимо и другие артиллерийские части.

Все больше накапливается сил, чтобы сломить сопротивление противника и на этом участке. Подтягивается пехота.

А вот и новая подмога. Еще две бригады четвертой танковой армии.

Приятно смотреть на прохождение колонн. Стальной таран наших войск!

Теперь гул боя усиливается. Гремят орудия разных калибров. А войска все прибывают. Уж дивишься тому, где им найдется место на этом «пяточке»? Где разместится такая масса войсковых частей?

Небо все светлеет, все сильнее впереди гремят орудия...

Еще бой под самым Львовом.

Танкисты оказались зажатыми в лесном массиве. «Тридцатьчетверкам» пришлось проявить маневренность в лесных условиях. И тут сказалось превосходство наших машин по сравнению с немецкими. Их тяжелые танки двигаться по лесу, да еще с оврагами и топкими участками, не могли. Немцы вели бои с нашими танкистами с огневых позиций, выдвинув вперед сильные дозоры автоматчиков. А «тридцатьчетверки», ломая деревья, подминая кустарники, выходили к немецким огневым позициям и открывали огонь по «тиграм», «пантерам» и противотанковой артиллерии. Иной раз командиры покидали машины и шли впереди своих «тридцатьчетверок», показывая водителям путь.

В лесу трудно определить, в какой стороне идет бой. Лесное эхо множит и усиливает все звуки. Бьют и бьют

орудия, сливаясь в непрерывный гром. То в одном месте, то в другом раздается многоголосая автоматная стрельба. Кажется, что автоматчики совсем рядом. Они действительно стремятся просочиться в глубину лесного массива, расчленив танкистов, ударить по ним с тыла гранатами. Рушатся от снарядов деревья, во все стороны летит древесная щепа, сучья. Падают срезанные вершины. На моих глазах болванка «тигра» ударила в подножие дуба-великана и расколола, точно клином, пополам ствол по всей длине. Лесной красавец развалился надвое, тяжело рухнул одной половиной на «тридцатьчетверку», придавил автоматчиков. Врачи извлекают у раненых не только осколки, но и большие занозы, щепки.

Угарный пороховой дым, выедающий глаза, низко стелется между стволами, среди кустарников.

Шум, треск... Ни одному урагану не под силу нанести столько разрушений. Я видел ветровальные полосы в уральских лесах. Деревья на них лежали, вырванные с корнем, перепутавшись корневищами. Тут артиллерия начисто вырубала лес, оставляя нелепые пеньки. Он редел на моих глазах... Щепа густо осыпала землю.

...Немцы дрогнули. Они не выдержали такого натиска и попятились.

Но и танкисты не могли их преследовать. Измотались. Ведь и мы несли потери. Ремонтники кинулись приводить в порядок машины. Появились транспортеры с горючим, боеприпасами, подоспели кухни...

Люди засыпали там, где их застали последние минуты лесного сражения...

Краткой была эта передышка. Часа через два танковые колонны вытягивались на шоссе к Львову. А впереди уже гремел бой...

«Войска Первого Украинского фронта штурмом овладели городом Львовом,—сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро за 27 июля.—Оборонявшиеся в районе Львова войска противника разгромлены. Отдельные изолированные друг от друга группы немцев уничтожаются советскими частями в районах юго-восточнее и западнее города. Места боев завалены трупами гитлеровцев, разбитой техникой и вооружением, брошен-

ным противником. Только на одном участке советские бойцы сожгли и подбили 40 танков, захватили 70 орудий и свыше 1000 пленных...»

Мы пробились к Львову поздним вечером, почти ночью, приняв еще один встречный танковый бой. В городе шли уличные схватки.

Танк с десанниками на броне уходил в черноту каменных ущелий улиц. Где-то впереди звонко и непрерывно стреляли пушки. Словно большие факелы в разных частях темного города над крышами металась высокие языки пламени пожаров. Гитлеровцев отжимали от центральных кварталов к окраинам.

К утру Львов был полностью очищен от противника. Наступила тишина. Прекрасная тишина и покой...

Вышли на улицу жители. И сразу начали приводить все в порядок. Еще шли саперы с миноискателями, обследуя уличные участки и подозрительные здания, еще расчищались противотанковые завалы, а дворники в белых фартуках, женщины, подростки сметали в кучи мусор, убирали с тротуаров битое стекло, водой промывали мостовые.

Через центр освобожденного города на запад двигались многочисленные воинские части, тянулись бесконечные конные обозы пехотных подразделений. Конь вели себя неприлично, после прохода каждого такого обоза на брусчатке оставались кучи навоза и лужи мочи. Дворники тут же все убирали и смывали водой из шлангов. Они хотели видеть свой город чистым.

Участник уличных боев капитан Щербаков, с которым мы в ранний час шли по городу, говорил:

— Жители хотят скорее немцев забыть... Порассказали нам, как те себя во Львове вели. Начисто ограбили город...— Помолчав, он добавил: — Хорош Львов, правда? Какие красивые старинные здания! Мы старались все сохранить. Били по домам только при самой крайней необходимости.

Мы как раз вышли на центральный проспект к опере. Тут протянулась длинная аллея из двух рядов высоких пирамидальных тополей.

— Сохранили этот проспект,— сказал Щербаков.— Только одно дерево повредили.

Да, только один тополь был свален танком. Он, зеленый от подножия до острой макушки, лежал поперек аллеи, со следами гусеницы на стволе.

Во Львове похоронен лейтенант-танкист Уральского добровольческого танкового корпуса Александр Марченко.

Он поднял над Львовом Красное знамя освобождения города, которое ярко запылало на фоне голубого июльского дня. Когда Александр Марченко перебежал площадь от здания к своей машине, которую вел Федя Сурков, — немецкий пулеметчик сразил его насмерть.

Но знамя над городом реяло.

Александр Марченко свой боевой путь начал на Орловско-Курской дуге. Прошел с нами бои на Украине. Как, наверное, счастлив был он в ту минуту, когда поднимал над Львовом стяг освобождения города от фашистов!

Теперь он лежит на земле Львова вместе с другими уральцами, которые принесли и этому городу освобождение от фашизма.

Танкисты рассматривали трофейную карту. У немцев Львов на карте назывался Лембергом. Линейкой прикинули расстояние от Львова до Берлина.

— Ребята, — сказал торжественно танкист, измерявший это расстояние. — До Берлина остается восемьсот километров. Даже немного меньше... Половину пути прошли... Ведь от Орла до Берлина было полторы тысячи километров. Помните? Вот как далеко было до Берлина!..

• Прыжок

«Юго-западнее города Сандомир наши войска форсировали реку Вислу, — сообщалось в сводке Советского информбюро 3 августа. — Захватили плацдарм на левом ее берегу, протяжением по фронту в 30 километров и в глубину до 25 километров, захватив при этом 50 населенных пунктов и среди них город Сташув, крупные населенные пункты Копшевничка, Поланец».

9 августа я записал:

«Сегодня торжественный день. Утром, проехав Перемышль, мы перебрались на левый берег Сана и вступили на землю Польши. Так просто пересекли границу двух государств.

Дорога идет берегом Сана — земля другого государства. Бедные места. Непривычно видеть поля, поделенные на узкие лоскутки. Земля серая, тощая. На пути — бедные деревни, убогие маленькие хатенки. Во всем и всюду проглядывает жалкая нищета.

Польша... Мы уже в Польше... Родная земля осталась позади».

На день переправы через Вислу закрываются. Проезд закрыт для всех. Немецкая авиация весь день барражирует в воздухе, следит за передвижениями наших войсковых колонн на дорогах, за всеми переправами через Вислу, за которой на плацдарме у Сандомира уже который день идут ожесточенные бои.

Войска переправляются только ночью по мостам, наведенным нашими инженерными войсками. Двигутся колонна за колонной все рода войск — вереницы танков, артиллерии всех калибров, «катюши», пехотные части, бесконечные конные обозы. Идут, идут... Навстречу с того берега встречный поток — колонны грузовых машин, автобусы, загруженные ранеными.

Мы сидим в сторонке от дороги, ждем подхода к переправе своих редакционных машин, вслушиваясь в неумолкающее гудение моторов на дороге.

На огоньки наших папирос подходят трое, все без шинелей. Белеют повязки.

— Разрешите присесть? — спрашивает устало пожилой солдат. — Табачишком у вас не разживемся?

Солдаты присаживаются, закуривают. Двигаются они осторожно, видно, что боятся потревожить свои раны.

— Откуда идете? — спрашиваю я.

— Из-за Вислы, — отвечает тот, что просил закурить. — Все мы оттуда — из-под Сандомира.

— Как там?

— А что солдат может знать? — отвечает он. — Воюем... Вчера вот так же ночью переправили нашу гвардейскую непробиваемую, непросыхаемую... А утром, когда

пришли на место и только собрались у кухни на заправку, он и пошел в наступление... Так с пустыми котелками и побежали... Нас пятерых в окопчике одной миной накрыло. Четверых списало, один я уцелел. Осколком немец в голову, верно, метил, да промахнулся — в плечо попал. А я в него даже и выстрелить не успел. Вот и топаю пешим на ремонт в госпиталь. На машине места не достало, много нас там раненых. Так голодными и шагаем — ни табаку, ни сухаря...

У кого-то из нас в запасе оказалась банка тушенки, буханка хлеба. Солдаты не стали отказываться, только попросили нас открыть банку: им не под силу. Они дружно начали ложками скрести из банки тушенку, заработали челюсти.

— Ну как, ребята, полегчало? — сказал своим спутникам повеселевшим голосом тот, кто первым начал разговор. — Я у них вроде старшего, — пояснил он. — Ребята только-только из запасного полка. Воевать с немцем собирались, а он их в первый же день и продырявил. Фронтowych порядков ребяташки еще не знают. Вот и повел с собой... У меня-то четвертое ранение. Знаю, что до боя солдат всем нужен, все о нем думают, снабжают пайком, куревом, боеприпасами. А как ранят — тут ты, солдат, не теряйся, сам о себе думай. Если есть ноги — иди... Шинель сильно жалко, теперь намаешься без своей шинели. Пока где-то дадут... Сгорела она у меня, новенькая, в окопчике, хорошая была шинелка.

Этот пожилой солдат шел с войны, как с работы Усталый, спокойный... Думал как бы теперь скорее добраться до госпиталя, да опять обзавестись шинелью вместо пропавшей в окопчике, накрытом миной. Не рассчитывал солдат на чье-то сочувствие, помощь, полагался только на свои силы, стараясь не быть кому-то в тягость. Понимал, что все воюют, до него ли...

— Рязанский я, — словоохотливо рассказывал о себе солдат, вновь закуривая. — А точнее из-под Сасова, от Оки, сасовский плотник... С июня сорок первого начал воевать. С большим стажем солдат, мало нас таких... Ребятишек у меня двое. Уходил — старшой в третий класс перешел, а второй собирался в школу. Теперь старшой уже в шестой перебрался, а младший — в четвертый. Отца своего перегнали. Я только три года в школу ходил. Другой у нас и не было. Поди и не признают отца, коли

домой ворочусь... А я что ни год — то и раненый. В сорок первом — под Ружой, это на Западном фронте, в сорок втором — под Воронежем, а в сорок третьем — под Киевом. А теперь вот и в Польше... Большая география... Не миновать и в Германии к тому же... Сколько же война нашего мужика жизни лишила! Не сосчитать всем бухгалтерам... Думал нас немец одолеть и одолевал. Да только русская сила ему-таки хребет перешибла. В Польшу пришли, дальше его ждем. Румын заколебался, а уж какой вояка был, до Одессы добрался. Союзники Гитлера теперь в штаны кладут. Мы теперь уже не о себе думаем — свою землю освободили — теперь у нас о других народах забота. Рухнет скоро Гитлер, все его фашистское государство рухнет. Как, думаете, на год войны хватит или помене? Я так думаю, что года теперь на Гитлера многовато. Раньше лопнет... На Германию охота посмотреть. Что же за государство, откуда ко всем народам война пришла?

Любовь к Родине, к своей земле, к своему народу не нуждается в громких словах. Вот этот безымянный солдат, четырежды раненный, присевший к нам у Вислы, своими поступками выражал несокрушимость духа советского солдата в нелегкой войне. С Рязанщины солдат дошел до земель Польши, от Оки до Вислы, и теперь, уверенный в победном исходе сражения с силами фашизма, хотел посмотреть на Германию, понять государство, которое принесло неизбывное и невиданное по огромности горе его народу.

В дневнике у меня стоит крупно написанная дата: «18 августа».

И ниже: «Не забыть!»

А что не надо забывать? Что я должен помнить о 18 августе?

Разбирая собственные фронтовые письма домой, я нашел ключ к этой дате.

Лесной дорогой, под вечер, воспользовавшись затишьем, двумя группами мы возвращались с передовой в село, где разместился штаб корпуса: впереди шли пятеро офицеров, мы, втроем, в нескольких шагах позади них.

Хороша была вечерняя лесная тишина. После душного дня, наполненного орудийным грохотом, все гото-

вилось к покойной ночи. На дороге виднелись обычные следы войны: две разбитые повозки, словно подрубленные телеграфные столбы, с мотками скрутившейся проволоки, снарядные воронки на земле, сгоревший немецкий танк.

Офицеры-штабники пробыли весь день на передовой. В этот день противник, казалось, особенно усердствовал. Его артиллерия не утихала. Ждали атаки, но она так и не состоялась.

Я только помню тот миг, когда что-то грохнуло и меня сильно толкнуло в грудь. Я опрокинулся на спину, увидев сразу вспыхнувшее густой чернотой небо.

Мое забытие продолжалось, вероятно, недолго. Я опять увидел небо и подумал: «Что произошло?» Мой спутник, даже фамилии его не помню, теребил меня:

— Жив?

Я поднялся. Ни одной царапины. Только какая-то странная тянущая боль во всем теле.

— Накрыло ребят, всех, — сказал он, и мы все трое побежали по дороге.

Те пятеро, что шли впереди, разбросанные в разные стороны лежали мертвые.

Тяжелый снаряд упал как раз посередине между нашими группами. И все осколки, вся стальная сила ударила в спины наших пятерых товарищей. Нас же только сшибло взрывной волной.

Тем, кто знает войну только по рассказам очевидцев и литературе, фронтовая смерть представляется активным фактом: человек погибает в бою. Но она бывает нередко и вот такой слепой силой. Словно ладонью прищипывает человека...

Тогда мне показалось, что я этого дня, 18 августа, когда жизнь мне была дарована по счастливой случайности, никогда не забуду.

Оказывается, можно под грузом других, более сильных фронтовых впечатлений и забыть.

Лесная поляна — огневая позиция минометчиков. Тарелки орудий упираются в песок. Отрыты глубокие окопы, ходы сообщения. Вся площадка плотно утоптана. В специальных ячейках лежат гранаты. До передовой отсюда каких-нибудь две тысячи метров, может быть,

чуть больше. Но потому, что передний край прикрыт сосновым лесом, нет ощущения непосредственной близости к противнику.

Все солдаты в выгоревших до белизны гимнастерках, на которых выделяются боевые награды и гвардейские значки. Щурясь от яркого солнца, они стоят в строю и виновато слушают сердитую речь командира батареи.

— На что это похоже? — гневается молодой капитан с черными пушистыми усиками. — К тетке на побывку приехали? Военную службу забываете. Ведь гвардейцы! И позорите свое высокое звание... А если бы противник в атаку пошел? Боевой приказ в любую минуту может поступить... Отставить лесные прогулки!.. Это я вам приказываю!..

Он говорит и многие другие строгие слова. Гвардейцы-минометчики виновато помаргивают выгоревшими ресницами, но лица у всех лукавые, и никак не могут они потушить своих улыбок. Уж больно смешно им видеть друг друга с такими синими губами и синими зубами. Капитан замечает улыбки и еще больше сердится.

Понятен солдатам их проступок. Справедлив распекающий их капитан. А главное они уже знают: солдатская почта сработала — капитану за них сегодня здорово нагорело.

Надо же было троим минометчикам — растяпам! — напороться в лесу на подполковника из политотдела. Он накрыл их на месте преступления: за сбором в лесу черники. Там ее — завал, сплошные россыпи. Крупная, душистая. Пятнадцать минут трудов — и полный котелок ягоды. Ребята и повадились в лес. Чуть стихнет на передовой — они в лес. Через час-полтора возвращаются с черникой на всех минометчиков. Добавка к солдатскому однообразному пайку.

Подполковник, багровый от гнева, привел трех солдат, накрытых им с поличным, на батарею. Спасибо, что ягоды не конфисковал, труды даром не пропали. А сам отправился к командиру батареи, которого и «причесал» по всем правилам за развал дисциплины.

Правильно говорит капитан. Солдаты искренне сочувствуют ему. Получилось, действительно, нехорошо. Подвели ребята своего капитана. Понимают, как трудно ему сейчас. Ведь у него и самого, как и у всех солдат, такие же синие губы и синие зубы. Солдаты, рассыпая

на порции собранные ягоды, не забывают и про офицеров, которым неприлично отлучаться в лес по ягоды, да и всяких забот у них предостаточно.

— Все! — бросает капитан последнее слово.— Разойтись!..

Минометчики, получив встряску, весело разбегаются по своим огневым позициям и тотчас энергично принимаются за всякие дела. Своим усердием они хотят показать капитану, что поняли его, и сразу же взялись за исправную воинскую службу. Капитан проходит по огневой позиции. Ему надо найти какие-нибудь непорядки, подчеркнуть этим, как легкомысленное поведение мешает солдатскому делу. Но и придирааться напрасно капитану все же не хочется. Однако два-три замечания он делает.

— Что же шинели у вас как попало валяются? — говорит он сердито сержанту.— Прибрать лень? Ведь тут не барахолка, а огневая позиция. Порядок надо поддерживать.

— Слушаюсь... — торопливо отвечает сержант и отдает приказание: — А ну, прибрать всем шинели! Живо!..

Капитан уходит к себе. Солдаты присаживаются перекурить такое незадачливое дело. А вообще, рассуждают они, как же не попользоваться богатым лесным даром? Рука сама тянется к ягодному изобилию. Пускай идет война, они помнят об этом всякий час, да она и сама не дает об этом забыть. Батарея всегда на месте, их орудия всегда готовы к бою.

Я ночую у минометчиков. На ужин получаю кашу в котелке, чай и, как все, полкружки преступной черники. Черника — ягода далекого детства, напоминающая о мирной жизни. Но кажется, что такую вкусную ем впервые.

Мы долго сидим, сбившись в кружок, и я записываю рассказы о боевом пути минометчиков-гвардейцев, наиболее яркие «боевые эпизоды» из многих боев за Сандомирский плацдарм. Вспоминают имена тех, кто погиб за Вислой.

Как хороша эта лесная тишина, напоенная смолистым запахом. Противник молчит. Замер и весь наш передний край. Но в этой тишине есть зловещая настороженность. Враг рядом, совсем близко. Об этом помнишь.

На небе медленно проступают звезды. Сгущаются тишина и мрак. Только далеко-далеко играет зарево по-

жара. Стрекогут кузнечики, то соло, то хором. Потом к их стрекоту присоединяется сначала еле слышное, потом все более густеющее басовитое гудение вражеского самолета, идущего на большой высоте. Его гудение проносится над нашими головами и затихает в стороне. В отдалении вспыхивает в небе сначала желтая точка, будто новая звезда, которая все расширяется, опускаясь к земле. Немецкий воздушный разведчик повесил «фонарь», видимо, над нашими переправами на Висле.

Позже в расположении батареи появляется группа солдат.

Звучат торопливые слова:

— Ребята, вода есть? Дайте...

— Жив?

— Дышит, гад!

— У, фриц! Шевелись, «Хенде хох!..»

Что-то бормочет немец, подталкиваемый солдатами.

— Далеко фрица брали? — спрашивает кто-то из минометчиков.

— Тут накрыли... К нам ползли... Двоих прикончили... Этот «языком» остался.

Солдаты с пленным удаляются. Слышно, как затихают их шаги на песке.

Как я устал от войны! Об этом мы стараемся не говорить. Такие мысли запретны, и мы сами себе запрещаем их.

Недавно на фронтовом писательском и журналистском сборе армейский поэт прочитал стихи, которые начинались строчкой:

Разбуди меня после войны...

Как вскинулся в гневе полковник из Политуправления фронта! Казалось, что его сейчас удар хватит.

— Все воюют, а вам спать захотелось? Просите разбудить после войны? Когда другие завоюют победу? Не так ли? Я разбужу вас значительно раньше...

Конечно, солдат воюет. Хорошо воюет. Радует его то, что мы уже в Польше. За ней — Германия. Близится окончательный разгром фашизма. Но спроси солдата по-дружески, и он доверительно скажет: «Скоро ли конец войне? Устали...»

Война — кровавая и изнурительная работа. Вот эти молодые минометчики отшагали сотни километров, на-

терли на своих плечах мозоли от тяжелых плит и оружий-ных стволов. Их юность перечеркнута войной. За свои многие фронтовые дни и ночи они навидались и испытали столько всякого, какого им потом не придется увидеть за всю жизнь. Тем, кто останется в живых. А всякий бой уносит несколько жизней... Вот почему они так рады всякой передышке, тихим дням, которые опять сменятся снарядным воем, запахом обожженной земли, свистом стальных осколков.

Я просыпаюсь от шума боевой тревоги. Солдаты бегут к орудиям, которые задрали трубы в самое небо, к минным лоткам. Сквозь вершины сосен просвечивает красное солнце.

А через какое-то мгновение на нас обрушивается грохот артиллерийской подготовки. Конец тишине...

Бои разгораются то на одном, то на другом участке обширного Сандомирского плацдарма. По ночам видны грустные зарева пожаров. Горят польские деревни и села. Такие пожары мы видели год назад на Орловщине. Немцы верны себе. Они и тут хотят оставить зону пустыни.

Обозы польских беженцев двигаются за Вислу, дальше от мест боев. На длинные фуры погружено нищее имущество. Угрюмо шагают хозяева, подымая босыми ногами дорожную пыль. Ребяшки подгоняют коров, привязанных к задкам телег, овец. Беженцы расселяются в селах, удаленных от линии фронта, за Вислой. Оторванные от земли, от дома, не успев убрать урожай, мужики тоскливыми глазами вглядываются в будущее. Что им принесет зима? Как они будут жить?

Но не жалуются. Натерпелись под немцем. Немцы всего их лишили. Оставили только право на тяжелый крестьянский труд. Все продукты этого труда беспощадно изымались и увозились в Германию. И в Польше немцы пытались превратить народ в нацию рабов.

Как-то мы остановились на ночлег у столяра в деревне Коршипулке.

— О, мы ждали Красную Армию,— говорил пожилой хозяин.— Россия — сильный народ. Он прогнал Наполеона, он прогонит и Гитлера. Вы пришли к нам вовремя. наших молодых людей собирались забрать в Германию

немцы. Вы им помешали. А наши паны,— он пренебрежительно махнул рукой,— пропили Польшу. Мошну набивали, пили, гуляли, а как война — смылись. Оставили свой народ, предали его.

...А жизнь на освобожденной от гитлеровцев польской земле начинает налаживаться. Несколько дней назад я попал в город Жешув. Как раз к станции подходил пассажирский поезд, донельзя набитый людьми. Висели на подножках, сидели на крышах. Пассажирское движение на железной дороге — это один из добрых признаков нормализации жизни там, где еще совсем недавно шли бои. Открываются магазины, ресторанчики. Сельским беженцам отводятся земли, брошенные богатыми хозяевами. Собранный с них урожай будет принадлежать обездоленным крестьянам.

...Наши удары по противнику на Сандомирском плацдарме следуют один за другим. Мы тесним немцев на 5—8 километров, захватываем новые польские городки, села, деревни, расширяем и прочно закрепляем за собой плацдарм за Вислой.

«Севернее города Сандомир наши войска вели бои по расширению плацдарма на левом берегу и улучшили свои позиции,— сообщалось в сводке Советского информбюро 21 августа.— При ликвидации окруженной группировки севернее Сандомира наши войска нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике. Уничтожено танков и самоходных орудий — 88, бронетранспортеров — 18, орудий разного калибра — 142, минометов — более 100, автомашин — свыше 100, тягачей — 35. Противник оставил на поле боя 12 000 трупов солдат и офицеров».

Кажется, это было последнее в том году упоминание в сводках Советского информбюро о боях на Сандомирском плацдарме.

Мы прочно закрепились на польских землях за Вислой.

Тогда мы не знали, что наш фронт остановился надолго и двинется в новое наступление только в середине января 1945 года.

Побурели поля. Стаи галок посятся над опустевшими нивами. Редуют леса, сбрасывая пеструю листву на землю. По дорогам Польши бредет осень. Все сильнее осенняя стылость в воздухе, все грустнее и однообразнее серенький пейзаж сельских мест.

Пал первый снег.

Уже и декабрь, а фронт стоит неподвижно.

С Урала с подарками к танкистам приехали делегаты многих городов и деревень. Среди них — бригады актеров. Они ездят по подразделениям с концертами. Удивляются:

— Какая тишина на фронте!

Им несколько не по себе от этой непонятной для них бездеятельности войск. Где же война? Где же фронтовые трудности? Солдаты живут в домах или в хорошо оборудованных землянках, в тепле, сытости. Выглядят хорошо, просто загляденье.

Действительно, уральцы-гвардейцы за эти месяцы спокойной жизни после летних боев отлично поправились. Жизнь на свежем воздухе, строгий режим дня, с обязательной физзарядкой, с отбоем для сна в положенное время, с нетрудной воинской службой, идет всем на пользу.

Политотдел армии приглашает газетчиков принять участие во встрече нового, 1945 года.

Мы приводим себя в порядок, подшиваем воротнички, начищаем старательно сапоги.

Дорогой нас основательно продувает в грузовой машине. Выясняется, что мы несколько поторопились с выездом. Приглашены к одиннадцати часам вечера, появляться досрочно на час просто неприлично. Поэтому мы останавливаемся возле помещичьей усадьбы и идем в дом погреться.

Дом пуст, только в маленьком флигельке, среди деревьев, в окне теплится свет. Стучимся.

Нам открывает дверь молодая полька, в колушке, накинутом на плечи. На бледном лице отчетливо чернеют ширококрылые брови. В большой комнате стоит концертный рояль, отражая лаком крышки свет одинокой свечи.

В доме холодно. Мы знакомимся. Это пани Подгурская — певица из Варшавы. Слушаем ее рассказ о зверствах немцев в Варшаве, преследовании польской интеллигенции. Она не захотела там оставаться и уже третий год живет в этом доме. Желая развлечь неожиданных

гостей, она присаживается к роялю и, аккомпанируя себе, поет для нас. Ее высокий голос звучит трагически.

Нам не по себе от скупого рассказа пани Подгурской, ее пения в пустом холодном доме. Как, вероятно, тяжело одиночество в эту новогоднюю ночь. Чем-то хочется помочь ей. Хоть как-нибудь скрасить жизнь.

На крыльце, когда мы, попрощавшись, собираемся ехать дальше, наш добрый шофер — белорус Саша Барботько — говорит:

— Сейчас вас отвезу и ей дров заброшу. Можно?

— Да где ты дров найдешь?

— Ну, солдат, что хочешь найдет. Если приказ будет. Такой приказ он получает.

Новогодний номер нашей газеты выходит с очередной сводкой Советского информбюро:

«В течение 31 декабря юго-восточнее и южнее города Лученец наши войска овладели на территории Чехословакии населенными пунктами Бозита, Куртани, Суга, Пилишь, Ромгань, а также с боями заняли на территории Венгрии населенные пункты Михали-Герге, Киш-Герге Пилыни, Фелфалу...

В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окруженных групп противника, в ходе которых заняли более 300 кварталов в западной части города».

Наш Первый Украинский фронт молчит. Но война идет... Гитлеровским войскам наносятся все новые удары. Наверное, мы тоже скоро пойдем дальше на запад. Ведь теперь до Берлина меньше восьмисот километров.

На чужой земле

У Вислы

Кончился 1944, потянулись дни января 1945 года.

Именно потянулись... Нет войны на Сандомирском плацдарме, тихо на всем Первом Украинском фронте. Обе стороны после нечеловеческих боев замерли каждая на своей линии. Будто объявлено негласное замирение. На какой только срок?

Я, выполняя редакционное задание, побывал у армейских разведчиков. Мой давний знакомый, еще с Орловско-Курской дуги, разведчик капитан Доронин, известный многими успешными вылазками в тыл врага, пожаловался:

— Трех «языков» за неделю доставили. Пятерых хороших ребят из-за них потеряли... И, оказалось, все зря... Ни хрена эти не знают... Сегодня ночью оберст-лейтенанта приволокли. Три дня за ним хлопцы ходили. Аж за вторую линию обороны пробрались. Вроде, теперь начальство успокоилось. Кажется, удачный «язык»...

Я выразил желание встретиться с солдатами этой группы.

— Отсыпаятся, — сказал Доронин. — Подожди до утра.

Доронин рассказал, что наступившая тишина на фронте обманчива. Подтягивают немцы немалые свежие силы к Сандомирскому плацдарму — новые танковые и артиллерийские части, пехотные дивизии, снимая их с Западного фронта, продолжают ужесточать оборонительные полосы.

— И мы, и они готовимся, — заключил Доронин рассказ. — Кто только раньше начнет... Охота немцам нас за Вислу сбросить.

Капитан Доронин начал воевать в двадцать четыре года. По мирной специальности он архитектор. Однако не удалось ему ничего построить. После института получил назначение в небольшой городок Пермской области,

но в должности своей пробыл что-то около трех недель. Началась война, сделавшая его солдатом. Попал к разведчикам, и это стало его военной специальностью. Тайкисы на броне машин, артиллеристы на щитках пушек рисуют звездочки после каждой разбитой вражеской машины. А капитан Доронин ведет свой подсчет: в заветной записной книжечке палочками отмечает каждого захваченного им «языка».

Я ночевал у Доронина в теплой, хорошо оборудованной землянке, обшитой тесом, с маленькой прихожей, где у телефона всегда дежурил ординарец.

К капитану пришел в гости командир роты автоматчиков, старший лейтенант Кудрявцев. Они приятели еще с детских лет, учились в одной школе, гоняли футбольный мяч на одной площадке, в Чапаева играли. И вот вдруг встретились на Сандомирском плацдарме. Тихо сейчас за Вислой, можно навещать друг друга. На столе появилась бутылка трофейного рома, трофейные консервы.

Между друзьями шел разговор, самый обыкновенный разговор двух бывалых фронтовиков.

— Горяч стал, порой выдержку теряю, — пожаловался Доронин. — Как гончая начинаю дрожать, когда теряю из виду противника. А нахожу его — прямо-таки чутьем! Носом слышу.

— А разведку боем ведете?

— Нет, бой потом, для уточнения. Для нас главное — выдержка. Действовать мы обязаны не только без выстрела, но и без шороха... Мне опыт потом и кровью достался... Помню, под Суриковыми выселками, на Западном фронте, назначили меня в разведчики старшим. Приказ: к 4.00 достать «языка». И точка. Ну, пошли... Семеро впереди, я и еще двое в середине, десятка замыкает.

Ночь не очень темная... Движемся... Тишина... Вижу — навстречу человек идет. Кто? Подходит свой из передовой группы.

— Немцы, — докладывает, — близко...

Залегли, поползли... Никого.

— Иди, да больше не путай, — говорю солдату.

Минут через пятнадцать-двадцать опять он появляется.

Снова докладывает:

— Немцы... Разговор слышен...

Поползли... Опять никого! Зло такое взяло, хоть тычка ему давай за то, что панику наводит.

Сбились мы в кучу. Я выбрал троих ребят понадежнее и сам с ними двинулся, остальные — за нами прикрывающими.

Метрах в пяти от себя вдруг увидели немца. Мой автоматчик рядом как грянет из ППШ. Немец, словно срезаный, упал, а мой разведчик в него, лежащего, продолжает палить. И в ответ сразу стрельба поднялась. Кругом трассирующие пули летят. И все в ту сторону, откуда мы явились, но вверх. Спали, очевидно, фрицы, а пулеметы были расставлены по гнездам. Они с перепугу огонь открыли, а дула-то у пулеметов вверх торчали. Ну и пошла эта свистопляска...

Думаю, надо выбираться. «Языка» при такой музыке не добыть. А как? За передний край порядком зашли. Нацелились через один скат, а там немцы. Забросали их гранатами и ползком, на карачках, кое-как прорвались.

Но дальше хуже пошло. Обнаружилась наша неподготовленность. Пули свистят буквально над головами, надо ползти, а у нас — кто башку, кто зад выставит... К своим добрались все-таки, но двое там остались да троих раненых еле-еле вытянули. Я ночь не спал, голова лопалась: почему так получилось?

Вот какие я тогда для себя три вывода сделал. Разведчик должен уметь ползать, как змея. Это обязательно! Группа захвата — не более чем четыре-шесть человек. И нельзя разведку жестко ограничивать временем, создавать спешку.

— Медали за что получил?

— Вот эта — за первые два «языка». Пошли мы тогда вчетвером. Ребята все отличные, физически крепкие. Двигались так, чтобы и травинка не переломилась. Добрались до блиндажа. Видим — фриц перед нами. Здоровый такой, лежит, покуривает и в небо смотрит. Стали мы блиндаж обтекать, а он, черт этакий, заметил нас и юрк прямо головой вниз в запасной ходок. Один из наших за него — схватил за ноги и держит. Но фриц сильным оказался, уцепился за стенки руками, пыхтит, держится.

Мы вдвоем вскочили в блиндаж, а там еще немцы. Окаменели, вылупили на нас глаза и не двигаются. Только крайний, у самого входа, у которого в руках почему-то лопатка была, стал потихоньку для замаха плечо от-

тягивать. Мой солдат, не теряясь, стебанул этого фрица автоматом по башке, тот и свалился.

А в это время наш четвертый швырнул гранату. Мы — назад, за нами — двое немцев. Остальные не пикнули. Пятеро немцев так там и остались. А этих двоих приволокли.

В чем тут наша ошибка? Выдержки не хватило, нервы у моих разведчиков в нужный момент сдали. Без гранаты могли обойтись. Ох и драил же я своих ребят. Да и самого себя тоже...

Я начал дремать, а два бывших «Чапаева» продолжали свой фронтовой разговор. Два бывалых солдата...

Среди ночи я выхожу из блиндажа. Звездное зимнее небо, легкий морозец. По тропинке вдоль землянок проходит часовой в полушубке, с автоматом на груди. Тишина...

Даже не верится, что не более, как в полутора-двух километрах начинается земля, занятая немцами, что они притаились там, в польских домах, на польской земле, являя собой смерть, горе, опустошение...

Те наши солдаты, что жили в селах и на хуторах, за месяцы, когда стабилизировался в Польше фронт, стали своими среди сельских жителей. Крестьяне почтительно величали всех панами. Можно было увидеть, как «паны» с солдатскими погонами, понаторевшие в ратных делах, с увлечением помогают своим хозяевам убирать навоз, пилить дрова, справлять самую разнообразную домашнюю работу.

Сам я жил не в селе, в котором разместились редакция, а на хуторе за большим торфяным болотом, где мне хозяева уступили отдельную комнату.

Стоял этот хутор на холме среди могучих дубов, был обнесен крепким забором. Здесь мне пришлось прожить несколько месяцев, и я помню все очень живо.

Через болото к хутору петляла узенькая тропочка. Я так хорошо изучил свой ежедневный путь, что не сбивался с дороги даже в самую темную осеннюю ночь. Хотя и далековато мне было добираться каждый день из редакции до своего жилья, однако я остался на хуторе и тогда, когда начались затяжные осенние дожди, а потом и снежные метели. Ведь у меня там имелась своя ком-

ната, вечерами я мог оставаться один, мог читать и писать в одиночестве. Там, втайне от редактора, я начал писать повесть о войне. Но успел закончить только несколько начальных глав.

На хуторе жили отец — вдовый старик — и два его сына, старший Сташек, женатый. Странные, с нашей точки зрения, отношения сложились в этой семье. Старик, угрюмый, согнувшийся в пояснице, ходил, опираясь на палку с опущенной головой, словно искал на земле что-то им потерянное, а на самом деле зорко наблюдал за всем, что делается на усадьбе и в поле. Старший Сташек, похожий обликом на отца, являлся правой его рукой и, работая с братом Янеком, покрикивал на него, как на батрака. Тот, молодой, энергичный, гибкий, как тростиночка, безропотно подчинялся отцу и брату. Только порой в его глазах вспыхивал недобрый огонек. Жена Сташека, худая, темная, молчаливая, тенью мелькала весь день по двору, заглядывая во все уголки.

Жизнь на хуторе, невольным свидетелем которой я оказался, шла сумрачная. Чувствовалось, что люди тут враждебны друг другу. Никогда ни разу не услышал я веселого голоса, смеха, песни, не видел на лицах доброй улыбки, просто светлого взгляда.

Позже, обжившись, я узнал, что Янек собирается жениться и просит выделить его из хозяйства, с причитающейся ему долею земли и скота. Отец и старший сын противятся разделу. Вот это и было первопричиной всех сложных отношений в доме.

К зиме на хуторе появились новые лица — беженцы из прифронтовой полосы, которых временно размещали по разным местам. На хутор прибыла большая семья — мать и отец, трое взрослых сыновей и дочь-подросток. Они приехали на длинной фуре, запряженной двумя конями, высоко нагруженной всяким скарбом. Привели с собой корову, теленка и несколько овец.

Хуторяне встретили беженцев неприветливо, в дом их не пустили, и те расположились в большом щелястом сарае. Не подпустили приезжих и к кухонной плите. И они, как цыгане, все готовили на костре за усадьбой.

С появлением беженцев жизнь на хуторе еще более осложнилась. То и дело между хозяевами и пришельцами возникали по самым разным поводам крупные разговоры. Несколько раз на дню ссорилась, крикливо повы-

шая голос, темная жена Сташека, которая ревниво следила за каждым шагом чужих. Особенно же дотошно она преследовала девчушку.

А тут еще начались и беды.

За усадьбой стоял высокий стог клеверного сена. Неизвестные подобрались к нему ночью на лошадях и увезли не меньше трех возов.

Утром я услышал громкие крики на дворе.

Хуторяне с бранью насккивали на приезжих, обвиняя в наводничестве и пособничестве вора. Быть де не может, чтобы они, спавшие в сарае, не слышали и не видели, как ночью вершилось воровское дело...

Теперь каждую ночь Сташек и Янек поочередно охраняли хутор.

Вскоре беда свалилась и на пришельцев. Скот они держали поближе к дому, а кони паслись в недалеком леске. И вот увели их двух коней. Даже не ночью, а среди бела дня. Парни пропали на несколько дней с хутора, обошли в поисках коней все окрестные села и вернулись ни с чем. Даже хуторяне отнеслись сочувственно к такой беде. Что крестьянин без тягла? Иди по миру...

Вообще-то необычное для тех мест воровство шло по всей округе, где скопилось порядочно беженцев. Многие из них, попавшие в зону активных военных действий, лишились всего: домов, имущества, скота. И они, видимо, компенсировали таким образом свои потери. Но замечу, кстати, что наших солдат в воровстве никогда не подозревали. Крестьяне знали, как строго в Советской Армии наказывают за подобные поступки. Был такой случай: солдаты стащили гуся. Виновных нашли и судили публично перед жителями села. Убыток пострадавшим был возмещен.

Через неделю приезжие парни опять пропали куда-то с хутора и вернулись с двумя другими конями, на которых имели справки от военных и гражданских властей, что кони эти беспризорные и отдаются им во временное пользование, если только не объявятся их законные хозяева. Беспризорного скота, правда, порядочно бродило в зоне наших войск.

Как ни странно, но новые кони еще больше настроили моих хуторян против приезжих. Они теперь даже проверяли, каким сеном те кормят свой скот. Сташек и Янек продолжали вести ночные караулы,

Однако, как ни стереглись мой хозяева, беда вторично пришла и к ним. Пропала черно-белая телочка.

Опять утром я услышал на дворе крики. Беженцы, сбившись в кучу, стояли посреди заснеженного двора. Владельцы хутора озлобленно кричали на беженцев и требовали сегодня же покинуть усадьбу.

Часом позднее я увидел, как беженцы молча и угрюмо грузят имущество на фуру. Хозяева с крыльца наблюдали за сборами.

На опустевшем хуторе потекла прежняя, полная взаимной вражды, холодная жизнь.

Чворачки

Чворачки — польское слово. Означает оно — четверняшки.

На соседнем хуторе произошло событие, которое взволновало не только польское население, но и весь наш военный медицинский персонал, особенно его женскую часть.

Молодая полька, рожавшая второй раз в жизни, стала матерью четверых близнецов — двух мальчиков и двух девочек.

Весть о чворачках облетела соседние с хутором села и дошла до наших медицинских работников.

Они отправились познакомиться с родителями и взглянуть на близнецов. Ведь в самом деле, редчайший случай! То, что они увидели на хуторе, взволновало и потрясло врачей. Младенцев принимала старая сельская бабка-повитуха, не имевшая понятия об элементарной гигиене. Ужаснули грязь в доме и бедность семьи. Во всем проглядывала лютая нищета. Новорожденные завернуты в какое-то ветхое тряпье. Отец и мать рождение четверых близнецов приняли как беду, свалившуюся на их головы за какие-то грехи.

Выкроив несколько свободных часов, мы с товарищем тоже побывали на этом хуторе.

Маленький домик, в два крохотных оконца, осевший в землю. Низкий потолок, закопченные стены, плотно утоптаный глиняный пол. Одна комната, тут же и плита. В углу на топчане лежала молодая женщина. Возле нее стояла широкая деревянная кровать, с решетчатыми боковинками, а в ней четыре крохотные сверточка.

В комнате хлопотала знакомая медсестра Зина.

— Наш медсанбат над ними шефство взял,— объяснила она свое присутствие.— Дежури́м по очереди. Наши врачи навещают мать два раза в день. Наготовили наши девочки чвора́чкам пеленок, простынок. Надолго всего хватит. Всем постарались их обеспечить. Эту кровать солдаты сделали. И дров завезли, а то и топить было нечем. Даже фрукты для матери достали... А теперь уходите — должны понимать: матери отдохнуть надо, она только что детишек покормила.

Совершенно бесцеремонно Зина выставила нас на улицу.

Наряду со сводками о военных действиях на других фронтах, мы теперь ежедневно интересовались здоровьем чвора́чек. В те дни тихой жизни это стало главной темой разговоров. В дом от солдат, офицеров из самых различных подразделений поступали щедрые подарки. Слали все, что могло пригодиться для четырех малюток, вообще для семьи.

Всеобщее внимание ошеломило родителей.

Даже командующий армией генерал Лелюшенко как-то посетил хутор и сделал родителям самый дорогой подарок.

По его приказанию саперы с веселой быстротой поставили просторный в три комнаты дом.

Вот какое неожиданное событие вклинилось в довольно монотонную нашу воинскую жизнь у Вислы.

Прорыв

В декабре и в январе мне довольно часто приходилось бывать в частях, которые находились на Сандомирском плацдарме за Вислой.

В подразделениях, расположенных у переднего края обороны, в эти зимние дни шла обычная, порядком всем прискучившая жизнь. Одни роты находились в обороне, сидели в окопах и укрытиях переднего края, внимательно наблюдая за противником, до которого было так близко, что в тихие дни и особенно по утрам можно было слышать обрывки разговоров на чужом языке; другие — отдыхали в уцелевших, покинутых жителями деревнях.

Изредка наши или немецкие орудия открывали стрельбу. Но солдаты обеих сторон так глубоко закопались в

землю и сидели в таких надежных блиндажах, что артиллерийские налеты особых потерь никому не приносили. Однообразие жизни еще нарушалось короткими ночными разведывательными боями. Писать о них в газете, конечно, было нельзя.

Еще в середине декабря вдруг стало пустынно на всех, оживленных до этого, магистральных дорогах, ведущих к главным переправам через Вислу на плацдарм. Немецкие воздушные разведчики, появлявшиеся в небе над дорогами трижды в день — на рассвете, в полдень и на закате короткого зимнего дня, не могли обнаружить никаких признаков передвижения советских войск. Изредка лишь где-нибудь появлялся одинокий грузовик и, пропылив несколько километров по бесснежной, сверкающей под холодным солнцем нитке шоссе, исчезал в сосняке или в деревне. Да у самой Вислы замечалось движение подвод в том месте, где польские крестьяне работали на третьей линии обороны.

Но на этих же дорогах по ночам мы несколько раз попадали в плотные «пробки». Растянувшиеся пехотные колонны, танковые и артиллерийские соединения, саперные части двигались по всем направлениям к Висле и, переправившись по мостам, растекались в густых сосновых лесах на плацдарме. Двигались отдельные роты и батальоны, батареи и дивизионы, полки и дивизии, корпуса и армии.

Все на Сандомирском плацдарме жили в ожидании предстоящих боев. Слухи о скором наступлении с каждым днем усиливались. Мы в редакции тоже говорили только об этом и гадали по карте о рубежах, на которые могут выйти наши войска, начав новое наступление.

Ночь. Опушка леса...

Мы сидим на снарядных ящиках. Ждем артиллерийского обстрела — приказ об этом получен — и догадываемся, что это начало долгожданного прорыва войсками Первого Украинского фронта обороны противника.

Валит густой снег. Такой густой, что мы словно в вате. Снегопад начался еще вечером. И, не ослабевая, продолжается всю эту долгую ночь.

Тихо... Только шуршит снег...

Мы знаем, что на всем фронте нашего наступления

сейчас стоят сотни орудий, направленных стволами в сторону противника, леса набиты пехотными войсками, танками, самоходками. Тысячи людей вот так же, как и мы, слушают легкий шорох снега, вглядываясь в белесую мглу, и ждут ту минуту, когда дрогнет тишина, расколется небо и кругом забушует пламя.

Медленно движется время. Никогда, кажется, минуты так не растягивались. Большая стрелка пехоты обходит циферблат... Час... другой... еще час... Все так же валит и валит снег... И все та же кругом немота...

...Это было подобно взрыву самой земли. Тысячи орудий разом рванули тьму огненными вспышками, и она раздалась. Казалось, что орудия стоят одно вплотную с другим вдоль всей полосы прорыва. Опушка леса вздрагивала от звуковых и воздушных ударов. Все орудийные голоса слились в единый протяжный рев, словно сотни гигантских глоток хрипли в непрерывном крике, то чуть затихая, то опять набирая силу, выплевывая пламя. Во весь горизонт заиграло зарево.

Перестал идти снег или жар тысяч раскаленных снарядов испарил его? Но небо стало огненно чистым.

Каждую долю секунды на противника обрушивались сотни тонн смертоносного металла. Сколько может длиться такое артиллерийское наступление? Прошло уже полчаса, а рев орудий не стихал. Прошел час... По-прежнему кругом ревело, дрожало и блистало... Артподготовка началась затемно, до рассвета, а сейчас потерялась граница утра и ночи. Горизонт все сильнее разгорался заревом. Артиллерийский огонь не утихал... Орудия словно вырвались из подчинения людей.

Это продолжалось два часа.

И вдруг все стихло так же внезапно, как и началось...

Серый, плотный дым поглотил окружающее, и все-таки чувствовалось, что начался рассвет. Сгинула чернота ночи. А снег продолжал валить. Теперь снова были видны его легкие перья. Ожили леса. Густыми, внешне беспорядочными колоннами, войска двинулись в сторону гитлеровцев. Гудели моторы машин. Слышался треск автоматов, хлопки гранат...

«Войска Первого Украинского фронта,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро за 13 ян-

варя 1945 года,—перейдя в наступление 12 января из района западнее Сандомира, несмотря на плохие условия погоды, исключая боевую поддержку авиации, прорвали сильно укрепленную оборону противника на фронте протяжением 40 километров.

Решающее значение в прорыве обороны противника имело мощное и хорошо организованное артиллерийское наступление.

В течение двух дней наступательных боев войска фронта продвинулись вперед до 40 километров, расширив при этом прорыв до 60 километров по фронту».

Вот торопливые строки из моей записной книжки:

«По шоссе, очищенному от мин, движется длинная колонна «тридцатьчетверок». Уральцы входят в прорыв.

Вдали слышны орудийные выстрелы.

На поле много глубоких воронок, разбитых повозок, трупов лошадей. Вдали что-то горит после утреннего арт-огня. Миновали первую полосу обороны врага: окопы, а перед ними несколько линий спирали Бруно. В окопах виднеются кучи сопревшей соломы, валяются каски, противогазы, оружие. Кое-где видны трупы солдат в шинелях мышинного цвета, мирные, спокойные... Все это уже припорошивает легкий снежок.

Воронок от снарядов все больше и больше. У второй линии обороны, проходящей по пологим высотам, покрытым редким кустарником и крупными валунами, земля лежит в многочисленных черных опалинах — следы работы «катюш». В воронках уже накопилась темная вода. В сереющем воздухе все ярче разгорается пламя пожара в недалекой деревушке, где высоко над домами поднимается тонкий шпиль костела. Расщепленные снарядами деревья ветками касаются земли. Мы входим в горящую деревушку...»

Километра на два, вероятно, вытянулась неподвижная колонна уральских «тридцатьчетверок», входящих в глубокий прорыв. Танкисты спокойно ждут, когда саперы наведут для них переправу. Речка-то вроде и невелика, да вот застряли у нее. Хорошо, что непогода закрыла в эти дни небо не только для нашей авиации. Представить

страшно, что тут могло быть, если бы появились немецкие самолеты над переправой. Такие картины мне приходилось наблюдать.

Вдоль дороги, по раскисшему полю, с трудом пробиваются два бронетранспортера, оцетинившиеся, словно дикобразы, крупнокалиберными пулеметами, между ними виллис. В колонне сразу узнают, кому принадлежит виллис.

— Конев!..

— Командующий!..

У переправы машины останавливаются. Автоматчики прыгивают с бронетранспортеров. Конев идет к речке. Навстречу к нему бежит кто-то из офицеров Уральского саперного батальона и срывающимся голосом докладывает о причине задержки.

Конев мгновенно окружают танкисты.

— Вот и опять начали войну,— шутливо роняет маршал.

Слышно каждое его слово.

— Хорошо наступление начали,— продолжает он.— Видели, как артиллеристы оборону фрицев обработали? Пробили дорогу танкистам. А вот вы, молодцы-уральцы, что-то застряли... Медленно двигаетесь,— укоряюще добавляет он.— Не торопитесь, видно, в Германию... Да и противнику даете опомниться.

Он проходит к переправе, останавливается на срезе берега, наблюдает работу саперов. Они бегом волокут откуда-то бревна, выкладывают настил моста, укрепляют ненадежный берег, насыпают землю.

— Когда же меня пропустят? — обращается ко всем маршал.

Картина разом меняется. Со всех сторон к переправе бегут солдаты, танковые экипажи и дружно включаются в работу саперов. В короткое время надежный настил был готов. Майор, командир саперного подразделения, с облегчением доложил командующему фронтом, что можно переправляться.

— Благодарю, уральцы, за службу! — громко сказал Конев.— Надеюсь, что и в этих боях вы себя прославите! Всем нам скоро быть в Германии. Давайте добивать фашистского зверя, кончать войну. Чем скорее, тем лучше для всего советского народа! — и с этими словами он пошел к своей машине.

Бронетранспортеры и виллис командующего фронтом первыми перебрались на другой берег и скрылись за холмами. За ними энергично пошли через речку все «тридцатьчетверки».

«Войска Первого Украинского фронта,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро за 15 января,— развивая стремительное наступление, 15 января овладели крупным административно-хозяйственным центром Польши городом Кельце — важным узлом коммуникаций и опорным пунктом обороны немцев, а также с боями заняли более 400 населенных пунктов...»

Я двигался с танкистами-уральцами разных батальонов. В эти дни они вели непрерывные трудные встречные бои с подразделениями 16 и 17 танковых дивизий противника, перекрывавших дороги в лесах на подступах к Кельце, пытавшихся раздробить наши силы, задержать развитие прорыва. Немцы не выдерживали удара наших бронированных сил и, теряя технику, неся большие потери в пехоте, вынужденно отходили.

Один из дней январского наступления запомнился вот чем.

Шел бой за маленький городок, очень чистенький, уютный. Там было много красивых особняков, с палисадниками, заросшими по-зимнему голыми сиреневыми кустами. Ползучие, сейчас коричневые, плети засохших роз вились по балконам и карнизам. На главных улицах и на небольших площадях, в ухоженных садочках росли высокие каштаны.

Танкисты пробивались к центру города. Там стоял большой серый, похожий на каменный куб, костел, превращенный немцами в главный узел обороны. Узкие оконца костела служили им амбразурами. Вся площадь просекалась плотным огнем. От снарядов летела каменная крошка, пули звенели, рассыпаясь по брусчатке.

Уже темнело, а бой, начавшийся днем, не утихал. Танкисты нервничали, небезосновательно опасаясь подхода свежих сил немцев с не прикрытого пока никем тыла.

На одном из зданий вблизи площади, где недавно размещалась немецкая комендатура, с уцелевшим еще фа-

шистским стягом, с черным пауком на белом фоне, на стене виднелась крупная надпись: «Да здравствует национальное государство польского народа! Долой тюрьмы и концлагеря!», а дальше следовала злобная анти-советская фраза.

Националистические лозунги, написанные по-русски, предназначенные для советских солдат, мы все чаще встречали на пути своего наступления в польских городах, освобожденных нами от фашистов. Это действовали все более активно подпольные реакционные группки, руководимые польским эмиграционным центром Миколайчика из Лондона.

Только что подбили нашу «тридцатьчетверку». Она горела на углу площади. Трех танкистов из экипажа этой машины внесли в особняк на тихой боковой улочке, окруженный фигурной металлической решеткой. Танкисты были из нового пополнения, еще не обстрелянные, только начавшие воевать. В их «тридцатьчетверку» попали две болванки. Ранения у ребят оказались тяжелыми, все они были иссечены осколками брони. Но держались молодцами.

Капитан Бутырин попросил меня:

— Побудь возле ребят за санитаром. Где-то вся наша медицина застряла. Наверное, немцы опять дорогу тылам перерезали... Если обстановка ухудшится — вас не забудем...

Танкистов положили в маленькой угловой комнате особняка, где стояли две деревянные кровати, накрытые пуховиками, а в изголовье на стене висела скорбная бронзовая фигура распятого Христа.

Дом оказался пустынным. Мы видели только молодую польку, всю в темном, словно в трауре. У нее было бледное, изможденное лицо и большие запавшие черные глаза.

Она помогла нам уложить раненых, потом принесла большой таз, кувшин с водой и полотенца. Вместе с ней мы умыли и почистили танкистов. Их лихорадило.

За окнами то ближе, то дальше доносились звуки уличного боя. Я достаточно разбирался в шумовом коде войны, разбирался почти безошибочно в калибрах орудий и минометов. Отчетливо били наши танковые пушки и легкие минометы, доносились сухие очереди автоматной стрельбы, гулко бухающие разрывы противотанковых

гранат. Но по шуму боя, искаженному улицами, нельзя было определить огневого преимущества той или другой стороны.

Горело какое-то высокое здание, в окно виднелись зловещие багровые языки, они густели, наливались все более ярким пламенем и все выше поднимались над крышами домов, развеваясь и разметываясь в полном безветрии. А в нашем доме стояла тишина.

Женщина внесла крошечную лампу-коптилку без стекла. Мы зашторили большие окна плотной бумагой, засветили слабый огонечек, и полька ушла в немоту дома.

Шли часы... Признаюсь, мне стало не по себе в этом пустынном доме на глухой улице с тремя беспомощными танкистами. Я знал, как в ночном бою порой неожиданно меняется обстановка. Кварталами домов могут поочередно владеть та и другая стороны. Бывает, что действуют и кочующие группы противника. Вот так, запросто, мы можем оказаться среди врагов, как в мышеловке.

Я прилег возле кроватей на полу и положил сбоку автомат. Прислушался... Стрельба не затихала, казалось даже, что она приближается к нашему дому.

Я захотел выйти на улицу. Входная дверь дома оказалась закрытой. Автоматом я постучал в паркет. Невнятно ступая, возле меня появилась полька. В слабом свете зарева, проникавшего сквозь застекленную дверь, лицо ее виднелось смутно.

— Ключи! — сказал я требовательно и для убедительности подергал дверь за ручку.

Она звякнула какими-то запорами и распахнула дверь. Вместе мы вышли на крыльцо. Теперь стрельба и всякие звуки ночного боя придвинулись к нам. Но и на улице было невозможно определить, как близко от нас он идет.

Полька не уходила с крыльца, кутаясь в длинную шаль.

— Ой, сколько крови льется, — сказала она с болью.

Я сам запер дверь на засов и вошел в нашу комнату. Двое танкистов смотрели на меня, третий тихо бредил, что-то бормоча непонятное, постанывая, растирая грудь.

— Далеко немцы? — спросил танкист с повязкой на голове. — Вроде потише бьют...

— Не разберу,— честно признался я.— Ты оружие на всякий случай держи поближе.

— Пистолет? — сказал он.— Со мной...

Вдруг в коридоре раздались шаги. Раненый мгновенно приподнялся и взял пистолет, я подтянул автомат.

Человек шагнул в комнату и тотчас отпрянул в коридор.

— Кто? — крикнул я.

Он ответил что-то по-польски.

В комнату проскользнула женщина.

— Пан офицер,— торопливо сказала она.— Казик... Брат...

Неожиданно танкист, державший пистолет, что-то крикнул по-польски. Мужчина ответил и вошел уверенно из коридора в комнату. Танкист и поляк быстро заговорили. Я почти не понимал их, но тон разговора был дружеский. Несколько раз было произнесено слово Варшава.

— Ты знаешь польский? — вмешался я.

— Научился,— сказал танкист.— Поляки у нас в Северном Казахстане в станице жили. Те, что в тридцать девятом году от Гитлера бежали. Ну мы, ребяташки, и научились у них...

Танкист снова спросил о чем-то поляка, тот ему ответил.

— О чем вы говорите? — спросил я.

— Он — брат этой женщины,— пояснил танкист.— Рассказывает, как немцы Варшаву уничтожали. Зажали повстанцев в кольцо, никого не выпускали и заставили капитулировать. Ему удалось через канализационные трубы пробраться... Тут в доме еще двое, его товарищи... Опасаются, справимся ли мы с немцами. Спрашивают, много ли наших в городе.

— Сомневаются? Скажи — победим... Спроси, кто на домах лозунги против нас пишет?

Они опять заговорили. Поляк в чем-то энергично убеждал танкиста.

Мне показалось, что на улице идет какое-то подозрительное движение.

— Тихо' — вполголоса приказал я.

Схватив автомат, я вышел в коридор, открыл дверь, стараясь не шуметь, и ступил на крыльцо. Поляк, который было двинулся за мной, остался в коридоре.

По улице мимо дома пробирались люди. Они держа-

лись у самой решетки. Кто? Наши? Немцы? Я мучительно всматривался, боясь как-нибудь выдать себя.

— О черт! — тихо выругался один, обо что-то споткнувшись. — Не отставать! — прикрикнул он.

Свой!.. Я облегченно вздохнул и пошел к калитке.

— Стой! — резко крикнули мне. — Кто?

— Свой...

Против меня стоял рослый солдат, тоже пытливо всматриваясь.

— Какой это свой?

Подошел старший лейтенант. Я все объяснил ему. Спросил, куда они направляются.

— К танкистам... Надо немца из города вышибать. Вот и движемся на помощь. Хотим с тыла огонька дать.

Он двинулся дальше, солдаты за ним.

Я, успокоенный, вернулся в дом. На крыльце меня ждал поляк. Вместе мы вошли в спальню.

Танкист сидел на кровати, все так же держа в руке пистолет. Он вскинулся мне навстречу.

— Что там?

— Наши автоматчики, — успокоил я. — К площади подтягиваются. Хотят с тыла немцев обойти... Так кто все-таки пишет эти антисоветские лозунги? — напомнил я.

— Не знает он, — сказал танкист. — Может, врет... Спрашивает, почему мы не признаем правительства Миколайчика.

— А ты сказал ему, что на нашем фронте сражается польская армия? Вместе с советскими солдатами бьет немцев.

— Слышал он о ней... Говорит, что не надо дробить силы. Есть польское правительство в Лондоне. Ему надо подчиняться. Зачем создавать новое?

— Поинтересуйтесь, — посоветовал я танкисту, — они все трое с оружием?

Они опять заговорили.

— Что?

— Вроде нет...

— Что же, если немцы вернутся — будут сдаваться?

— С нами собираются отходить. Тут не останутся.

Поляк постоял немного в комнате и тихо вышел.

...К утру танкисты закончили бой, выбив немцев из костела, овладели центром города. Противник в беспорядке отступил.

Капитан Бутырин, как и обещал, подъехал на машине. С ним были санитары медсанбата, нагнавшего танкистов. Забрали раненых.

К вечеру мы были от этого городка километрах в двадцати, где опять столкнулись с танковой частью противника.

Строго прямая, без малейшей кривизны, асфальтированная дорога рассекает лес. Стройные сосны, ровные, вершина к вершине, все одного возраста. Они стоят на равном расстоянии друг от друга по прямой, ни одна не выделяется из строя, ряд за рядом образуя длинные коридоры, просматриваемые от одной опушки до другой. Этот лес выращен человеком.

Колонна танков огибает неожиданное препятствие — подбитый и сгоревший «тигр». Еще один уничтоженный хищник. Борта его в жирно-черных опалинах, толстая пушка скособочена, словно ее выворачивали руками, а на броне возле люка лежат черно-бесформенные, сгоревшие вражеские танкисты.

Так поспешно немцы отступали на этом направлении, что не успели забрать или похоронить своих мертвых.

Падает легкий снежок.

Я еду на броне с автоматчиками. При виде этого «тигра», сгоревших немецких танкистов, среди солдат смолкают разговоры. Они всматриваются, стараясь разобраться, как тут проходил бой, как сумели подобраться наши ребята к этому «зверю», обложить его и уничтожить.

— И броня не помогла,— роняет кто-то замечание.

— Против самого сильного зверя можно хитрость применить,— отвечает ему сосед.

Пятый день наступления, пятый день непрерывных коротких или затягивающихся боев.

Танкисты действуют в прорыве. Так они воевали прошлой весной, когда выходили стремительным броском к Днестру, перекрыв в Каменец-Подольске пути отхода немцам. Такими же были их действия и прошлым летом, когда, разгромив противника подо Львовом, они вышли к Бугу. И сейчас танковая армия на польской земле стальным ударом рассекает гитлеровские соединения, отрываясь на десятки километров от пехотных армий, довершающих разгром врага.

Танковый батальон, с которым я проделал часть пути, останавливается в небольшом селе. Оно стоит на возвышенности в садах. Жителей почти не видно, попрятались по избам. В это село подтягиваются все подразделения Пермской бригады. Надо привести в порядок машины, произвести необходимый мелкий ремонт, заправиться горючим, пополнить боеприпасы. Подтягиваются сюда и все тылы.

Передышка короткая.

Я сижу на крыльце, отдыхаю. За домом начинается большой фруктовый сад, в голых по-зимнему ветвях его гомонят какие-то птицы, устраиваются на ночлег. Гаснет закат, темнеет небо. Так я устал, что отказался идти в дом ужинать. Хочется поскорее где-то прилечь, снять сапоги, вытянуть ноги и всласть выпаться. Все эти дни провел с автоматчиками на броне. Спали все урывками, пользуясь короткими передышками. Сегодня, во время марша, я задремал даже на броне, да так крепко, что свалился бы под гусеницу, не подхвати меня сосед.

Мне, журналисту, можно находиться при оперативной группе бригады или корпуса, где относительно легче, спокойнее, чем в боевых порядках. Но тянет быть ближе к тем, кто ведет бои. Хочется быть рядом с ними, вместе делить тяготы похода, да и ближе видеть солдата. Такое же настроение и у многих моих товарищей. Это и дает нам моральное право писать о подвигах наших солдат, офицеров.

Вчера я оказался в расположении ИПТАП — истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Командует им импозантный подполковник Шульженко — высокий, плечистый, знаменитый своей окладистой до половины груди черной бородой, словно сошедший со старинных гравюр сподвижник Кутузова по войне 1812 года с французами. Артиллеристы его полка отличились во многих боях. На их счету немало разбитых немецких танков.

Получив задание перерезать дорогу танковой части противника, которая шла на выручку к своим в районе Кельце, артиллеристы оборудовали оборону на высоте. Местность отсюда просматривалась на глубину в 5—10 километров. Всего в полутора километрах виднелись белые дома деревушки, занятой немцами, а кругом тянулись поля, прикрытые снегом, кое-где черневшие старым

жнивьем, прорезанные темными дорогами, обсаженными ветлами.

На нашей высоте стояла ветряная мельница. Кто-то посоветовал на ней оборудовать полковое КП, но подполковник Шульженко только усмехнулся.

— Лучше для немцев цели не сыскать. Да они обязательно по ней огонь дадут, вдребезги разнесут. Хороша для пристрелки! Подальше — целее будем.

Немцы готовились к серьезной атаке. Шестерка юнкерсов кинулась на высоту, основательно пробомбила ее. Наши зенитные орудия встретили самолеты плотным огнем. Поэтому этот налет потерь нам не принес. Но были неприятные минуты, когда лежали под разрывами.

Меня этот воздушный налет застиг в чистом поле. Я ткнулся в ложбинку, прижавшись лицом к земле, жарко дыша в нее, слушая отвратительный свист бомб, нарастающий с каждой секундой стремительного падения. Унижающее чувство полной беспомощности. Ты — цель... Нервы напряжены, учащенно бьется сердце. А бомбы свистят и свистят... Потом раздается глухой удар, толчок земли передается и тебе. В горло лезет пороховой дым...

Я поднялся обессиленный, когда все стихло, слышался только удаляющийся гнусавый хрип моторов немецких самолетов.

И тут же открыли огонь наши противотанковые пушки — тяжелые танки противника вышли из села и устремились к высоте. Впереди бежали немецкие солдаты. Я увидел, как болванка, пущенная немецким танком, свистя, словно плугом, пропахала землю, подняв ее острым черным гребешком.

Сидя в укрытии на скате высоты вместе с телефонистами, я прислушивался к звукам близкого боя.

Отсюда хорошо виднелась ветряная мельница, на которой предлагали оборудовать полковое КП. Она вдруг осела набок. Потом снаряд ударил в самое основание. Мельница вздрогнула и еще больше покосилась. словно не хотела умирать. А спустя минуту — ярко вспыхнула огнем. Подполковник Шульженко оказался прав: немцы не пожалели снарядов на старый ветряк.

Рев орудий, раздражающий горло запах порохового дыма. Шульженко не выпускает из руки трубки, связывающей его с батареями. Появляются и исчезают офицеры.

Атаку немцев отбили с тяжелыми для них потерями. Артиллеристы в эти два часа расстреляли 9 танков, 3 бронемашины, побили много пехоты.

Как только «тридцатьчетверки» почувствовали, что немцы выдохлись, левее высоты двинулись в село и выбили из него противника.

Наши истребители танков тоже понесли потери: две пушки были совершенно разбиты.

Тут же на поле боя я записывал рассказ парторга взвода сержанта Лебедева о том, как воевал в этот день их расчет. Шинель Лебедева темнела пятнами крови, серая кожа обтягивала острые скулы. Он оглядывался вокруг себя, все еще не веря, что тяжелый бой кончился.

— Десять танков перли на батарею, да еще две бронемашины, — хрипло рассказывал он, сильно затягиваясь дымом папиросы. — Наводчик Сергеев хорошо весь бой держался. Ну, как на стрельбище... Кричат ему: «Наводи точнее!» Он отвечает: «Есть точнее!»

Недаром считался лучшим наводчиком. Как только танки подошли, Сергеев сразу же двумя снарядами один поджег да две бронемашины в пух разбил. Поубавил немцу энтузиазма...

В плечо и грудь осколками его ранило. Мы ему говорим — уходи! А он молчит, брови сдвинул, ловит немца в цель, стрелять не торопится.

Тут еще снаряд рядом разорвался. Упал Сергеев... Я — к нему, помочь думал. Он шевельнулся, посмотрел на меня внимательно, словно хотел про что-то вспомнить и спросить, и замер — мертвый.

На его место встал Инчусигин — кореец, самый маленький в нашем расчете артиллерист. Немцы все ближе, снаряды кругом плотнее и плотнее ложатся. Минут пятнадцать Инчусигин у пушки продержался. Его осколком в живот ранило. Встал к панораме замковой Мясников. Он в нашем расчете по годам старше всех был, у него двое детей растет. И его скоро убило. Остались Туганов и я. Вдвоем продолжали немца бить. За весь расчет работали. Тут немцы саданули напоследок сразу двумя снарядами. Пушку разнесло и Туганова крепко ранило. А я вот уцелел. Скажи, даже царапины нет. Только двое нас и осталось живых. Я Туганова на себе в медсанбат притащил...

Лебедев вздыхает... Был расчет, были товарищи... Пушку потеряли, товарищи погибли... Вот только со мной он и может поделиться пережитым.

Мы долго оба молчим.

Лебедев поднимается.

— Надо пойти, — говорит он, — сдать документы ребят. Отвоевались...

Это было вчера. То село, возле которого шел бой, теперь осталось километрах в двадцати. Утром сегодня был еще один бой, но закончился он быстро. Противник потерял три средних танка, десяток грузовых машин. Наши танкисты настигли эту колонну на шоссе и с ходу разнесли ее вдребезги.

Ночью я в крестьянском доме вместе с танкистами, сплю на ворохе ржаной соломы, рассыпанной по всему полу. Спать, спать... Ночью я изредка раскрываю глаза. За окнами темно. Радуюсь, что ночь еще не кончилась и тут же снова погружаюсь в сон.

Будят нас рано. По сигналу тревоги...

В двух километрах движется колонна немецких танков. Возле комбата — командиры машин. Он излагает обстановку, ставит задачи ротам. Водители уже заводят машины.

Новый бой...

Танкисты по радио поймали сообщение, что нашими войсками освобожден Краков.

Я покидаю уральцев и попутными машинами пробирюсь в Краков.

«Войска Первого Украинского фронта, — сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро 19 января, — в результате умелого обходного маневра в сочетании с атакой с фронта 19 января овладели древней столицей и одним из важнейших культурно-политических центров союзной нам Польши городом Краков — мощным узлом обороны немцев, прикрывающим подступы к Домбровскому бассейну...»

У меня трудное положение. Сейчас я представляю газету Первого Украинского фронта «За честь Родины» и, конечно, обязан успевать с передачей информации

о самых значительных событиях. Задержавшись с танкистами-уральцами в районе Кельце и Коньске, я опоздал в Краков.

В городе стояла уже тыловая тишина. Войска, штурмовавшие Краков, ушли дальше. На перекрестках военные регулировщицы флажками указывали пути воинским транспортным колоннам. Стены домов пестрели стрельчатыми указками: «Хоз-во Томилова», «Хоз-во Кошевого», «Хоз-во Смирнова»... Десятки таких указок в разные направления. По ним, как по буйкам на обширной озерной глади, отставшие тылы, одиночные машины, офицеры, солдаты могли найти пути в свои подразделения.

В городе почти нет разрушений. Утром мы пошли посмотреть стариннейший Краковский университет, основанный в XIV веке, дворец польских королей... Задержались на вокзале, где все пути были забиты брошенными немецкими составами.

А днем слышали очередную сводку Советского информбюро, из которой узнали, что войсками Первого Украинского фронта, вступившими в пределы Германии, захвачены города Розенберг, Витшек, Ленсберг, Гутенберг...

Мы уже вступили в логово фашистского зверя. И сейчас надо как можно быстрее рассказать в газете о первых боях советских солдат на земле Германии, о тех, кто брал эти города.

Пришел долгожданный час!

Первые шаги

Легкий снег лежал на земле.

На земле Германии он был точно такой, как и на земле Польши,— легкий, чистый.

У обочины шоссе солдат заколачивал в землю дорожную указку. Обыкновенный русский солдат. Пожилой, в заношенной шапке и шинели, издавшей виды, в ботинках и обмотках. А совершал он необыкновенное.

На синем фоне дощечки, аккуратно обструганной и покрашенной, белыми буквами было указано:

«Берлин — 415 клм.»

Мы вышли из машины и ступили на землю Германии. Постояли молча.

Германия!.. Свершилось!..

Кто-то из нас спросил солдата, продолжавшего свою работу:

— Это точно — до Берлина 415 километров?

— Наш старший лейтенант никогда не ошибается, — строго сказал солдат.

— Рад, что в Германию пришел?

— А чему радоваться? Нужно — вот и пришли

— Издалека идешь?

— С Вологды... Наше село называется Озерки... Я до этой проклятой Германии три с половиной года иду. Три брата нас пошли, да только мне вот одному удалось дойти. Лихо же тут придется фашисту! Теперь, небось, плачется, что нашу землю топтал без всякой жалости. Сколько разоренных мест оставил, сколько семей осиротил. За все теперь ответит.

По справедливости будем наказывать...

«За десять дней наступательных боев — с 12 по 21 января — войска Первого Украинского фронта, — сообщала оперативная сводка Советского информбюро 22 января, — нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике: уничтожено танков и самоходных орудий — 480, орудий — более 900, бронетранспортеров — 420, автомашин — свыше 15.000. Противник потерял только убитыми свыше 60.000 солдат и офицеров.

За это же время войска фронта захватили следующие трофеи: танков и самоходных орудий — 254, орудий — 1580, минометов — свыше 2500, бронетранспортеров — 224, автомашин — 6500, паровозов — 22, железнодорожных вагонов — 1200 и большое количество разных складов с продовольствием и военным имуществом и крупные артиллерийские склады. Взято в плен более 21.000 солдат и офицеров...»

Эти потери немцы теперь несли на своей земле.

Чувство гордости преобладало над другими в те первые минуты, когда мы стояли на немецкой земле рядом с русским солдатом из Вологды. Гордость за великий подвиг всего нашего советского народа, гордость за русских солдат, которые дошли до фашистской земли

К этому примешивалось любопытство. Что же это за страна, Германия, начавшая с нами войну? Что же это за фашистское государство, источник кровавого зла?

Белые флаги

— Можно ехать в Берлин? — спросили мы солдата.

— Валяйте, — понял он шутку. — Только учтите, что там еще немец.

Машина шла по асфальтированному немецкому шоссе, которое стало теперь нашей военной дорогой. Я жадно всматривался в открывавшееся лицо Германии. Поразителен был внешний контраст: в Польше, которую мы только что оставили, убогие крестьянские дома, кое-как накрытые соломой, и каменные — тоже крестьянские! — особняки, крытые красной черепицей, в Германии. Нищета и богатство!

— Богатые, черти, а пошли нищую Польшу завоевывать! — осуждающе сказал наш водитель.

Приграничная с Польшей Германия, которую мы пересекали хмурым январским утром, встала на колени перед русским солдатом. Во всех сельских домах, в пивных и гостиницах, которые встречались в каждом селе, из окон, слуховых окошек чердаков свешивались большие и малые капитулянтские флаги. Некоторые из них были явно простынного происхождения. И ни одного жителя. Они заранее покинули дома, предупрежденные о нашем наступлении. Боялись встречи с нами. Покидая села, выбрасывали, словно моля о пощаде, белые флаги.

Брошенный скот бродит по зимним полям. Племенные черно-белые коровы, с просторным выменем, отягощенным молоком. Они внимательно и печально смотрят большими глазами на дорогу, по которой идет движение воинских машин. Слышится их хватающий за душу рев.

В одном из сел мы останавливаемся. Заходим в дом, занятый нашими солдатами. Они чувствуют себя тут хозяевами. На столе жареная гусятина, банки с компотами, консервированными ягодами и фруктами.

— Где же хозяйева? — спрашиваем солдат.

Отвечает старший сержант. Он тут за главного.

— Никого нет. Сбежали...

— И весь скот бросили?

— Зачем? Коней, например, всех увели. Ни одного

коня в селе не осталось. А как бы нам они сейчас нужны были. Свои-то копыта посбивали.

Сержант показывает нам дом. Три комнаты обставлены лакированной мебелью, мягкие кресла, диван, деревянные кровати. Бельевые и одежные шкафы. Изразцовые печи. В шкафах много всякой стеклянной посуды, хрустальные рюмки, фужеры, фарфоровые сентиментальные фигурки. Мещанский уют.

Выходим со старшим сержантом на просторный скотный двор. Он весь зацементирован. Большие помещения, приспособленные для стойлового содержания скота. Сделаны желоба для стока навозной жидкости в компостную яму. Насосный колодец. Все выглядит добротно.

— Неплохо жили, — одобрительно замечает старший сержант. — Не поймешь, кто хозяин — кулак или крестьянин. Двенадцать коров держал, да овец, свиней. Вон коптильня у него в том углу... И чего им еще надо было? Своего добра полно да еще и чужое к рукам прибирали. Мои хлопцы тут украинские рушники нашли — десять штук. Конечно, грабленные...

Мы выходим на улицу.

— Германия... — задумчиво говорит старший сержант. — Пришли... Но еще не познакомились — какие у фашистских солдат матери и отцы? Сбежали! А куда? Все равно придется домой возвращаться, знакомиться...

Мы останавливаемся у пивного дома. В низеньком зале длинный деревянный стол, стойка с медным насосом, на полках ряды кружек. Тут тоже наши солдаты. Обедают.

— Хотели немецкого пивка попробовать, — говорит старшина. — Да не нашли.

Заходим в местную гостиницу. На двух этажах восемь небольших комнат. Кровати все застланы, словно готовы принять гостей. Внизу в комнатах хозяев та же чистота. Солдаты бродят по комнатам, но ничего не трогают. Только сорвали со стены портрет Гитлера, и он валяется на полу, истоптанный солдатскими сапогами.

Розенберг — первый немецкий город, который я увидел на пути к Одру.

На центральной площади его — памятник немецким солдатам, погибшим в первой мировой войне. Тяжелый

массивный крест, с именами солдат на цоколе. Потом подобные памятники мы видели не только во всех городах, но и во многих селах.

Возле него стоит наша военная регулировщица, хрупкая девчушка в мешковатой шинели, тяжелых кирзовых сапогах, с покрасневшим от знобкого ветра носишком. Флажками она указывает шоферам проходящих через площадь машин поворот на шоссе к Одеру.

Оставив машину на площади, мы пошли знакомиться с немецким городом.

Тут, как и во всех селах, через которые мы проехали в этот день, нет ни одного жителя. Пустой город! Брошенный! С теми же, во множестве, белыми флагами капитуляции. Наших частей в Розенберге нет — они, не задерживаясь, ушли к Одеру, где сейчас идут ожесточенные бои.

Заходим в жилой дом на площади. По деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж и вступаем в пустую квартиру. Передняя, вешалка, на которой висят мужские и женские пальто. Деревянная стойка для палок. В ней стоят несколько различных тростей, выделяется одна массивная, в узловатых сухожилиях древесины, видно какого-то редкого дерева, вся в белых и бронзовых металлических бляшках с изображениями тех курортов и туристских приютов, где с ней успел побывать ее хозяин. Палку забирает наш шофер. Хотя и зачем она ему? Говорит — на память. Шляпная полка. Среди шляп разных цветов и фасонов лежит зеленая тиролька, с длинным ярким пером какой-то экзотической птицы.

В квартире нет никаких следов поспешного бегства ее хозяев. В комнатах чисто, не видно ни одной брошенной впопыхах вещи, бумажки, обрывка веревки. Цветные кафельные плитки печей еще хранят тепло. На кухонном столе на тарелках остатки завтрака, лежат ножи и вилки, бумажные салфетки. Ощущение такое, что хозяева только на минуту вышли из-за стола, сейчас вернуться.

Гулко бьют часы. Мелодичным звоном им отвечают часы в соседней комнате, третьи — на кухне. Тишина в доме и на улице, слышен только бой часов. Страшен он в квартире, брошенной хозяевами.

Кто они? Чем занимались? Нет ничего, что могло бы помочь это выяснить. Обстановка состоятельных людей, шкафы полны всякой одежды, обуви. В самой большой

комнате стоит стол, покрытый плотной русской льняной скатертью, вокруг полумягкие стулья, у стены пианино. В книжных шкафах среди всяких переплетов видны книги Гитлера и Розенберга. Потом мы их встречали в каждом доме. На стене большой цветной портрет Гитлера.

И в этой же комнате на стене — большая карта. Мы задерживаемся возле нее. На ней крохотными флажками отмечены те крайние границы нашей страны, куда дошли немецкие солдаты. Там и Сталинград и горы Кавказа. Другие флажки показывают линию фронта на середину января 1945 года. Вот чем жили хозяева этой квартиры! С какими же чувствами отмечали они, как катит на Германию восточный вал? Они видели, как неотвратно русский солдат приближается к Германии.

Мы выходим из этого дома и заходим в соседний. Почти то же самое и в другой квартире. Такая же мебель. Чистота и порядок. Тепло кафельных печей, идущие часы. В третьей и четвертой квартирах, в пятой... Одинаково... Однообразие даже подавляет.

Тут, как в сказке Пушкина «О спящей царевне и семи богатырях». Остановилась жизнь. Только за стенами домов она напоминает о себе. Там через площадь, огибая массивный памятник мертвым немцам, проходят колонны наших грузовых машин, догоняющих части, ушедшие вперед и, повинаясь флажкам регулировщицы, не задерживаясь в брошенном немцами городе, сворачивают на шоссе к Одру.

Таковыми ли оставались наши города после отступления немецких солдат? Я вспоминаю разбитые и сожженные города Подмосковья, сметенный начисто старинный Карачев, развалины Орла, разрушенный Крещатик в Киеве и многие, и многие другие.

...Темнеет. Надо где-то устраиваться на ночлег в пустом немецком городе.

Советуемся с регулировщицей. Она разговаривает, ни на минуту не прекращая указывать фонариком путь проходящим машинам.

— Занимайте любой дом, — хозяйски разрешает она. — Выбирайте, где вам больше нравится.

Нам хочется поближе к своим.

— Какие-нибудь воинские части тут есть?

— Никого... Только наши девушки.

Она указывает, где разместилось дорожное подразделение. Этот дом окнами выходит на площадь.

Темный коридор ведет куда-то в глубину. Я открываю дверь и невольно прячусь, решив, что ошибся, не туда попал.

В большой и ярко освещенной комнате играет патефон. Танцуют девушки. Их много, все хорошо одеты. Стройные, юные. Глаза ослепляет пестрота красок платьев. Я давно отвык от прелести девичьих улыбок, звонких голосов.

Да что же это такое? Куда мы ввалились?

Спустя минуту все разъяснилось. Капитан, командир этого дорожного подразделения, несколько смущенно поведал:

— Тут неподалеку обнаружили магазин женского платья. Большой, в три этажа. Все там имеется. Даже женское белье. Разрешил открыть его. Вот наши девушки слегка и прибарахлились. Обрадовались, что хоть вечер могут гражданскими повеселиться, показаться, какими они могут быть. Забыли мы на войне, что девушки бывают не только в шинелях и сапогах. Видите, какие они все хорошенькие в платьицах, туфельках и чулочках. Русские красавицы! Сам никого не узнаю. Ведь мы с ними из-за Днепра шагаем. Довели они наши войска до Германии...

Капитану девушкигодились в дочери. Он и смстрел на них с отцовской нежностью, довольный, что смог доставить им кратковременную радость. Честное слово, наши девушки заслужили право на нее. Наравне с ребятами они несли все тяготы солдатской службы, выполняя ратный труд, для них неизмеримо более тяжелый. Пусть хоть на один этот вечер они позабудутся, увидят себя иными, обретут свое настоящее лицо.

Ночевали мы в этом же доме на втором этаже в одной комнате с капитаном.

Среди ночи я проснулся. Капитан одевался.

— Что случилось?

— Ничего... Тревожно вдруг стало... Город-то немецкий... Надо взглянуть, как там мои...

Я оделся, и мы вместе вышли на улицу.

Черная площадь, черные дома... Тяжело гудели проходившие через площадь машины. Маленькой звездочкой сверкал фонарь регулировщицы.

Мы подошли к ней.

— Аня, как дежурство? — спросил капитан.

— Спокойно, — отозвалась девушка.

— Замерзла?

— Немножко.

— Жители не показывались?

— Ни одного.

Издали послышалось нарастающее гудение новой колонны. Все ближе, все слышнее. На площадь вступили тяжелые машины, тащившие крупнокалиберные орудия частей резерва главного командования.

Они проходили мимо нас, обдавая жарким дыханием отработанного топлива.

Аня, сдав свой фонарик напарнице, стояла рядом.

— Идут, идут... — возбужденно сказала она. — Сколько же у нас войск!

Мы с капитаном пошли по черной улице в сторону от площади, держась у стен домов.

Другой регулировочный пост располагался на окраине Розенберга возле какого-то мрачного фабричного здания. Там тоже стояли девушки, указывая потоку машин фонариками направление к Одере.

— Как у вас? — спросил капитан.

— Полный порядок! — бодро ответили девушки.

— Немцы были?

— Ни души. Только кошка мяукала.

Мы с капитаном побывали и на других ночных регулировочных постах.

— Все как во сне, — сказал капитан. — Германия!.. Вот он немецкий город. Как долго все мы ждали этот день... И пустой!.. Так и дальше будет? Где же она, Германия?

Был и одновременно не был немецкий город Розенберг. Стоял он мрачный, брошенный своими людьми. Но жизнь в нем шла. Наша жизнь! Через него катила лавина советских войск, поспешая к тем, кто сейчас сражался на Одере. И те солдаты, что проезжали через Розенберг, с любопытством вглядывались в первый немецкий город на их пути. Но им некогда было получше всмотреться в него.

Война торопила их вперед и вперед.

Все солдаты думали об одном:

Дошли до Германии!

А сколько же теперь осталось до Берлина?

Хотя все они, вероятно, видели указку, вбитую русским солдатом на немецкой земле,— до Берлина 415 километров.

«Войска Первого Украинского фронта, продолжая наступление,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро 6 февраля,— форсировали реку Одер юго-восточнее г. Бреслау (Бреславль), прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на западном берегу реки и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до 20 километров, расширив плацдарм до 80 километров по фронту».

Расплата

По хрупкому льду я перехожу Одер. День стоит хмурый и сырой, с неба то сеется дождь, то начинает густо валить снег. Правее по бревенчатому настилу поверх ненадежного льда переправляется на плацдарм артиллерийская часть. Для маскировки на длинные пушечные лафеты и стволы наброшены тюлевые полотнища. Тянется прямо по льду рядом с переправой длинная цепочка автоматчиков. Почти все солдаты ведут за ручки велосипеды самых разных марок и фасонов. Среди них попадаются туристские на двух и трех седоков, гоночные, даже изящные дамские. Многие пехотины в эти дни перешли на такую механизированную тягу, благо войска теперь движутся по многочисленным хорошим асфальтированным дорогам, а брошенных жителями велосипедов полно в каждом селе. Попадались и воинские склады с ними. Что ж, хватит месить сапогами грязь, надо дать отдых солдатским ногам, которым предстоит еще дошагать до Берлина. Немцы прикатили в Россию на велосипедах, рассматривая войну с русскими чуть ли не увеселительной поездкой. Теперь на немецкие велосипеды садятся русские солдаты.

Есть в этом определенная символика.

Артиллеристы торопятся с пушками на другой берег. А на шоссе их подпирают «тридцатьчетверки», ожидая, когда артиллеристы освободят переправу. Броня танков тоже в тюлевых накидках. Трофейный тюль взят прямо с фабричного склада.

Такую картину я наблюдал в февральские дни 1945 года на Одере.

Мы врываются в глубину Германии.

За Одером на высоком холме, окруженном столетними дубами, виднеется темный старинный замок, с угловатыми зубчатыми башнями — массивный, внушительный. Замок — крепость! На одной из башен на легком ветру плещется Красное знамя. К узким воротам от берега идет крутая асфальтированная дорога. Я захожу в замок по подвесному, на тяжелых цепях, мосту, перекинутому через глубокий ров.

Уральских танкистов я нахожу в большом мрачном полуподвальном зале, с закопченными каменными стенами, с таким большим камином, что в него, наверное, можно укладывать бревна. На стенах виднеются массивные крючья, с потолочных балок свешиваются цепи. Свет проникает сквозь щелястые прорези в толще каменной кладки. Средневековье! На длинном и широком рыцарском столе лежит карта, по которой полковник Фомичев и его штабники намечают пути движения танковых колонн бригады.

— Замки стали брать! — весело восклицает Фомичев. — В истории Германии начали хозяйничать. Посмотри, полюбуйся, есть на что взглянуть.

По винтовой каменной лестнице в узкой башне я поднимаюсь на верхний этаж. В просторном зале в три ряда стоят застекленные музейные стеллажи. Вероятно, редчайшие собрания фарфоровых изделий, серебряных и, наверное, золотых. На стенах висят полотна каких-то батальных сцен, многочисленные портреты военных. Много старинного оружия. Таким стремительным было наше наступление, что немцы не успели эвакуировать замковые ценности.

Нужны бы часы для осмотра выставленного. Но разве сейчас время для этого? Я только прошелся вместе со старшиной Иваном Кургузовым, командиром противотанкового артиллерийского расчета, вдоль всех стеллажей и по той же внутренней винтовой лестнице спустился в полуподвальный этаж с сожалением о том, что это ценное собрание может погибнуть в результате какой-нибудь случайности.

Со старшиной мы выходим в узкий дворик и садимся на каменную скамью.

— Вроде война к концу идет,— говорит Кургузов.— Все еще не верится, что мы в Германии. Немец теперь хлипкий стал. Сильного боя не выдерживает. Не тот, что был в сорок первом, да и в сорок третьем... И тут со страхом к нам... Вчера вскочили в село. Бой уже закончился. Заходим, а немцы — старики, старухи, детишки — навстречу. Руки подняли! В плен сдаются!.. — Кургузов громко смеется, добрая улыбка расплывается на лице. — Теперь и о доме стал думать — все же вернусь!.. Кончается мой солдатский срок.

Он у него немалый. Для Ивана Кургузова война началась в 1939 году. Он был в числе тех солдат, что лютой зимой 1939 года взламывали линию Маннергейма на Карельском перешейке. Потом короткий перерыв и — война с немцами. В Уральский корпус Кургузов пришел в 1943 году в Березниках, где после тяжелого ранения лежал в госпитале. Хорошо воевал на Орловщине, под Каменец-Подольском, во Львове, на Сандомирском плацдарме.

Тут он шел в тех передовых группах, которые форсировали Одер, захватывали плацдарм, а потом удерживали его, пока саперы наводили переправы для наших войск.

Я прошу старшину рассказать, как они захватывали плацдарм.

— Злости у ребят много накопилось,— говорит Кургузов,— Воюют отчаянно. В Германии у нас словно сил прибавилось. Немец, гад, это чувствует... Злого лиха нашему народу много принес. Теперь, когда горят его города и села, видит, что такое война на родной земле...

Приказ форсировать Одер нам ночью отдали. Собрались мигом... Вышли к реке, туман, да такой густой, что ни черта не видно, никаких ориентиров. Так ребята Одер сначала ногами пощупали. Вернулись и докладывают: кисель ледок. Но если рывком, то можно проскочить... Так и двинулись на рысях... Лед гнется, трещит, вода брызжет, а мы дуем без остановки... А как выскочили на твердое, так сразу всем легче стало... Немец тут на берегу самоходок натывал... Засады расставил... Верно, надеялся, что не пропустит нас, столкнет обратно на лед.

К одной самоходке кюветом с километр подбирались, потом открытым полем на руках пушку тащили. Только

заняли огневую, а немец и заметил нас. И сразу огонь... Снаряды ложатся рядом, осколки свистят... Мы тоже труса не играем. Пятью снарядами заставили ее замолчать... Трижды немцы в контратаку поднимались, однако наших на плацдарме все больше и больше. И дрогнули, собаки... Пятиться начали... А тут и танкисты подошли... Те их и доколачивали...

Да, вроде обыкновенный бой... Но шел он на немецкой земле. И у всех солдат после каждого боя приподнятое настроение: бьем и побеждаем немца на его земле.

Дорога идет правым берегом широко разлившегося в весеннем мутном половодье бурного Одера. Стоит яркий солнечный день. В низинах, в канавах вдоль шоссе, в бороздах на полях весело сверкает талая вода.

Вдали показывается красными черепичными крышами и пиком кирки деревня.

По вязкому полю, которое разрезает прямое шоссе, ходит множество гражданских людей, очевидно местные жители. Заняты каким-то делом. Нагибаются, что-то поднимают с земли, укладывают на носилки и с ними двигаются в одном направлении — к овражку, где растут ветлы. У обочины шоссе стоят трое наших старых солдат и наблюдают за непонятной для нас работой немцев.

Наша машина останавливается возле солдат и в лицо нам ударяет сильный тошнотворный трупный запах.

— Что у вас тут? — спрашиваем солдат.

— Немцы своих мертвяков убирают, — отвечает один из них.

Все трое оказались из похоронной команды. Известно, что в эти команды попадали солдаты, зачисленные в нестроевики по ранениям и хроническим болезням, самые пожилые, уже не способные к армейской службе, годные только для тыловой работы. Эти дядьки такими и выглядели. У одного из них лицо было перекошено шрамом через щеку, отчего его правый глаз как-то странно полужакрывался и все время истекал слезой. Второй был не только хром, но и с обгорелыми кистями рук. А у третьего на лице, покрытом какими-то розовато-белыми пятнами, глаза были палиты дремучей желтизной. Они были даже не в шинелях, а в коротких хлопчато-

бумажных ватных заношенных до крайности куртках. Этим солдатам пора бы на покой, а они все еще на войне, продолжают нести солдатскую службу.

Мы выходим из машины.

На талой земле, где всюду проступает какая-то ржавая вода, от которой тоже, казалось, исходит зловоние, виднеются во множестве трупы в мышастых шинелях. Валяются каски, всякий железный военный хлам. Ближе мы подступать не решаемся. Да и зачем? Разве мало мы видели трупов? Молча смотрим на поле минувшего боя, мысленно стараясь представить картину того, что тут происходило.

Пожилые немцы и немки, убравшие трупы своих солдат, прежде чем поднять мертвое тело, выворачивают все карманы в брюках, кителях, шинелях, вынимают документы, мелкие вещи и складывают в одно место. Работают они медленно, угнетенно. С какими чувствами смотрят они на мертвых? Ведь одно дело просто знать, что где-то далеко от дома погиб близкий и там похоронен. А тут они видят своих солдат, сынов на своей земле, возле своего дома.

Конец надеждам, конец грабежам, конец гитлеризму.

— Где же вы их хороните? — спрашиваем мы у солдат.

— А вот там у деревьев общую могилу вырыли, — показывает он. — Там и складывают. Сами не догадались, что нужно убрать. А может боялись без нашего разрешения. Уж пухнуть начали под солнцем, зараза пошла...

Мы еще немного наблюдаем за этой страшной работой, потом садимся в машину и едем дальше.

Я вспоминаю многочисленные немецкие кладбища на русской земле под Старой Руссой, возле сел Подмоховья, на Орловщине. Немцы словно кичились своими порядками во всем. Аккуратные рядки могильных холмиков, выложенные по шнуру, одинаково аккуратно сделанные кресты из русской березы, на каждом дощечка, где указаны имя, воинское звание мертвого, даты рождения и смерти. Орднунг! Немцы показывали нам, что и на войне соблюдают строгий порядок, не забывают своих мертвых солдат.

Теперь другой орднунг! Вот как теперь умирают немцы! Вот как теперь хоронят их! Далеко от русской зем-

ли на своей немецкой. Сюда докатилась волна народного гнева.

Пусть же это видит вся Германия! Пусть запомнит такие уроки! На долгие времена!

Сюрпризы в гильзах

Бой, тяжелый бой... Отвоеван у немцев на немецкой земле еще один немецкий городок среди многих в Германии. В оперативных сводках Советского информбюро теперь сообщают не столько о взятых населенных пунктах, сколько о городах...

...Утром раздался последний выстрел. Бой шел всю эту ночь. Особенно упорным он был на западной окраине, где стояли прочные, словно для войны и сложенные корпуса шелкоткацкого комбината. Там немцы, стянув все наличные силы, вели круговую оборону. Кирпичные стены плохо поддавались артиллерийским снарядам. Решающую роль выполнили «катюши». В темноте, подойдя на возможно близкую дистанцию, они «сыграли» траурный марш фейерверочным залпом реактивных снарядов, которые точно попали в центр комбината, лишив немцев самообладания, сломив их волю. Танкисты, обрушив стальные глухие ворота, ворвались через каменный сводчатый проход на площадь. Автоматчики ринулись к подъездам цехов, блокируя все выходы.

Ночной бой завершился, немцы выходили, бросая на асфальт оружие и высоко вытягивая руки.

Их отправляли в заводской сарай.

В эти дни боев в Германии в жизнь танкистов ворвалось непредвиденное событие.

С далекого Урала, из Перми, приехали гости и привезли подарки от рабочих коллективов и колхозников области.

Но встретить дорогих гостей с армейским гостеприимством не было возможности. «Тридцатьчетверки», несколько часов назад вышедшие из боя, занимают всю длину узкой городской улицы. Экипажи заняты сборами. Им предстоит значительный марш, точнее — энергичный бросок к другому узлу сопротивления гитлеровцев.

Члены делегации, пожилые двое мужчин и женщина, обходят машину за машиной и вручают пакеты со скром-

ными дарами Урала. В них — папиросы, флаконы одеколona, носовые платки, бритвенные приборы, расчески, всякая другая мелочь. Танкисты со стесненностью принимают эти дары.

Сейчас, в Германии, где им попадает так много всяких трофеев, они ни в чем не испытывают нужды. А дома, в тылу, все это нужнее, необходимее.

Произносятся простые и сердечные слова:

— Боевых успехов вам, товарищи!

— Завершайте войну!

— После победы — на Урал! Будем вас встречать...

У худенькой женщины, повязанной простым платком, грустное, расстроенное лицо. Она мечтала повидаться с сыном, башенным стрелком, а он оказался в другом батальоне, который сейчас ведет бой где-то километрах в восьмидесяти от этого города. Так и придется уехать матери домой, не повидав сына.

На соседней улице грузовики, идущие в тыл за боеприпасами, продовольствием и всяким военным имуществом, загружаются медными длинными снарядными гильзами, расстрелянными в боях за этот город. Там, на далеких заводах, по количеству этих гильз смогут наглядно представить, как много нужно боеприпасов даже для одного боя.

Возле машин идет непривычная веселая суетня. Танкисты, обычно равнодушно и беспечно относившиеся к сбору и отправке в тыл гильз, в этот раз сами таскают их охапками, торопя и подгоняя друг друга.

Дело в том, что члены делегации везли танкистам и иные подарки — несколько вагонов с боеприпасами, сделанными на заводах сверх государственного задания. Теперь эти вагоны будут загружены гильзами. Кому-то в голову пришла счастливая мысль: послать свои подарки в тыл. Ответить уральцам.

В одном из боев танкистам достались большие трофеи. Ящики чулок, дамского и детского белья, верхней одежды, нижней. Просто тюки всяких цветных материалов.

Разве танкисты не имеют права распорядиться частью трофеев? Так легко вещи могли погибнуть в огне. Надо снарядить всем этим пестрым трикотажем пустые снарядные гильзы. Они попадут в руки девчат и женщин, работающих на военных заводах. Какие это будут для них нужные подарки! Ведь трудно сейчас на Родине

с вещами. Все выдается строго ограничено, по карточкам. А эти трофеи — для детей, девушек, женщин.

— Передадите, какие это гильзы? — спрашивают танкисты членов делегации. — Проследите за ними?

Те улыбаются, обещают.

И на лице женщины, которая, видимо, примирилась с тем, что не увидит сына, тоже появляется слабая улыбка.

Пишутся короткие записки и закладываются в тугие матерчатые свертки: «Шлите больше снарядов — скорее добьем Гитлера!», «Шлем гвардейский привет из фашистской Германии!», «Добьем Гитлера!», «Помогайте взять Берлин!»

...Грузовики загружены, трогаются в путь.

Мы стоим и смотрим, как длинная колонна машин удаляется по шоссе. Снарядные гильзы несут привет далекому тылу от уральских солдат, которые пришли в Германию и торопятся окончательно разгромить врага.

«Войска Первого Украинского фронта с боями овладели, — сообщается в оперативной сводке Советского информбюро от 31 марта, — городами Ратибор и Бискау — важными узлами дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев на левом берегу Одера, а также с боями заняли более 50 населенных пунктов и среди них Братш, Тюрмитц, Хохкретшам, Катшер, Тром, Заудинц, Вейяндорф, Хоенбиркен, Пшув, Рыдультау...»

Идем по Германии

Мне не спится.

Сегодня после длительного пребывания в танковых войсках я вернулся в редакцию с запасом материалов в блокнотах. Теперь надо отписываться, рассказывать, как воюют наши танкисты в Германии. Пока я буду писать, наши войска продолжают штурмовать немецкие города, все больше втягиваясь в Германию и все больше приближаясь к Берлину.

Поэтому хочется поскорее сдать в газету все материалы и вернуться в войска.

Редакция расположилась на высоком берегу Одера в просторном двухэтажном богатом доме сбежавшего владельца кирпичного завода Ганса Цомака. У реки на бе-

регу видны длинные штабеля красного и белого кирпича, красной черепицы, низкие сушильные сараи, здание обжигового цеха и черные бараки, обнесенные колючей проволокой, в которых жили украинские девушки, привезенные сюда для рабского труда.

Я поселился не в роскошном особняке заводчика, где жило большинство офицеров редакции, а в крошечном — на две комнаты — домишке садовника в дальнем углу обширного яблоневого сада.

Как много я увидел всякого за эти дни!

Ошеломленная, потерявшаяся Германия!

До этих месяцев немцы все еще на что-то надеялись, верили в силу немецкого солдата, во всяком случае не ожидали, что русские придут в их дом. Фюрер и его подручные продолжали заверять в непобедимости вооруженных сил немецкого рейха.

А русские солдаты с берегов Оки и Волги, Дона и Днепра, из русских лесов и степей, с гор Кавказа пришли в Германию и перешагнули за Одер. Пришли уральцы и сибиряки, орловцы и волжане, донцы и кубанцы, грузины и армяне, казахи и узбеки. Пришли солдаты даже маленьких народов крайнего Севера. Все народы огромного социалистического государства, на которое смертоносной войной замахнулась клика Гитлера.

Наступил час возмездия!

Мелькают в памяти картинки, сценки, встречи, вспоминаются разговоры, беседы...

Не моя задача описывать блестящие операции танковых войск Первого Украинского фронта в Силезии и на Одере. Это задача военных историков. В этих записках я хотел только передать читателю те подробности, свидетелем которых я стал, разделяя жизнь солдата, стараясь пером журналиста помогать ему воевать.

...Вечерний марш танковой колонны проходит спокойно. На нашем пути — три городка. По данным разведки, войска противника находятся юго-западнее, за сильными узлами сопротивления, подготовленными ими на пересечении шоссе и железных дорог. Танкистам предстоит обойти с тыла эти узлы и ударить по немцам, отрезая им пути отхода. Устроить небольшой «котел». Они стали привычной практикой.

Сеет мелкий бодрый дождь. Смутными тенями мимо проплывают деревья, которыми по обеим сторонам густо

обсажено шоссе. Переднюю машину мы видим только по двум крошечным красным бортовым фонарикам. Около десяти вечера, в сырой тьме, без единого выстрела, не встретив противника, танки втягиваются в город. Он стоит сумрачный, тихий, без единого огонька. Только слышится скрежещущий звук гусениц о скользкую брусчатку, да на повороте загудел вдруг чугунный фонарь, поваленный нерасторопным водителем «тридцатьчетверки». Чугунный звон гулко прокатился в улицах. Под гусеницами танков, которые дробили осколки чугуна, слышался хруст, словно они мололи сухари.

Обманной и коварной кажется эта тишина вражеского города. Автоматчики, плотно прижавшиеся к броне, держатся настороженно, готовые открыть огонь, вступить в бой.

На центральной площади, окруженной зданиями повыше, с обязательной кирпичой, угадываемой по ровным высоким стенам, узким щелям окон, внезапно распахиваются две широкие двери, ослепляют нас полосами электрического света. Он отражается в лужах, мокром асфальте тротуара, выхватывает из тьмы густую сетку дождя. На фасаде отчетливо блестит вывеска кинотеатра, хорошо видны цветные рекламные афиши. Из распахнутых дверей на улицу густо плывут зонтики, заполняют собой тротуар. Немцы, увидев огибающие площадь боевые машины, скапливаются все больше и больше. Укрывшись зонтиками, они безмолвно наблюдают, как танки проходят мимо.

Для нас появление толпы в ночном городе было такой же неожиданностью, как для немцев прохождение танков.

Из толпы звучный мужской голос кричит что-то ободряющее.

Тут только до нас доходит, что советские танки горожане приняли за немецкие.

И тут с одной из машин, из темноты раздается могучий русский бас:

— Гитлеру капут!..— Через секундную тишину.— Пролетари аллер лендер, берейтех ойх! — знаменитый клич коммунистов всего мира, который многие из нас запомнили по учебникам немецкого языка.

Среди раскрытых зонтиков раздается истерический женский вопль. Застучали по тротуару десятки каблучков.

Толпу как ветром выметает с площади. Несколько брошенных зонтиков катятся по мостовой. А в полосах электрического света, падающих из зала кинотеатра, через площадь все продолжается шествие наших машин.

Не замедлив движения, уральцы, не сделав в городе ни одного выстрела, но посеяв в нем страх, выходят на другую окраину, продолжая свой марш.

Было так. Но было и другое...

Бой в Хеберсдорфе начался до рассвета и закончился к полудню. Но какой! Когда он закончился, полковник Сергей Алексеевич Денисов, командир Пермской танковой бригады, человек вообще сдержанный, сказал:

— За один такой бой я всех бы орденами наградил.

Немцы в Хеберсдорфе потеряли 7 тяжелых танков, 9 самоходок, 8 орудий, 63 автомашины, 20 бронетранспортеров. Все это валялось грудой искореженного и сгоревшего металла в самом Хеберсдорфе и на подступах к нему. Тут нашли свою смерть более 700 гитлеровских солдат и офицеров. 3 тяжелых танка, 21 орудие, 12 тяжелых орудий, 810 автомашин, более 2000 винтовок и 200 пулеметов достались нам исправными.

Но понесли потери и уральцы. Несколько «тридцатьчетверок» напоролись на прямые с замаскированных позиций снарядные удары тяжелых самоходок, от ударов которых крошится металл и мгновенно взрываются боеприпасы. В уличном бою погибла еще одна «тридцатьчетверка». Сгоревшая машина стояла на углу двух улиц, броневые бока сквозили оплавленными дырами, словно ее прожигали автогенем. Из экипажа двое были убиты, рядом с танком — трое наших мертвых автоматчиков.

Это сделали немецкие фаустпатронщики из группы фолькштурмистов, сидевшие в засаде. Их, охотников за нашими танками, собранных из гражданского населения, все больше появлялось на пути наступления. Они били из окон домов, притаившись на всех этажах и на чердаках, из-за угла.

Левое крыло длинного, в три этажа темноватого здания гестапо было разбито нашими самоходчиками и танкистами. Здесь тоже сидели фаустпатронщики и пулеметчики. Несколько мертвых немецких солдат лежали на ступенях широкой центральной лестницы. В правом крыле, относительно уцелевшем, в коридорах и комнатах, заставленных канцелярскими шкафами и сейфами

во всю высоту стен, валялись вороха бумаг, какие-то анкеты с фотографиями, всевозможных цветов папки, толстые скоросшиватели, разбитые пишущие машинки и всякий иной канцелярский хлам. Его топтали танкисты и солдаты, бродившие по этому зданию с достаточно мрачной славой.

Полковника Сергея Алексеевича Денисова я увидел в одной из комнат правого крыла здания. Здесь тоже было много канцелярского мусора, выброшенного из разбитых сейфов и шкафов. Полковник, с серым от усталости лицом, сидел хмурый, расстроенный потерями, понесенными в этом бою бригадой.

Допрашивали пленных немецких офицеров.

Денисов сидел в стороне, казалось, безучастный к этому допросу, погруженный в свои мысли.

Вошедший офицер доложил ему, что могила готова, спросил, какие будут приказания.

— Предупреди батальоны, что через час будем хоронить,— кратко сказал Денисов.

Вошел еще один офицер и протянул полковнику какой-то странный никелированный предмет, похожий на две большие рачьи клешни, соединенные вместе.

— Что это? — брезгливо спросил Денисов.

— Наручники... Солдаты целый склад обнаружили. Но таких, как эти, немного... Остальные погрубее и попроще. Хотите? Вроде сувенира из гестапо.

— Спасибо! — сухо сказал Денисов. — Еще какой-нибудь гадости для меня не нашли?

Все, забыв о пленных, стали рассматривать блестящие наручники, устроенные при помощи зубчатки так, что, если попытаться освободить от них руки, они еще сильнее стискивали кисти. Разомкнуть наручники можно было только ключом.

— Хороша работка! — заметил кто-то. — И, видно, сталь достаточно прочная.

— Ведь изобретали, наверное, даже мучились, — добавил командир батальона капитан Моськин.

Пленные офицеры не сводили напряженных глаз с наручников.

— Все выяснили? — спросил Денисов переводчика, обрывая этот пустой, раздражавший его разговор. — Отправляйте их в колонну.

Немецких офицеров вывели.

— Еще пленных привели,— доложил капитан Моськин.

— Да хватит с ними возиться,— вспыхнул вдруг Денисов.— Зачем нам всех допрашивать? Заканчивайте собирать и сводите всех на сборный пункт.

— Эти особенные,— возразил Моськин.

— Чем?

— Сейчас увидите.

В комнату втолкнули троих подростков по четырнадцати-пятнадцати лет. Одеты они были не по сезону легко, только в брюках и куртках. Длинные волосы взлохмачены. Глаза лихорадочно блестят. Они жались друг к другу и смотрели на танкистов с таким испугом, будто им угрожали оружием. Может, ждали и побоев.

— Что такое? — недовольно сказал Денисов.

— Фаустники, — доложил Моськин. — С чердака сняли...

— Допроси,— приказал переводчику Денисов.

Подростки при первых словах, обращенных к ним, встали навывтяжку, плотно прижав руки к бедрам. Они готовно и торопливо отвечали на вопросы переводчика.

— Во всем признаются,— сказал переводчик.— Стреляли по нашим танкам. Тут еще неделю назад всех школьников собрали в отряды обороны и рассадили по укрытиям.

В комнате воцарилось молчание.

— Куда их? — спросил Моськин.

Тяжелым взглядом Денисов смотрел на мальчишек.

— Детьми нас думают остановить... Больше уж нечем... Ладно, не трогайте их... Отпустите домой. Не в плен же нам ребятишек брать,— сказал он, словно перед кем-то оправдываясь.— Только скажите ребятам — пусть больше с оружием не балуются. Ведь и наказать можем.

— Вэк! * — рявкнул на них Моськин, изображая свирепость.

Подростки, подхлестнутые этим вскриком, выскочили в коридор.

Еще раз мы увидели их из окна. Они бежали по улице, обгоняя друг друга, высоко по-мальчишечьи вскидывая тонкие ноги.

* Прочь!

•Последние километры, последние залпы

«За последние три дня в районе центральной группы наших войск,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро от 19 апреля,— велась силовая разведка, которая переросла в бой по захвату и расширению плацдармов на реке Одер и Нейсе.

В результате этих боев наши войска на Дрезденском направлении форсировали реку Нейсе и овладели городами Форст, Мускау, Вейссвассер».

Форст

Дороги затянуты дымом лесных пожаров. Иногда сплошная стена огня подступает к самому краю шоссе, пересекающего густые леса Форста и Пфертена. От жара и гари трудно дышать. За огненной стеной, которой немцы думали перегородить нам дорогу, начинаются лесные завалы, траншеи, земляные укрепления, провололочные заграждения. Наша артиллерия разбила эту полосу обороны противника, и войска подошли к Нейсе.

Старший лейтенант Филиппов рассказывает мне, как ночью он со своими бойцами переправился на западный берег и, скрываясь в лесной чаще, неожиданно вышел на южную окраину города. Немцы решили, видимо, что советские войска начали генеральный штурм Форста. Заговорила чуть ли не вся артиллерия Форста. Снаряды падали в воду, в глубину горящего леса. И, пока смельчаки роты Филиппова вели разведку боем, наши артиллерийские наблюдатели в последний раз проверяли сложную огневую систему врага, засекали все новые и новые цели.

На рассвете при сильной поддержке артиллерии многие подразделения начали одновременно переправляться через Нейсе. В роте лейтенанта Панферова вместе служили два брата Зарубич — Николай и Федор. Для

переправы были отысканы лодки, но лейтенант решил, что рота лучше перейдет реку вброд. Николай Зарубич брод нашел скоро, и рота быстро переправилась на западный берег. Николай вернулся обратно и перевел вторую роту, затем третью, минометчиков. Восемь раз под огнем врага переходил он Нейсе, переправляя все новые и новые подразделения.

Под бешеным огнем вышли наши солдаты на западный берег, штурмом, бросками пробили первую, вторую и третью линии береговых траншей. В минуту, когда несколько стих огонь, солдат Павел Стэч, из западных украинцев, сказал своим товарищам по отделению:

— Вот, значит, мой обратный путь...

Его товарищ, Данилюк, хорошо понял Павла. Немцы угнали Стэча на запад Германии в лагерь. Он бежал, шел ночами, голодал сутками, пока не наткнулся на группу советских людей, которой командовал человек, по имени Клим. По Германии, потом по Польше этот отряд пробил себе дорогу к своим. Теперь обратный путь — путь через проклятую фашистскую страну.

...Ожесточенный бой продолжался после форсирования Нейсе и на улицах Форста.

Куда ни взглянешь — заводские трубы. Только что очищен от немцев огромный завод. Он занимает сорок гектаров. Целый подземный город под корпусами — казематы, цехи, переходы, силовые станции. Пробивая своеобразный тоннель через кирпичные стены, наши солдаты занимают цех за цехом, дом за домом, квартал за кварталом, прочесывая все уголки.

Канал Мюль Грабен, ответвляясь от Нейсе на южной окраине Форста, тянется вдоль реки с юга на север. Батальон капитана Климентьева освобождает это заводское междуречье. В это же время солдаты капитанов Палеха и Влащенко окружают центр города. Занимая южные и юго-западные кварталы, они захватили электростанцию. Немцы теперь зажаты в клещи.

Братья Зарубич с первыми солдатами ворвались в здание электростанции и выбили из нее немцев. В этом бою Николая ранило в правую руку. Но он продолжал стрелять левой, пока командир роты Панфилов не приказал ему отправляться в госпиталь.

— Иди, иди, Коля, только побыстрее возвращайся, — сказал ему Федор.

Ночью в группе смельчаков — по-другому не назовешь этих солдат — Федор пошел на штурм многоэтажного дома. Они выбили из него немцев гранатами и заняли оборону. Федор сидел с пулеметом у окна на третьем этаже. Несколько раз в эту ночь немцы пытались ворваться в дом. И всякий раз маленькая группка, среди которой были и раненые, отбивала атаки немцев.

Наутро солдаты продолжали наступление. Очищая дом за домом, захватывали они районы Форста. Борьба на всех участках шла трудная и ожесточенная. Минометчики во многих случаях вели огонь на предельном угле возвышения, посылая мины на голову врага буквально через стены домов.

Все туже петля затягивалась и вокруг стадиона, где скопились гитлеровцы. Наконец, ликвидировали и эту группировку немцев. Подавили последние очаги сопротивления — в здании крематория и на городском кладбище.

Наши солдаты заканчивают очистку Форста. В боях за этот город они разгромили два фашистских пехотных полка, с приданными ему различными артиллерийскими подразделениями, захватили большие военные и заводские склады с самым разнообразным имуществом. Красные победные знамена реют над Форстом.

...Эти хроникальные записи я делал в самом Форсте, перебегая вместе с солдатами из цеха в цех. Беспрерывно сыпалась жесткая щебеночная крошка, пахло мазутной гарью, рушились стены каменных укрытий, а бои все продолжались — за следующее заводское здание, за следующий квартал жилых домов.

Идет широкое наступление... Все знают, что это не просто наше очередное наступление — это и битва за Берлин. Это последние километры к столице фашистской Германии. Последние бои, последние залпы артиллерии...

На марше я встречаю батальон танкистов, который ведет двадцатипятилетний майор Борис Курцев. Молодой офицер начал воевать под Москвой, командуя ротой легких танков. Потом он пересел на «тридцатьчетверки». В его послужном списке десятки танковых сражений и боев. Вот каким он приходил к Берлину! За последние

шесть дней этот батальон прошел с боями по немецкой земле более трехсот километров. По пятьдесят километров в сутки! Как танкисты выдерживают подобную нагрузку? Майор показывает мне на карте извилистый путь батальона с рядом петелек, которыми они надежно охлестывали дезорганизованные немецкие части и ликвидировали их.

— Торопятся ребята к Берлину, — говорит Курцев. — Хотят первыми войти в него.

Еще встреча в пути. Танковый батальон, которым командует майор Павел Чирков. Мы с ним знакомы еще с боев под Орлом.

Таких офицеров-ветеранов в Уральском корпусе сохранилось не так уж много.

— Бьются стойко, — сдержанно говорит он о последних встречах с немцами. — На Орловщине они тоже были храбрыми. Но тогда их вдохновляла уверенность в победе, а сейчас — отчаяние смертников. А может, и надеются, что еще можно что-то спасти.

Он рассказывает о последнем нелегком бое. Продолжался он четверо суток. Наши танкисты наткнулись на группировку, в которой было сорок танков, поддерживаемых значительными силами пехоты, артиллерии. Противник занял выгодные городские рубежи, и атака в лоб привела бы к значительным потерям. Чирков решил попытаться обмануть противника. Взвод «тридцатьчетверок» вышел в огневую разведку. Приняв короткий бой, эти машины вместе со всем батальоном отошли. Гитлеровцы попались на эту хитрость. Они решили, что русские танки теперь попытаются атаковать их на юго-восточной окраине, и направили туда свои главные силы. Тут их и встретили в засаде уральцы. Начался ночной бой...

Четверо суток немцы пытались вырваться из города. Но капитулировать не соглашались. Уральцы плотно перекрыли им все дороги. На исходе четвертых суток гитлеровцы все же сложили оружие, потеряв 32 танка, 400 солдат и офицеров сдались в плен.

По разрешению командира корпуса танкистам дали после этих боев суточный отдых.

Таким был последний бой...

С начала военных действий в Германии батальон прошел по немецкой земле по прямой 600 с лишним кило-

метров, а с отклонениями — более полутора тысяч. Им взято штурмом шесть немецких городов.

Так громили гитлеровцев на немецкой земле уральские танкисты.

Об одном этом батальоне может быть написана документальная повесть, полная подвигов танкистов в боях с немцами. Только за бои на Западной Украине, за освобождение Каменец-Подольска и Львова четверым танкистам присвоено звание Героев Советского Союза.

Я еду с Павлом Чирковым на его командирской машине. Ведет ее гвардии старшина Федор Сурков, Герой Советского Союза. Этого парня, прекрасного водителя, бесстрашного и умелого солдата, любят в батальоне. Его, как и Павла Чиркова, я знаю тоже еще с Орловщины и не раз писал о нем.

Иногда ребята шутили, что есть заговоренные от смерти. К таким можно смело отнести Федю Суркова. Шесть машин успел он потерять за многие месяцы войны, а вот сам продолжает воевать. Чудом можно считать, что он остался жив во Львове. Его машину, вырвавшуюся в уличных боях вперед других, выследили и подбили фаустники. Танк запылал. Ежесекундно он мог взорваться от детонации снарядов. Федя Сурков, не покинувший гибнущей машины, продолжал бой. Он увидел «пантеру» и встал к пушке. Первым снарядом он промазал, вторым смертно подбил вражескую машину. Но в то мгновение, когда Сурков выпускал второй снаряд, его «тридцатьчетверка» взорвалась. Воздушной волной с нее сорвало башню, а Федю выбросило на тротуар. Его, раненого и оглушенного, подобрала и укрыла жители Львова — свидетели этого боя. В этот район города танкисты прорвались только через сутки. Жители и передали им раненого Суркова, которого они прятали от немцев.

В этот же день я снова встретился с полковником Сергеем Алексеевичем Денисовым.

Он предельно измотан. Обстановка все время меняется, противник неожиданно появляется то на пути движения бригады, то на флангах, в тылу. Надо принимать мгновенные решения.

Денисов старается не задерживаться на промежуточных рубежах. Бригаду торопят к Берлину. Генерал сердито выговаривает ему по радиосвязи за каждое промедление, за каждую задержку.

А Денисову надо не только воевать, но и к Берлину подойти боеспособным. Надо беречь машины.

— Понимаю, — говорит Денисов, — почему так спешим в Берлин. Там исход войны. От стремительности нашего удара будет зависеть окончательный успех. Надо завершать дело. И завершать — в Берлине. Союзники, знаете, тоже торопятся туда...

У последней реки

Вот строки из записной книжки тех последних дней войны:

«...Грозной стеной вставало на пути наших войск междуречье Нейсе — Шпрее. А преодолели его за двое суток. Два дня сражений, не утихавших ни днем, ни ночью. Два дня упорного неудержимого движения на запад — к последней реке, за которую уцепились немцы, защищая каждый клочок земли.

В головном отряде вместе с пехотой шло подразделение противотанковых орудий капитана Соловьева. Двигаться приходилось через горящие леса, прорываясь сквозь стену огня. У канала немцы попытались задержаться. Самоходка противника открыла сильный огонь по нашим подразделениям. Тогда артиллеристы, не ожидая саперов, сами навели переправу и, очутившись на западном берегу, с фланга, прямой наводкой ударили по гитлеровцам. Этим был открыт путь для пехоты.

В селе Гросс-Бахшедорф немцы организовали круговую оборону. Их взяли в клещи. Огонь врага ослабел. Артиллеристы беглой стрельбой ударили по бегущим расчетам, по отступающей немецкой пехоте. Наши солдаты ворвались в село и захватили шесть исправных 88-миллиметровых орудий. К ним нашлись и снаряды, так что немецкие пушки сразу были пущены в дело.

Все междуречье Нейсе — Шпрее превратилось в огромное кладбище немецкой техники. На проселках, опушках лесов, на шоссе стоят подбитые и сожженные «тигры» и «пантеры», грузовые машины самых разных марок. Только на улицах Лаубедорфа я увидел четыре уничтоженных танка. Один брошен подбитым. На другом, сгоревшем, фашисты пытались бежать, но не успели. Сожженные трупы немецких танкистов приварились к накаленной, желтой от жара броне.

Скорее!.. Скорее завершить последний бой... Эта мысль владеет каждым солдатом, каждым офицером. Днем с хода ворвались в Нейхаузен. Берег Шпрее отсюда в трехстах-четырехстах метрах. Вон за тем лесом синее быстрая, в низких берегах река.

Шпрее! Последний водный рубеж перед Берлином!

Немцы сделали все, чтобы в сильно укрепленном поселке Нейхаузен задержать наше наступление, не дать форсировать реку. Танки поддерживали сильный пехотный гарнизон. Всюду — артиллерийские расчеты.

Капитан Жилинский двое суток назад в числе первых форсировал Нейсе. Теперь он вел своих солдат к Шпрее.

Веером на лесной поляне расположились наши артиллерийские позиции. Грянул залп, и берег Шпрее заволочло дымом. Пехота вырвалась вперед. Шестерка немецких танков и бронетранспортеров притаилась в засадах. У бойцов Жилинского были противотанковые ружья.

Немецкий танк показался из засады. Сержант Виктор Касаткин хладнокровно дождался, пока танк повернулся к нему боком, затем выстрелил. Танк загорелся. По солдатской цепи пошел листок-«молния», сообщающий о продвижении бронейщика.

Виктор Касаткин — уралец. До войны он был председателем одного из колхозов, прошел большой путь войны. Из снайперской винтовки Касаткин застрелил 44 немца. Теперь он на подступах к Берлину открыл счет уничтоженным танкам.

Немцы отступают. Пехотинцы преследуют их буквально по пятам, не давая закрепиться. На этом участке русло реки перегораживала плотина мельницы. Немцы взорвали мост и плотину. Поднялась вода. Но это не могло остановить наших солдат. По обломкам досок, по кускам взорванного бетона, не отставая от немцев, они переправились на правый берег.

Первыми на левый берег Шпрее на этом участке переправились солдаты батальона, который вел капитан Делибалтаян. Отважные поступки его солдат не перечислить. Ручной пулеметчик младший сержант Иван Стоматин вскочил в здание взорванной мельницы и открыл стрельбу по противнику. Трое немецких солдат пытались перебежать с опушки леса к бревнам, лежавшим у дороги. Меткой очередью Иван Стоматин свалил их.

— Вперед! — крикнул солдат.

Отделение вслед за Стоматиным ворвалось в наспех отрытую траншею противника, и Иван Стоматин убил еще семерых немцев.

Здесь, на левом берегу, проходило три ряда немецких траншей. Немцы вели сильный пулеметный огонь. Тогда младшие лейтенанты Белоусов и Бакуновец повели своих солдат в обход. Они зашли глубоко в тыл врага и оттуда ударили по нему. Смелый и быстрый маневр решил успех захвата плацдарма на Шпрее. Немцы отошли.

Шпрее тут была форсирована.

Еще продолжался сильный бой, а саперы уже наводили прочные переправы. К шести часам вечера они свою работу закончили. В это время пехотинцы расширяли захваченный плацдарм, продолжали теснить немцев. На завоеванный пехотинцами плацдарм лавиной хлынули по переправам артиллеристы и танкисты.

Через Шпрее на западный берег движется грозный поток советских войск. Час за часом, день и ночь...

«Вперед на Берлин!»

Все ближе и ближе к победе советские войска.

«Войска Первого Украинского фронта,— сообщалось в оперативной сводке Советского информбюро 23 апреля,— перейдя в наступление, прорвали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев на реке Нейсе, продвинулись вперед от 80 до 160 километров, овладели городами Коттбус, Люббен, Цоссен, Беелитц, Лукенвальде, Тройенбритцен, Цана, Мариенфельде, Треббин, Рангсдорф, Дидерсдорф, Тельтов и ворвались в столицу Германии Берлин».

В этот же день из сводки Советского информбюро мы узнали, что наши соседи — войска Первого Белорусского фронта — тоже ворвались в Берлин.

Я записывал в дневнике:

20 апреля.

Никогда еще не выглядела так военная дорога. На каждой пушке, на танках, самоходках праздничные над-

писи. К пехотной пушке Алексея Сугробова привязана лента, на которой всего три слова: «Вперед на Берлин!» Эти же слова на стволах пушек. Огромную, «убедительную», как говорят солдаты, самоходку украшает транспарант: «Через Берлин путь к окончательной победе!»

День сегодня хмурый. Кругом хвойные леса, перелески, сожженные лесным пожаром, обугленная черная земля, горький запах гари. Дождь то перестает, то снова льет с холодного неуютного берлинского неба. А на душе у людей праздник. Низко, под тучами, проносятся штурмовики, даже в эту непогоду продолжающие свою работу.

Три минуты лета до Берлина! Шутка сказать — последние километры, конец великого и грозного пути!

Вот движутся самоходчики подполковника Шапарь. Только что в бою они зажгли немецкий танк, разбили два орудия, разгромили немецкий транспортер. В тяжелом бою ранен командир машины — Колосов. Его хотели отправить в госпиталь.

Он резко отказался:

— Сдурели!.. До Берлина никуда не уйду...

Старшина Николай Карпенко начал войну в 1941 году в Мариамполе в 13-й пограничной заставе, там принимал первый бой, оттуда отходил, теснимый немцем.

— Знаете, — говорит он на ходу, — с первого дня войны на фронте. С того времени семью не видел. Трижды ранен. И было такое чувство, что страшно устал, просто иногда казалось: сил больше нет. А теперь вот скажи мне: пойдешь, Карпенко, отдыхать — это было бы для меня хуже всякого наказания. Хочу войти в Берлин!

Командир орудия сержант сибиряк Николай Рябинин прошел со своей пушкой от самого Сталинграда. Он готовится встать на последнюю огневую позицию у Берлина.

— А потом сдадим ее в музей боевой славы!

Днем и ночью продолжается наше стремительное наступление. Разведчики углубились в лес справа от шоссе в сторону Огрозена. Они взволнованно докладывают подполковнику:

— Обнаружен лагерь советских военнопленных.

Сразу снаряжаются два танка. С ходу они разрушают колючую проволоку. Тысячи наших людей очутились на свободе.

21 апреля.

Теперь мы под Берлином...

С танкистами смотрим карту. С юга и юго-востока Берлин окружает целая цепь озер. Это очень сильный естественный водный рубеж. Между озерами Гроссер Цешзее и Гроссер Меггелинзее — узенький перешеек. Тут немцы построили системы обороны столицы, противотанковые рвы, проволочные заграждения. Перешеек — как бы ворота в Берлин. Его надо взять штурмом.

На штурм перешейка первыми пошли гвардейцы батальона майора Литовских. Немцы несли огромные потери, но не отходили. Да и куда им было отходить? Каждый дом в поселке приходилось брать с боем. Особенно упорно защищались гитлеровцы в трех последних строениях. Подошли наши самоходки и танки, ударили по амбразурам, где стояли пулеметы, в окна — дома запылали. Автоматчики ворвались в эти горящие здания и завершили штурм.

Более двухсот трупов немецких солдат валялось на узком клочке земли. На юг повели длинную колонну пленных.

Гвардейцы двинулись дальше на северо-запад — на Берлин, и в раскрытые ими «ворота» столицы хлынул поток наших войск.

22 апреля

Отсюда все дороги ведут только в Берлин. Все, что мешает движению, сметается прочь. Вот, завалившись в кювет, стоит двухэтажный берлинский автобус, похожий на пузатый комод, весь обклеенный пестрыми рекламными плакатами. Автобус курсировал между Берлином и Цоссеном.

В лесу, юго-восточнее Цоссена, я увидел большой дачный поселок, где помещался генеральный штаб немецкой армии. Немецкие генералы бежали сюда из Берлина от бомбежек. Под каждой дачей имелись многоэтажные бомбоубежища. Американские и английские самолеты «накрыли» штаб. «Дачный» поселок разбит. Вся его площадь покрыта глубокими воронками.

«Илы» стремительно проносятся в воздухе. Теперь они кружат в небе Берлина, прикрывая наши наступающие части от воздушных сил противника. В колонне танков движется крытая полуторка. Это станция наведения.

— Вы надо мной,— говорит в микрофон майор в летной форме.— Прикрывайте этот район. Движемся вперед!

«Мессершмитты» редко рискуют появляться в небе. Наши самолеты уже вытеснили с берлинского неба немцев. В коротких воздушных боях победа остается за нашими летчиками. Офицер Лобов, командир авиачасти, прикрепленной к танкистам, сейчас все время в воздухе. Им лично сбит «Ю-87» во вчерашнем бою. Летчик Калашников записал на свой счет немецкий самолет, сбитый им над центром Берлина.

Зорко следят за воздухом зенитчики. На поле располжилась зенитная батарея, которой командует старший лейтенант Наливайко. Вчера батарея сбила «Хейнкель-111». Это тридцать девятый самолет, сбитый дружными батареями. Вечером танкисты майора Клименко ворвались в пригород Берлина — Тельтов.

23 апреля.

Окраина Берлина. Тут, у канала Тельтов, самый южный район города. Вначале видны дачные улицы, коттеджи в сирени и цветущей вишне, щеголеватые веранды с цветными стеклами, а дальше за каналом хмуро сереют рабочие дома, разрушенные и полуразрушенные бомбежками.

Танкисты батальона, которым командует майор Курист, разместились в уютных домиках Тельтова. В палисадниках — масса цветущих тюльпанов.

Берлинская электростанция продолжает подавать ток в этот район, работает водопровод. Берлинская телефонная барышня соединяет Тельтов с центральными районами города. Так фрау Эльза Шмидт с Мелевенштрассе, как успели подслушать наши офицеры связи, успела позвонить в Берлин родственнице Марте Шмидт и передать:

— У нас русские... Но вовсе ничего страшного. Все в порядке. И слава богу, скоро кончится война...

На этом их разговор вежливые советские офицеры прервали.

Теперь только канал Тельтов отделяет наши войска от центральных районов города. Канал не широк, но с крутыми бетонными стенами, глубокий. К самому каналу выходят прочные многоэтажные здания. Форсировать его вброд невозможно, надо строить переправы. Но как? Немцы сосредоточили на северном берегу всю свою артиллерию. Столицу не собираются сдавать. Поглядишь в бинокль, и кажется, шевелятся серые развалины. В каждой каменной щели — немец. В каждом разбитом окне — фаустпатронщик.

У южного берега, готовясь к штурму и завоеванию берлинского плацдарма, накапливается наша пехота. Саперы готовятся к наведению переправ. Артиллеристы плотно устанавливают орудия. Мощным, более мощным, чем на Сандомирском плацдарме, будет артиллерийское наступление.

Вот грянула одна батарея, другая, и пошло грохотать. Громовая артиллерийская переключка. По северному берегу бьют орудия всех калибров, разнося в прах каменные крепости за каналом.

24 апреля.

Я возвращаюсь из-под Берлина в редакцию. Надо сдать материалы о начале битвы за столицу Германии.

Машина едва продвигается. Шоссе сейчас похоже на бурную, стремительную реку. Два потока движутся один навстречу другому. Из-под Берлина едут и идут освобожденные нами военнопленные всех национальностей: русские, итальянцы, французы, англичане, греки, бельгийцы. На арбах, на тракторах, на велосипедах, даже на старомодном берлинском автобусе «Саламандра» (вот уж, наверное, не думали никогда берлинцы, что эта «Саламандра» повезет иностранных рабочих). Больше всего русских и украинцев. Какие счастливые лица у всех! Многие на дышлах повозок, на рулях велосипедов укрепили флаги своих государств.

А навстречу движется громада наших войск.

Смоленские, киевские, витебские, житомирские, орловские и курские возвращаются домой. Сотни тысяч людей. Это невозможно рассказать. Молодые парни, которые собираются завтра пойти в армию. Девушки, жадно расспрашивающие о том, что делается на Родине. Вот

на высокой телеге, в окружении девчат, едет старуха Василиса Маркова. Не хотелось ей, как девчатам, надеть ничего немецкого. Старая кожаная свитка на ней, та самая, в какой она ходила дома, в какой уехала на чужбину в рабство, цветастый русский платок на голове. Скорее бы забыть о неметчине! Скорее бы домой!..

Так и движутся навстречу друг другу два потока — армия освободителей от фашизма и люди, которым эта армия завоевала освобождение...

«Войска Первого Белорусского фронта, — сообщалось 2 мая в оперативной сводке Советского информбюро, — под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск Первого Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии».

Поверженный Берлин

Я брожу по разбитому в прах Берлину среди толп наших солдат и офицеров. Особенно много их возле рейхстага, где на колоннах появляются все новые и новые надписи победителей фашистской Германии, у здания личной канцелярии Гитлера.

Смотрю на штатских немцев. Их становится все больше. Они попадают небольшими группами, одиночками, изредка семьями. Проходят, не поднимая глаз. Выглядят неряшливо, в помятых костюмах, небритые.

Проводят большую колонну военнопленных. Идут похмурые, медленно переставляя ноги, с усталыми серыми лицами. Останавливаются немцы, тоскливо смотрят на своих солдат.

На обломках бетона сидят две маленькие девчурки. Мать, положив рядом рюкзак, кормит их с ложечки повидлом, которое она осторожно достает из маленькой консервной баночки. Они поочередно широко открывают рты, словно галчата. Кто эта женщина? Откуда она?

Проходит высокий, в черном пальто, в черной шляпе,

в темных очках, слепой, постукивая палкой. Его ведет рослая собака, с накидкой на спине, обходя каменные обломки, торчащий на тротуаре сгоревший танк, с фашистской свастики на борту.

Слепой застревает среди обломков. Неподвижно стоит собака, потерявшая дорогу. Он о чем-то громко спрашивает прохожих, видимо, просит о помощи. Двое немцев что-то объясняют ему, помогают выбраться из развалин. Куда он идет? Даже зрячему трудно разобраться в этом хаосе бывших улиц.

Обыкновенная солдатская кухня. К ней тянется длинная очередь детишек всех возрастов, с самой разнообразной посудой в руках, даже с чайными блюдами, а то и просто где-то подобранными консервными банками. Они с доверчивой надеждой смотрят на солдата, который щедро накладывает во все посуды кашу. Едят ее ребята тут же, отойдя немного в сторону. Не очень-то весело на все это смотреть. Я думаю не о тех, кто дошел до Берлина, а о тех, которых нет с нами. Их больше, их во много раз больше.

И среди многих и многих вспоминаю высокого и горластого старшего лейтенанта — командира роты автоматчиков стрелкового батальона, приданного Свердловской танковой бригаде. Но как его фамилия?

Ну и характер у него был! С подчиненными офицерами особенно не ладил, открыто порицая их проступки, нарушения воинской дисциплины. К солдатам относился сурово. Программа подготовки была физически тяжелой, он ее увеличивал, не щадя солдат. О том, что при этом он и себя не жалеет, не думали. Всегда в роте, с подъема и до отбоя, успевая побывать во всех взводах и отделениях, придирчиво следя за подготовкой каждого бойца, выматывая и солдат и офицеров.

Ничего не упускал в роте. Какие скандалы закатывал, если замечал, что кладовщики стараются урвать что-то от солдатского, нетароватого в то время, пайка, не стесняясь в таких случаях доходить и до командира бригады. А ведь в то голодное время бывали офицеры, которые не считали предосудительным попользоваться за счет солдатского котелка, рассуждая, что солдат много, а он, офицер, один. Казалось, что ему, находившемуся в сложных отношениях с офицерами и непопулярному среди солдат, будет трудно на фронте.

А он готовил солдат для большого боя.

На Орловско-Курской дуге его рота оказалась особенно стойкой в схватках с противником. Солдаты храбро дрались с немцами, смело вступали в единоборство, даже будучи в меньшинстве. Они отличались высоким боевым духом, сплоченностью. Нет, оказалось, что старшему лейтенанту не было трудно с солдатами на фронте.

Его ранило на седьмой день ожесточенных боев. Перебило обе ноги, грудь. Шел дождь. По размякшей земле, спасая своего командира, солдаты почти два километра под огнем вытаскивали его на плащ-палатке.

К уральцам старший лейтенант так и не вернулся. Не знаю, остался ли он жив, не знаю ничего о его судьбе. Но в роте долго помнили своего сурового командира, хотя и недолго воевал он с ними. Он тоже готовился к Берлину, к этому готовил и своих солдат. Хотя почти никто из той роты автоматчиков не дошел до столицы Германии, но они начали этот далекий путь. Эта победа принадлежит и им. Может быть, даже больше, чем нам.

Но не для всех война завершилась в Берлине.

В те памятные майские дни, когда народы всего мира праздновали победу над фашистскими армиями Гитлера, разгром гитлеровского государства, когда Красные знамена реяли в поверженном Берлине, уральские танкисты продолжали сражаться.

Танковые армии Рыбалко и Лелюшенко, преодолевая горные кряжи Рудных гор, спешно двигались к Праге.

Восставшая Прага по радио звала на помощь русские войска.

Я попал в Прагу уже после боев.

Последние интервью

Майское ясное утро... Роса сверкает на молодой траве, на лепестках цветущей вишни. Дом — в лиловой кипени сирени. Вишневый сад, словно туманная река, спускается в долину. В глубине, среди мягких зеленых холмов, видна Влтава, в отдалении четкими многочисленными башнями и сверкающими куполами проглядывается Прага.

Спокойное чистое небо.

Открыто, прямо на площади, по улицам села, стоят танки, пушки, автомашины.

Война кончилась.

Не будет больше стрельбы. Ничем не угрожает голубое небо. Можно слушать шорох ветра и вдыхать запах сирени.

Но еще позавчера на улицах Праги шли сражения, грохотали орудия, свистела каменная крошка зданий, пылали здания, лилась кровь.

Это, мои последние интервью, последние записи о войне.

— По канату в цирке ходить, наверное, легче, — говорит Гриша Чесак. — Дорога узкая — то подъем, то крутой спуск. В одном месте встретился такой крутой поворот, что и на телеге трудно развернуться. Мы жмемся к скале, а машину к обрыву сносит. Думал — сейчас загремим, потеряем машину... Но одолели... Такой марш не забудешь...

Гриша Чесак, мастер танковых дуэлей, завязывавший смелые бои с немецкими танками в Фридриховке, в Каменец-Подольске, дошел от Орловщины до Берлина. Последними выстрелами он завершал войну в Праге, разнося баррикады гитлеровцев, прорываясь к мосту через Влтаву. Он и тут уничтожил две вражеские самоходки. Он лежит на траве, скинув ребристый танковый шлем, подставив лицо солнцу, щуря от сильного света глаза, прикрытые светлыми густыми ресницами. На гимнастерке у него сверкает звездочка Героя. Я вспоминаю его дерзкие слова, что воевать он будет на Героя. Уж коли воевать, то воевать. И он стал Героем... По праву!

Я слушаю рассказы о самых последних часах войны. Кругом немало знакомых лиц. Я встречался с ними на Орловщине, на Западной Украине, в Польше, в Германии. Это ветераны корпуса, испытанные во многих боях солдаты. Но есть и незнакомые. Они пришли позже, заменив павших.

— Гончаренко в разведку первым шел, — рассказывает незнакомый мне чернявый лейтенант. — Моя машина двигалась за ним левой стороной улицы. Вышли к набережной. Кремль видим... Впереди, перед мостом, какой-то завал — мешки, доски, куски рельс. Двинулись... А тут — жители. Машут руками, приветствуют, цветы бросают... Иван вылез из башни. В него — цветы, он ловит их и обратно в толпу бросает. И тут какая-то сволочь — фаустпатроном. В секунды произошло. Иван так

и повалился — наповал... Тут мы уж дали огоньку по баррикаде. Разнесли ее в прах...

Иван Гончаренко погиб за несколько часов до окончания войны. Он погиб в нескольких шагах от нее. Не увидел полной победы. А ведь мог быть среди нас, любоваться этим небом, цветущим садом, смотреть на близкую Прагу.

— Завтра — новая жизнь. Трудовая...

Эти простые, но значительные слова говорит автоматчик, прокатчик по мирной профессии, Григорий Белых, пришедший в корпус из старинного уральского города Первоуральска.

Добровольческий танковый корпус создавал весь Урал. Он выражал силу и мощь края. Он послал в него своих лучших сынов, одел их, дал оружие.

Уральцы-воины оправдали доверие народа. Их подвиги вписаны в страницы бессмертной летописи Великой Отечественной войны.

Самая лаконичная сводка Советского информбюро была опубликована 15 мая 1945 года. Она содержала одну фразу:

«Прием пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен».

Война с фашистской Германией завершилась.

Октябрь 1967 г. — ноябрь 1969 г.
Свердловск — Москва

Стариков Виктор Александрович. Память моя — солдаты

Редактор Т. Раздьяконова. Художник С. Киприн. Художественный редактор Г. Кетов. Технический редактор К. Проскурникова. Корректоры Г. Журавлева, А. Богородская. Сдано в набор 30/IV 1971 г. Подписано в печать 5/VIII 1971 г. НС 38073. Бумага типографская № 2. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 11. Усл. печ. л. 10,92. Тираж 15 000. Заказ 253. Цена 56 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

